

ПОЛИТИКЪ.

ПОЛИТИКЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Политикъ есть одинъ изъ тѣхъ діалоговъ Платона, которые или мало объяснены, или вовсе неправильно поняты филологами. Поэтому мы должны глубже войти въ смыслъ его содержанія, обстоятельно разсмотрѣть данную ему Платономъ форму и изслѣдованіе о немъ, сколько можно, довести до подробностей. Порядокъ же изслѣдованія всего естественнѣе, будетъ, думаемъ, такой. Чтобы видно было, на что въ этомъ діалогѣ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, мы сперва сдѣлаемъ обзоръ заключающихся въ немъ разсужденій; потомъ возьмемъ въ расчетъ время, когда, по всей вѣроятности, онъ написанъ, и поставимъ на видъ связь его съ Теэтетомъ, Софистомъ и Парменидомъ; затѣмъ присмотримся къ господствующимъ въ немъ приемамъ изслѣдованія и покажемъ причины установленія такого, а не другаго метода. Послѣ сего надобно будетъ еще разсмотрѣть значеніе каждой изъ трехъ частей этого сочиненія и опредѣлить изложенное въ нихъ ученіе о политикѣ и дѣлахъ политическихъ, такъ чтобы ясно представлялась гармонія ихъ отношеній. Тогда взглядъ на Политика, надѣемся, сдѣлается правильнѣе, и

достоинство этого разговора обозначится яснѣе, чѣмъ какъ обыкновенно понимаютъ и оцѣниваютъ его.

Въ Политикѣ бесѣдуютъ: Сократъ, Феодоръ киринейскій, иностранецъ элейскій и Сократъ-юноша. Эти самые собеседники разговариваютъ также въ Теэтетѣ и Софистѣ, кромѣ одного Сократа-юноши, который однакожь въ прежнихъ бесѣдахъ если и не принималъ участія, по крайней мѣрѣ присутствовалъ при нихъ (см. Theaet. p. 147 C; Sophist. p. 218 B). Теперь онъ вступаетъ въ разговоръ вмѣсто утомленнаго вчерашнею бесѣдою друга и товарища своего Теэтета. Такъ какъ Теэтетъ походилъ на Сократа-философа чертами лица, а Сократъ-юноша былъ соимененъ ему, то Сократъ-философъ въ настоящемъ случаѣ совѣтуетъ элейскому иностранцу, по вчерашнемъ испытаніи перваго, сегодня испытать и другаго, а самъ въ продолженіе всего разговора остается только слушателемъ. Вчера элеецъ опредѣлялъ софиста, а нынѣ, по предположенію Феодора, слѣдовало бы ему показать природу политика и философа: но Сократъ замѣчаетъ, что эти предметы никакъ не равностепенны, — что философъ далеко выше политика. И такъ, держась общаго правила, что приличнѣе сперва рѣшать вопросы легчайшіе, чтобы потомъ доступнѣе было рѣшеніе труднѣйшихъ, всѣ стали просить элейскаго иностранца, чтобы, послѣ софиста, разсмотрѣлъ онъ политика (p. 257—258 A).

Элейскій иностранецъ приступаетъ къ дѣлу, пользуясь тѣмъ же искусствомъ дѣленія, какое было у него въ ходу при опредѣленіи софиста. Человѣкъ, опытный въ веденіи общественныхъ дѣлъ, говоритъ онъ, необходимо долженъ въ совершенствѣ знать нѣкоторое искусство. Стало быть, надобно изслѣдовать различные роды искусствъ, чтобы точнѣйшимъ образомъ опредѣлить, какое именно искусство должно быть приписано политику. Есть два высшихъ рода всякаго знанія: изъ нихъ одинъ занимается разсматриваніемъ вещей, не прибѣгая къ помощи дѣйствія; а другой, для совершенія того, что понято и познано, обращается къ самому

дѣйствию. И такъ, знаніе мы весьма правильно раздѣлимъ на *практическое* (*πρακτικῆ*) и *гностическое* (*γνωστικῆ*). Но то искусство, которое управляетъ людьми, живутъ ли они въ обществѣ, или въ своемъ семействѣ, если смотрѣтъ вообще, есть одно и то же; потому что и царь, и господинъ, и домохозяинъ, при управленіи, пользуются не руками или ногами и не какою нибудь другою частію тѣла, а однимъ внушеніемъ ума. Поэтому всѣмъ имъ надобно приписать искусство гностическое. Стало быть, надобно приписать его и политику; ибо если и не самъ онъ управляетъ, то самъ даетъ совѣты управляющимъ: слѣдовательно, по необходимости долженъ быть знатокомъ искусства политическаго. И такъ, искусство политическое должно быть почитаемо частію гностическаго (р. 258 В—259 D). Но за этимъ надобно опять обратить вниманіе на дѣленія искусства, называемаго гностическимъ или познавательнымъ; оно бываетъ тоже двойное: одно только судить объ истинномъ и познаетъ оное, и потому есть *судительное* (*κριτικῆ*); а другое судить и вмѣстѣ повелѣваетъ, что кому дѣлать въ томъ или другомъ отношеніи, и потому можетъ быть названо *распорядительнымъ* (*ἐπιτακτικῆ*). Политику слѣдуетъ приписать, очевидно, послѣднее. Но и оно опять дѣлится надвое (р. 259 D—260 C). Явно, что всѣ повелѣвающіе дѣлаютъ это или собственною властію, или выполняютъ только порученія, какъ, на примѣръ, глашатаи и другіе того же рода люди. Значить, искусство распорядительное бываетъ или *самораспорядительнымъ* (*αὐτεπιτακτικῆ*), или противнымъ тому, опредѣленнаго имени не имѣющимъ (р. 260 C—261 A). Потомъ, опять, управляющіе собственною властію простираютъ свою власть либо на вещи *неодушевленные*, либо на *одушевленные*, предписывая имъ свою волю, какъ, на примѣръ, домостроители. Но власть царская имѣетъ дѣло съ предметами одушевленными; поэтому надобно опять смотрѣтъ, какимъ образомъ дѣлится искусство самораспорядительное, простирающееся на одушевленныхъ (р. 261 A—D). Можно различать два рода существъ одушевленныхъ,

или животныхъ: одинъ родъ—*скотовъ*, другой—*людей*. Впрочемъ этого дѣленія элейскій иностранецъ не одобряетъ; потому что такимъ образомъ, по его мнѣнiю, отдѣляется только нѣкоторая часть отъ цѣлаго, но не упоминается о формѣ рода. Между тѣмъ, когда исчисляются формы рода, надобно дѣлать это, не пропуская ничего, находящагося въ срединѣ между высшимъ родомъ и какою нибудь его формою; ибо часть отъ формы и родоваго вида отличается такъ, что каждый видъ надобно принимать за часть цѣлаго, а часть какой нибудь вещи нельзя почитать видомъ и формою рода. Поэтому кто животныхъ дѣлитъ на скотовъ и людей, тотъ не менѣе погрѣшаетъ, какъ если бы дѣлилъ людей на эллиновъ и варваровъ; ибо подобнымъ образомъ можно было бы также весь человѣческiй родъ раздѣлить на варваровъ и фригiйцевъ или лидянъ, либо всѣхъ животныхъ на журавлей и на прочихъ (р. 261 D—263 E). Остережемся же, говорить элеецъ, изъ желанiя скорѣе дойти до искусства политическаго, позволить себѣ опрометчивость въ дѣленiи. Попытаемся опять сначала раздѣлить общiй уходъ за животными. Есть животныя, пасущiяся обществомъ: одни—водяныя, напри- мѣръ, рыбы, которыя живутъ въ Нилѣ или въ царскихъ озе- рахъ; другiя—обитающiя на сушѣ, каковы гуси и ессалiй- скiе журавли. Отсюда наука общаго пасенiя ихъ распа- дается на двѣ подчиненныхъ части: *кормленiе въ водѣ* (τὸ ὑδροτροφικόν) и *кормленiе на сушѣ* (τὸ ξηροτροφικόν). Царскiй долгъ пасти, очевидно, относится къ животнымъ, живущимъ на сушѣ. Затѣмъ это искусство мы раздѣлимъ опять надвое: на пасенiе животныхъ летающихъ и—животныхъ сухопут- ныхъ. Последнее, относя къ нему искусство гражданское, должно полагать также двучастнымъ. Но та часть, къ ко- торой направляется наша рѣчь, можетъ быть раздѣлена или короче, какъ бы сокращеннѣе, или такъ, чтобы оставалась возможность внимательно прослѣдить и рассмотреть всѣ ея частныя, посредствующiя формы и виды. И такъ, ис- пытаемъ-ка по порядку тотъ и другой путь, и сперва при-

ступимъ къ дальнѣйшему, а потомъ попытаемъ кратчайшій (р. 263 E—265 B). Животныя сухопутныя, сколько ни есть ихъ живущихъ стадами и ручныхъ, бываютъ или рогатыя или безрогія. Но нашъ царь, очевидно, пасетъ стадо животныхъ безрогихъ. Эти животныя имѣютъ или смѣшанное, или свое собственное происхожденіе. Такъ какъ царь и мужъ, украшенный гражданскою мудростію, печется объ этомъ послѣднемъ родѣ, то его должны мы опять раздѣлить надвое. А раздѣлить его весьма прилично на четвероногихъ и двуногихъ. Но здѣсь представляется довольно страннымъ то, что съ человѣческимъ родомъ сталъ въ параллель родъ птицъ, родъ изъ всѣхъ самый быстрый и подвижный, тогда какъ царю должны бы сопутствовать роды мужественные и воинственные. Но здѣсь надобно припомнить сказанное по этому вопросу въ Софистѣ, что въ подобныхъ разсужденіяхъ слѣдуетъ заботиться не о томъ, каково что нибудь изслѣдуемое, а о томъ, чтобы изслѣдовать истинное (р. 265 B—266 D). Теперь къ опредѣленію царя пойдѣмъ путемъ кратчайшимъ. Мы могли, то есть, родъ земной тотчасъ раздѣлить на двуногихъ и четвероногихъ, и, замѣтивъ, что надѣлъ рода человѣческаго одинаковъ съ надѣломъ животныхъ летающихъ, могли стадо двуногихъ разсѣчь на безперыхъ и пернатыхъ; а открывъ такимъ образомъ искусство пасти людей, поставить на видъ и мужа, въ гражданской мудрости отличнаго, и ввѣрить ему наконецъ бразды гражданского общества (р. 266 D, E).

Изъ всего доселѣ сказаннаго видно, что гражданское или царское искусство есть то, которое питаетъ и пасетъ живущихъ вмѣстѣ людей.

Но надобно очень остерегаться, какъ бы должность царя и мужа, украшеннаго гражданскою мудростію, не пострадала у насъ отъ какой нибудь неточности. Вѣдь появится много другихъ людей съ требованіемъ той же чести, какую приписываемъ мы ему одному, каковы, на примѣръ, земледѣльцы, хлѣбники, врачи: и другіе также занимаются искус-

ствомъ питать людей. Поэтому наше опредѣленіе гражданскаго правителя было несовершенно. А чтобы сдѣлать его болѣе полнымъ и точнымъ, чтобы оно представило намъ то царствующее лицо чистымъ, единичнымъ, отдѣльнымъ отъ всѣхъ прочихъ, — надобно намъ вступить на новый путь изслѣдованія. Мы приладимъ къ настоящему дѣлу одну басню, и рассказавъ ее, начнемъ опять, какъ прежде, отнимать часть за частью, пока не придемъ къ тому, о чемъ спрашивается (р. 266 E—268 E).

Много есть чудныхъ, дошедшихъ до насъ изъ древности рассказовъ; но особенно чудесно то, что сотворено богами по случаю жестокости Атрея и Оіеста, потому что тогда, какъ говорятъ, вдругъ измѣнилось движеніе и наклоненіе солнца и прочихъ звѣздъ. Не менѣе удивительно и то, что рассказывается о временахъ Сатурна, — что, то есть, люди тогда рождались не отъ людей, а изъ земли. Вообще, какъ это, такъ и многое другое, описываемое въ мифахъ, все получаетъ свое объясненіе изъ одного и того же состоянія вещей, бывшаго нѣкогда въ древности. Такъ какъ этого состоянія никто еще не описывалъ, то я постараюсь сдѣлать это, — и притомъ приспособительно къ нашей цѣли — составить себѣ понятіе о царѣ.

Весь этотъ универсъ, совершающій круговое движеніе, то водится самимъ Богомъ, то оставляется на произволь самому себѣ. Посему бываетъ такъ, что нѣкоторыя опредѣленные круговращенія времени выполняются по назначенію Божію, а потомъ универсъ самъ собою движется опять въ противную сторону; потому что отъ Творца міра получилъ онъ душу и умъ для дѣйствованія и движенія произвольнаго. А причина того, что универсъ, когда перестаетъ управляться имъ Богъ, возвращается въ противную сторону, состоитъ въ слѣдующемъ. Однимъ только вещамъ божественнымъ естественно существовать всегда одинакимъ образомъ; тѣламъ же свойственно противное. Но что обыкновенно называется у насъ небомъ и міромъ, то, получивъ отъ своего Создате-

ля много превосходнаго, получило также и тѣло; а потому міръ не можетъ быть свободенъ отъ измѣняемости. Впрочемъ движется онъ по возможности такъ, чтобы въ своемъ движеніи допускать меньше уклоненій отъ того, что пребываетъ тожественно. Поэтому движеніе предписано ему круговращательное. Но такъ какъ вращать себя и двигать не можетъ ничто, кромѣ того одного, что есть причина и начало всякаго движенія, и что движется, по природѣ, постоянно тѣмъ же образомъ; то слѣдуетъ, что міръ и не всегда вращаетъ себя, и не всегда вращается Богомъ, или двумя богами, взаимно разногласными, но, какъ прежде сказано, то ведется одною причиною божественною, доставляющею ему жизнь и безсмертіе, то, предоставленный себѣ, идетъ самъ собою и совершаетъ движенія возвратныя. Надобно полагать, что перемѣна, какой универсъ подвергается, когда оставляетъ свой прежній путь и направляется въ противную сторону, есть величайшій изъ совершающихся въ небѣ переворотовъ. И не удивительно, что такія перемѣны сильнѣйшимъ образомъ дѣйствуютъ и на природу животныхъ. Тогда-то большею частію истощеваютъ и погибаютъ какъ прочія животныя, такъ и самые люди. Съ людьми, какъ скоро начинается круговращеніе, противное настоящему, случается много и другаго удивительнаго; болѣе же всего удивительно то, что вытекаетъ само собою изъ такого превращенія универса. Вѣдь, какъ скоро наступало время вращанія противнаго, возрастъ каждаго тотчасъ останавливался и далѣе не шель, потомъ какъ бы поворачивалъ назадъ, къ возрасту болѣе юному и нѣжному, такъ что сѣдые волосы стариковъ снова чернѣли, пушокъ на тѣхъ, которые достигли юности, снова исчезалъ и щеки оставяля обнаженными, тѣла отроковъ съ каждымъ днемъ умалялись и возвращались къ природѣ новорожденныхъ младенцевъ, тѣла же высохшія совершенно исчезали, а тѣла людей убитыхъ уничтожались въ нѣсколько дней. Если спросишь, каково тогда было рожденіе животныхъ,—отвѣтитъ на

это не трудно. Явно, что въ природѣ вещей, какая тогда существовала, взаимнаго рожденія животныхъ вовсе не было, но, какъ рассказываютъ, былъ тогда нѣкоторый родъ земно-родныхъ, который въ то время только что произошелъ изъ земли. Люди, жившіе сряду за концомъ того прежняго круговращенія и въ началѣ нашего новаго періода, были для насъ вѣстниками этихъ вещей, такъ что многіе вовсе несправедливо не вѣрятъ ихъ сказаніямъ (р. 268 E—271 C). Но спрашивается: жизнь въ царствованіе Сатурна на прежнія ли падала круговращенія, или на послѣднія? Вѣдь перемѣна звѣздъ и солнца происходила, безъ сомнѣнія, при обоихъ. На этотъ счетъ надобно думать такъ: явленія, по рассказамъ, приписываемыя царству Сатурна, относятся къ тому періоду міра, когда небо имѣло противное нынѣшнему движеніе; потому что произвольное произрастаніе всего изъ земли прилично, безъ сомнѣнія, временамъ древнѣйшаго періода, а къ нашимъ вѣкамъ не подходитъ. Тогда царство міра было почти такое. Во первыхъ, Богъ самъ правилъ универсомъ и сообщалъ ему круговращеніе. Но какъ теперь къ нѣкоторымъ мѣстамъ приставлены боги и правители; такъ тогда всѣ части міра были ввѣрены отдѣльнымъ богамъ и правителямъ. Даже отдѣльные роды животныхъ и стада управляемы были геніями, какъ бы божественными пастухами, и притомъ такъ, что не было между ними явленій жестокости, ни одинъ изъ нихъ не истреблялся другимъ, не происходило между ними ни войны, ни возмущеній, и не имѣли они недостатка ни въ чемъ, что требовалось для счастливой и блаженной жизни. А что рассказываютъ о пищѣ для людей, которая росла тогда сама собою, то причина этого была слѣдующая. Людей пасъ тогда самъ Богъ, какъ единственный блюститель ихъ и стражъ, подобно тому, какъ теперь человѣкъ, животное тоже близкое къ божеству, пасетъ обыкновенно другіе, худшіе роды животныхъ. Пользуясь его попеченіемъ, люди не строили тогда городовъ и не имѣли ни женъ, ни дѣтей, ибо всѣ происходили изъ

земли, и притомъ такъ, что нисколько не помнили своего прошедшаго. Не было у нихъ также и собственныхъ владѣній; потому что ни въ земледѣліи, ни въ садоводствѣ не настояло надобности,—все выросло изъ земли само собою. Къ тому же постоянно господствовало самое тихое благорасположеніе воздуха, не приносившее людямъ никакихъ неприятностей; поэтому они паслись не только обнаженными и не строили себѣ никакихъ крытыхъ жилищъ, но и вмѣсто постели употребляли траву, въ изобиліи произраставшую изъ земли. На этомъ основаніи легко судить, который періодъ міра блаженнѣе,—Сатурновъ ли, или настоящій, продолжающійся подъ владычествомъ Зевса. Вѣдь если питомцы Сатурна, наслаждаясь такимъ спокойствіемъ и беззаботностью, такимъ счастьемъ жизни, бесѣдовали не только съ людьми, но и съ прочими животными, и въ этомъ отношеніи дѣлали такъ, чтобы все направлялось къ философіи и къ познанію силы и отношеній каждой природы, то легко видѣть, насколько они блаженствомъ своей жизни превосходили теперешнихъ людей. Впрочемъ оставимъ это; ибо неизвѣстно, люди того періода дѣйствительно ли такъ усердно преданы были наукѣ и философіи (р. 271 С—272 D).

Но когда это время закончилось и судьбою опредѣлено совершиться наконецъ измѣненію вещей, когда земной родъ весь уже истощился, поколику всякая душа должна была дать столько разъ сѣмена жизни, сколько повелѣно было ей: тогда правитель всего универса вещей, оставивъ руль, удалился на возвышенное мѣсто своего созерцанія, а міръ стала вращать необходимость и врожденное ему вождельніе. Тогда же и прочіе боги, къ какимъ мѣстамъ или животнымъ кто былъ приставленъ, узнавъ объ этомъ, тотчасъ оставили свои посты. Между тѣмъ міръ, начавъ вращаться назадъ, и сильно сотрясаясь, производилъ опять страшное пораженіе въ царствѣ животныхъ, пока наконецъ все не освоилось съ новымъ порядкомъ и мало по малу не уравнилось и не возвратилось къ спокойствію. Онъ еще помнилъ пред-

писанія своего отца и создателя, да и въ самомъ себѣ имѣлъ довольно силы, чтобы нѣкоторое время совершать еще правильное теченіе. Но, вначалѣ исполняя свой долгъ правильно и старательно, впоследствии онъ ослабѣлъ въ своихъ силахъ. Причина этого заключалась въ тѣлесной стихіи, изъ которой былъ онъ составленъ; потому что природа тѣлъ въ самомъ началѣ была возмутительная и безпорядочная, и теперь не избавилась еще отъ древняго своего порока. И такъ, чѣмъ меньше помнить міръ божественное наставленіе, чѣмъ полнѣе становится это забвеніе: тѣмъ могущественнѣе прорывается врожденная ему сила матеріи, и возмущеніе наконецъ развивается въ немъ такъ, что начинаетъ угрожать ему страшнымъ разрушеніемъ. Но въ это время Высочайшее Существо спѣшитъ къ нему опять съ своею помощію: снова беретъ кормило правленія, восстанавливаетъ болѣзненные и разстроенныя его части и дѣлаетъ его весь безсмертнымъ и не старѣющимъ. Такимъ-то образомъ, по превращеніи міра, установился нѣкогда тотъ путь рожденія, который господствуетъ нынѣ, причемъ обнаружились вдругъ новыя, противныя прежнимъ, явленія; такъ, животныя, по малости своей, прежде почти уничтожавшіяся, теперь вдругъ стали расти, а тѣ, которыя лишь недавно произошли изъ земли, будучи стары, теперь снова умерли и возвратились въ землю. Такъ, по состоянію и условіямъ цѣлаго универса вещей, измѣнилось и все прочее. И оттого теперь наступилъ и иной порядокъ зачатія, рожденія и питанія; ибо животныя не могли уже рождаться изъ земли, чрезъ воздѣйствіе другихъ силъ, но какъ повелѣно было цѣлому міру, чтобы онъ самъ, по силамъ, уклонялъ и направлялъ свое теченіе, такъ и отдѣльнымъ частямъ его позволено, по возможности, самимъ зачинать, рождать и питать (р. 272 D—274 A).

Такъ наконецъ дошли мы до того, ради чего предпринята была вся эта рѣчь. О прочихъ животныхъ можно бы сказать много, почему каждое изъ нихъ измѣнилось, а о

человѣкъ въ этомъ отношеніи будетъ кратко замѣчаніа. Когда люди лишились частнаго попеченія боговъ, вдругъ вышло то, что дикіе звѣри стали жестоко терзать ихъ. Въдъ въ тѣ древнія времена была страшная бѣдность въ наукахъ и искусствахъ; потому что, по окончаніи прежняго періода, когда все росло само собою, люди еще не научились приобрѣтать себѣ вещи, необходимыя для поддержанія и сохраненія жизни. Поэтому боги положили облегчить бѣдность ихъ сами. Огонь принесъ имъ Прометей, искусства получили они отъ Ифеста и Минервы, а сѣмена и растенія—отъ другихъ. Отсюда изобрѣтено потомъ и то, что способствовало къ устроенію и украшенію жизни; ибо, когда боги прекратили свое попеченіе о людяхъ, надлежало уже имъ самимъ управлять собою и заботиться о себѣ, такъ какъ это же долженъ былъ дѣлать и весь міръ. И вотъ, подражая его примѣру, мы продолжаемъ жить и раждаться, такъ или иначе (р. 274 А—Е).

Такъ вотъ мнѣ, который положилъ я рассказать. Теперь слѣдуетъ обсудить, насколько погрѣшили мы, опредѣляя свойство и природу мужа царственнаго и государственнаго. И во первыхъ, явнымъ образомъ ошибочно, спрашивая о царѣ и мужѣ, въ дѣлахъ гражданскихъ опытною, каковъ онъ теперь, представили его какъ пастуха въ томъ вѣкѣ, который нашему совершенно противоположенъ. Изъ этого вышло, что на мѣсто человѣка смертнаго мы подставили какого-то бога. Да и не довольно ясно изложили дѣло, признавъ его правителемъ всего государства. Впрочемъ это еще неважно. Кажется, прежде надлежало бы намъ опредѣлить наилучшее управленіе государства, и потомъ уже приступить къ начертанію образа мужа государственнаго. Кромѣ того, мы припели сюда мнѣ и за тѣмъ, чтобы не только видна была равноправность всѣхъ по отношенію къ стадовому пасенію,—о чемъ былъ у насъ вопросъ,—но и можно было точнѣе узнать и отличить намъ политика отъ другихъ. Я думаю, что божественный пастухъ долженъ

быть что-то большее, сравнительно съ царемъ; а политиковъ, какіе у насъ бываютъ, правильнѣе относить къ числу людей подвластныхъ, на которыхъ они болѣе походятъ. Впрочемъ, какъ бы то ни было, мы должны изслѣдовать, что такое они, и потому возвратимся туда, откуда уклонилась наша рѣчь (р. 274 E—275 C).

Прежде всего обратимъ вниманіе на допущенныя нами погрѣшности въ прежнемъ разсужденіи. И во первыхъ, замѣтимъ свою ошибку въ раздѣленіи *самораспорядительности* (τῆς αὐτεπιτακτικῆς), которой мы подчинили *стадопитаніе* (τῆν ἀγέλαιотροφικὴν), нисколько не взявши въ расчетъ политика. Вѣдь дѣло пасенія стада, правильно приписываемое прочимъ стражамъ, политику приписано быть не можетъ; потому что онъ не пасетъ стада, а скорѣе печется о немъ. Поэтому надлежало выбрать имя съ объемомъ болѣе обширнымъ, которое приличествовало бы и политику, и прочимъ, которые пасутъ стадо, — каково, на примѣръ, *искусство стадоустроительное* (ἀγέλαιοχορικὴ), или *ухаживательное* (θεραπευτικὴ). Потомъ допущена была ошибка въ послѣдней части дѣленія. Вѣдь послѣ искусства питать двуногое стадо не слѣдовало тотчасъ упоминать объ искусствѣ политическомъ или царскомъ, какъ бы о дѣлѣ уже совершенно рѣшенномъ: ибо сперва надлежало имя это поправить такъ, чтобы имъ выразилось болѣе попеченіе о стадѣ, чѣмъ питаніе его; потомъ должно было также обратить вниманіе на то, не осталось ли какихъ нибудь другихъ частей дѣленія, — что безразсудно пренебрежено нами (р. 275 C—277 D).

Если спросишь, какимъ образомъ изложеніе дѣла о царѣ и политикѣ вышло у насъ неудовлетворительно, то на вопросъ твой лучше, кажется, отвѣтить примѣромъ, если только изъ вещей малыхъ и легкихъ можно скорѣе усмотрѣть, какъ слѣдуетъ обращаться съ вопросами труднѣйшими (р. 277 D—279 A).

И такъ, возьмемъ для примѣра искусство ткацкое, и притомъ ту часть его, которая занимается тканьемъ шерсти, и по-

вторимъ дѣло съ высшаго рода. Все то, что производится или приобрѣтается, дѣлается для двухъ цѣлей: или посредствомъ этого мы хотимъ что нибудь совершить, или стараемся чего нибудь не потерпѣть. То, что предотвращаетъ возможность потерпѣть, извѣстно либо подъ именемъ *врачебныхъ средствъ*,—*ἀλεξιφάρμακα*,—либо подъ именемъ *оградъ*,—*προβλήματα*. Но послѣдняя имѣетъ опять два рода: родъ *вооруженія*, *ὀπλισματα*, и родъ *оградъ*, *φράγματα*. Ограды суть или стѣны, или приспособленія для защиты себя отъ холода и жара. Изъ этихъ видовъ опять, одни—*кровли*, *στεγάσματα*, другіе—*ткани*, *σκεπάσματα*. Къ тканямъ относятся и одѣяла и платья. Изъ платьевъ, одни цѣльные, другія—составныя. Между составными могутъ быть различаемы: одни—сшитыя, другія—сдѣланныя безъ швовъ. Изъ не сшитыхъ, одни сдѣланы изъ растительныхъ волоконъ, другіе изъ волосъ. Этихъ опять два рода: одни сплавиваются посредствомъ земли и воды, другія связываются сами собою. Этимъ мы приписываемъ имя одежды, а искусство, которымъ они устроятся, называемъ *портняжескимъ*, *ἱματοποιικήν*. Можно также сказать, что это есть искусство ткацкое, въ построеніи одеждъ занимающее первое мѣсто. Но хотя мы отличили его отъ многихъ среднихъ съ нимъ искусствъ, однакожь не отдѣлили еще отъ сосѣдственныхъ союзниковъ этого дѣла, такъ что изложеніе его у насъ еще несовершенно. Вѣдь приступающій съ начала къ построенію одеждъ не вдругъ, конечно, начинаетъ ткать, но дѣлаетъ нѣчто противное: треплетъ, чешетъ. Даже и приготовленіе основы и утока мы не назовемъ еще ткачествомъ. И такъ, для яснаго и точнаго опредѣленія искусства построить шерстяныя одежды, надобно, видно, точнѣе обращаться съ дѣленіемъ (р. 279 А—281 D).

Попробуемъ же слѣдующее дѣленіе. Во всемъ, что дѣлается, надобно различать два искусства: одно имѣетъ значеніе *причины, помогающей совершенію дѣла*, *ξυγαίτιος*, а другое означаетъ *прямо причину его*, *αἰτία*. Такъ, на примѣръ, искусства,

приготовляющія веретена и челноки, которыми ткуть, мы назовемъ вспомогательными причинами ткачества; а тѣ, которыя выполняютъ самое ткачество и пекутся о немъ,— дѣйствующими причинами его. Къ числу послѣднихъ относятся, между прочими, искусства: *промыванія*, *плутчихъ*, *исправленія* и другія, которыя всѣ можно назвать *украшательными*, *κοσμητικὰς*, и соединять подъ однимъ именемъ искусства ваяльнаго. Даже и искусства чесальное и прядильное, и всѣ тѣ, которыя занимаются построениемъ платья, составляютъ одно искусство, называемое *шерстопрядильнымъ*, *ταλασιουργική*,—то есть, искусство обходиться съ шерстью. Но въ этомъ искусствѣ опять двѣ части: одна—*соединяющая*, *ξυγκριτική*, увеличивающая матерію предмета, другая—*раздѣляющая*, *διακριτική*, разрѣшающая предметъ. Слѣдовательно, къ искусству раздѣляющему относятся искусства чесальное, разводящее нити основы, и всѣ, разъединяющія соединенное. И такъ, если мы захотимъ найти искусство ткацкое, то необходимо будетъ раздѣлить его надвое: на *соединяющее*, *ξυγκριτικόν*, и *шерстопрядильное*, *ταλασιουργικό*, въ которомъ, опять, можно различить искусство *сучильное*, *στρεπτικό*, и *переплетальное*, *ξυμπλεκτικόν*. Первое завѣдываетъ приготовленіемъ основы и утока: поэтому можетъ быть раздѣлено на *искусство дѣлать основу*, *στημονοητική*, и *искусство всучивать въ нее тонкія и нѣжныя нити*, *χροχοητική*. И такъ, искусство ткать шерсть есть то, которое, посредствомъ основы и утока, изъ шерстяныхъ нитей производитъ ткань (р. 281 D—283 A).

Изложивъ это, элейскій иностранецъ извиняется въ длиннотѣ рѣчи, но въ то же время, какъ бы мимоходомъ, старается изложить мысль о томъ, какъ надобно судить о краткости и длиннотѣ рѣчей, и какая въ этомъ отношеніи требуется норма. По его мнѣнію, искусство измѣрять, при обсужденіи долготы и краткости, можетъ поступать двоякимъ образомъ, поколику оно либо сравниваетъ величины между собою, либо смотритъ на мѣрность той вещи, о которой идетъ рѣчь: то есть, поколику величину разсмат-

риваетъ или относительно, или абсолютно. Послѣдній способъ разсмотрѣнія важенъ въ томъ случаѣ, когда требуется сохраненіе нѣкоторой мѣры, какъ въ искусствахъ. Вѣдь искусствамъ вмѣняется въ обязанность остерегаться всего недостающаго и излишняго,—иначе они не произведутъ добраго и прекраснаго. И такъ, самое искусство измѣрять, говорить элеець, надобно раздѣлить надвое: одно объемлетъ собою тѣ искусства, которыя измѣряютъ числа, длины, высоты, скорости, и обсуживаютъ все это чрезъ взаимное отношеніе, другое—тѣ, которыя великое и малое, недостающее и излишнее опредѣляютъ изъ природы и формы вещи, разсматриваемой въ ней самой, изъ приличія, благовременности, необходимости и, наконецъ, изъ того, что стоитъ въ срединѣ между крайностями (р. 283 А—285 С).

Къ этому элеець прибавляетъ замѣчаніе, имѣющее связь съ постановкою вопроса о политикѣ. Именно, онъ думаетъ, что всякое разсужденіе должно быть оцѣниваемо смотря по его задачѣ. И такъ, если дѣло идетъ о томъ, чтобы слушатели или читатели были наставлены въ діалектикѣ, то надобно смотрѣть не на то, длинна ли, коротка ли рѣчь, а на то, ясно ли развито все, что въ ней было предложено (р. 285 С—287 В).

Окончивъ это изложеніе, иностранецъ возвращается къ своему вопросу о политикѣ,—впрочемъ такъ, что къ настоящему своему предмету почти постоянно примѣняетъ примѣръ прежняго разсужденія о ткацкомъ искусствѣ. Онъ продолжаетъ разсуждать такъ.

Подобно тому, какъ есть много искусствъ, хотя и помогающихъ ткацкому, однакожъ не принадлежащихъ къ нему, есть много и такихъ, которыя имѣютъ, конечно, значеніе въ отношеніи къ государству, но не могутъ быть частями самого искусства государственнаго. Нѣкоторыя изъ нихъ правильно было бы назвать вспомогательными, но никакъ не дѣйствующими, каковы, наприм.: во первыхъ, тѣ, которыми приготовляются разные орудія и вырабатываются

разнаго рода сосуды и утвари; потомъ, тѣ, которыми устроятся колесницы и суда, для употребленія на сушѣ и на морѣ, дѣлаются всякіе покровы, или вообще платье; сюда относятся, далѣе тѣ, которыя заботятся объ украшеніи нашихъ подѣлокъ и построекъ, тѣ, которыя занимаются обдѣлкою грубой матеріи тѣлъ, наприм., золота, серебра и другихъ веществъ, и тѣ, которыми приобрѣтается пища. За этимъ слѣдуетъ приобрѣтеніе животныхъ домашнихъ, которыя, кромѣ рабовъ, объемлются, по видимому, искусствомъ *стадопитанія*, ἡ ἀγελαοτροφική; но и это искусство должно быть также отдѣляемо отъ искусства политическаго. И такъ, остается родъ рабовъ и слугъ, который какъ будто бы и можетъ относиться къ искусству политическому. Изъ нихъ продажные рабы, равно какъ и тѣ, которые добровольно посвятили себя ихъ трудамъ,—каковы земледѣльцы, мастеровые, купцы, барышники,—конечно, не имѣютъ никакихъ притязаній на искусство царя; но вотъ выступаютъ на видъ другіе слуги, надменные самомнѣніемъ и дающіе замѣтить, что они хотятъ управлять государствомъ. Сюда надобно отнести герольдовъ, публичныхъ писцовъ, а особенно—провѣщателей, которые почитаются истолкователями воли боговъ, и сословіе жрецовъ, въ Египтѣ пользовавшееся такою честію, что ни одинъ царь не могъ править государствомъ отдѣльно отъ жречества, и если бы происходилъ изъ другаго сословія и овладѣлъ царствомъ насильственно,—все таки послѣ обязанъ былъ вступить въ касту жрецовъ. Сюда же относится и разнообразная толпа тѣхъ, которые, какъ софисты, слывуть за великихъ чародѣевъ и сами себя считаютъ способными управлять государствомъ, и которыхъ въ самомъ дѣлѣ трудно отличить отъ мужей истинно царственныхъ, украшенныхъ государственною мудростію. И такъ, мы должны будемъ выдѣлить особенно эту клику пустыхъ чародѣевъ, если захотимъ ясно понять предметъ, о которомъ теперь спрашивается (р. 287 В—291 С).

Для этой цѣли различаются три рода государствъ: вла-

дычество одного, или монархія, владычество немногихъ, или аристократія, и владычество всѣхъ, или димократія. Каждая изъ этихъ формъ можетъ быть раздѣлена опять на нѣкоторыя части. Монархія, на примѣръ, когда она въ рукахъ правителя поддерживается закономъ и согласіемъ гражданъ, называется царствомъ; а если содержится произвольно и противъ воли гражданъ, есть тираннія. Если подобнымъ же образомъ власть надъ государствомъ находится въ рукахъ немногихъ богачей, то ее называютъ аристократіею, а когда она захватывается людьми бѣдными,—олигархіею. Такъ же, наконецъ, и димократія—устанавливается либо по желанію, либо противъ воли гражданъ, и ведется либо произвольно, либо по законамъ, а имя всегда удерживаетъ то же самое. Но истинную форму правленія надобно различать не по тому, одинъ или многіе, богатые или бѣдные, насильственно или по законамъ управляютъ государствомъ. Истинная мѣра государства есть собственно знаніе, какъ мы и прежде правильно судили объ этомъ. И такъ, то только государство настоящее, которымъ правитъ лицо украшенное вѣрнымъ знаніемъ. Приобрѣсть же такое знаніе—дѣло весьма трудное; ибо между многими тысячами людей едва найдутся немногіе, имъ обладающіе, подобно тому, какъ въ тысячѣ народа найдешь развѣ одного, двухъ, которые въ совершенствѣ знали бы игру въ кости?—И такъ, государство, надъ которымъ начальствуетъ человѣкъ, украшенный такимъ знаніемъ, безъ сомнѣнія, должно быть превосходнѣе всѣхъ, по законамъ ли оно управляется, или безъ законовъ, по желанію ли гражданъ, или противъ желанія ихъ; потому что мудрый царь что ни предприметь, — пошлетъ ли кого въ ссылку, или накажетъ какъ иначе, или иностранцамъ подаритъ право гражданства,—все это цѣлому государству необходимо будетъ полезно, такъ какъ произошло изъ мудрыхъ цѣлей. А что такой мудрецъ, по нашему мнѣнію, будетъ прекрасно царствовать и безъ законовъ, это нисколько не должно казаться страннымъ; потому

что гораздо надежнѣе управленіе мудраго мужа, чѣмъ закона. Все человѣческое непостоянно, измѣнчиво; поэтому никакъ нельзя полагать, чтобы могли быть постановлены законы, годные для всѣхъ людей и временъ. Ни одинъ законодатель не въ состояніи знать, что будетъ полезно отдѣльнымъ лицамъ; а когда онъ имѣетъ въ виду выгоды общества, тогда его узаконенія могутъ быть вредны людямъ частнымъ. Потому-то необходимость требуетъ иногда измѣнять законы, а весьма часто, по особеннымъ случаямъ, даже и отступать отъ ихъ авторитета. Но изъ того самаго, что трудно публично установить полезное для частныхъ лицъ, не нарушая справедливости и условій общаго порядка, естественно слѣдуетъ, что за норму или правило надобно брать какой нибудь законъ всеобщій, и примѣняться къ нему въ управленіи дѣлами государственными, подобно тому, какъ въ отдѣльныхъ искусствахъ есть нѣкоторыя общія правила, по которымъ совершается производство ихъ. Этотъ-то общій законъ хорошо представляетъ только тотъ мудрецъ, котораго хотимъ мы поставить надъ государствомъ. Слѣдствія отсюда очевидны для всѣхъ. Какъ не было бы ни несправедливо, ни жестоко, если бы врачъ какого нибудь непослушнаго ему больнаго насильно заставилъ дѣлать то, что нужно для его здоровья: точно такъ не будетъ жестокости, если человѣкъ, владѣющій истиннымъ искусствомъ управлять государствомъ, будетъ побуждать гражданъ, безъ предписаній закона, однимъ мудрымъ совѣтомъ, къ исполненію того, что требуется для общественнаго благополучія, хотя бы при этомъ надлежало употребить и насиліе. Такой мудрецъ будетъ имѣть въ виду единственно то, чтобы все было справедливѣе и лучше, чѣмъ какъ это дѣлается часто по предписаніямъ установленныхъ законовъ. Какъ начальникъ корабля, замѣчая, что полезно кораблю и корабельщикамъ, и не давая никакихъ законовъ, а только слѣдуя своему искусству, избавляетъ плователей отъ опасности: такъ наилучшимъ надобно почитать гражданское управ-

леніе тѣхъ, которые на силу искусства полагаются больше, нежели на законодательство. И такъ, превосходное дѣло не процвѣтаніе законовъ, а то, чтобы кормило государства держалъ въ своихъ рукахъ человекъ съ царскимъ умомъ, который будетъ какъ бы νόμος ἔμφυτος,—не мертвымъ, а живымъ закономъ государства (р. 291 С—297 В).

Никогда не можетъ быть, чтобы многочисленная толпа прибрѣла такое знаніе и мудро управляла государствомъ. Правильное управленіе есть преимущество весьма не многихъ, даже одного. А такъ называемыя республики суть не иное что, какъ наилучшія подражанія этой формѣ правленія, болѣе или менѣе къ ней приближающіяся. Для сохраненія себя, республики принуждены бываютъ усвоить постановленія того наилучшаго государства, и начинаютъ заботиться о томъ, что мы сейчасъ одобрили, хоть это и не самое хорошее,—чтобы, т. е., никто изъ гражданъ не смѣлъ поступать противъ законовъ, а иначе подвергался наказанію и смерти. Это—форма вторая, послѣ той первой, которую мы описали (р. 297 В—Е).

Давай же теперь изобразимъ яснѣе, какъ произошла эта, названная нами *второю*. Души людей обыкновенныхъ не понимаютъ величія и превосходства того истинно царскаго искусства, и отъ этого ускоряется его погибель, равно какъ и погибель другихъ искусствъ. Не зная ихъ, грубый народъ отнимаетъ у людей знающихъ всю власть наставленія, и постановляетъ свои законы, чтобы съ ними соображаемы были всѣ дѣйствія. Очевидно, что, подъ вліяніемъ запретительнаго закона, не сдѣлано будетъ никакихъ изобрѣтеній, на расширеніе и усовершенствованіе искусствъ, и жизнь, скучная уже и теперь, сдѣлается еще несноснѣе (р. 297 Е—299 Е).

И это уже, само по себѣ, зло; но будетъ зло еще большее, если человекъ, поставленный стражемъ законовъ, окажетъ пренебреженіе къ ихъ авторитету и, для какихънибудь своекорыстныхъ цѣлей, станетъ ослаблять силу ихъ.

Вѣдь кто возстаеъ на законы, утвержденные долговременнымъ употребленіемъ, зрѣло обсужденные мудрыми мужами и потому предложенные народу какъ хорошіе, тотъ въ конецъ подкапываетъ всякое основаніе дѣятельности и приносить обществу больше вреда, чѣмъ самыя предписанія. Поэтому тѣмъ, которые на всякій предметъ требуютъ законовъ, надобно стараться, чтобы противъ нихъ не было подкоповъ ни со стороны одного, ни со стороны многихъ. Чтò такимъ образомъ публично предписано мудрыми мужами и утверждено законами, тò произошло не изъ инаго источника, какъ изъ подражанія истинному гражданскому искусству. Настоящій политикъ, какъ мы выше полагали, многое установить и сдѣлаетъ по собственному своему усмотрѣнію, а не по указанію писанныхъ законовъ, если только это покажется ему хорошимъ. Такому образу дѣйствій могутъ подражать и тѣ, которые въ своемъ обществѣ пользуются писанными законами, лишь бы только мужи мудрые подали совѣтъ объ исправленіи ихъ. Если за исправленіе ихъ возьмутся люди незнающіе, то, подражая правильной формѣ, будутъ подражать дурно, то есть, испортятъ законы. Что сказали мы выше о неспособности большой толпы совершенно понять и съ точностію слѣдовать какому нибудь искусству, то самое надобно сказать особенно объ искусствѣ царскомъ, котораго знаніемъ не овладѣютъ ни толпы богачей, ни весь народъ. И такъ, гражданскія общества, если только хотятъ они по силамъ подражать тому истинному государству, которымъ съ искусствомъ управляетъ одинъ, не должны ничего дѣлать противъ отечественныхъ правилъ и постановленій. Соблюденіемъ или пренебреженіемъ этого условія объясняются всѣ тѣ различныя формы правленія, которыя мы означили выше; потому что если богатые, пользуясь властью, имѣютъ въ виду то истинное общество и постоянно охраняютъ авторитетъ публичныхъ законовъ, то происходитъ господство вельможъ, которому мы даемъ имя *аристократіи*, а когда тѣ же самые вельможи не заботятся о законахъ,—возникаетъ

олигархія; потомъ, если управляетъ въ обществѣ кто нибудь одинъ, человекъ мудрый, то онъ долженъ быть называемъ *царемъ*, а когда этотъ одинъ не уважаетъ ни законовъ, ни общественныхъ постановленій,—его по справедливости называютъ *тиранномъ*. Такимъ образомъ и тираннія, и власть царская, и правленіе немногихъ, и правленіе вельможъ, и владычество народа появляются тогда, когда люди не довѣряютъ тому одному царю, по истинѣ достойному имени правителя, и не могутъ убѣдиться, что есть кто нибудь, который стоилъ бы такой власти, который и хотѣлъ бы и могъ управлять добродѣтельно и съ знаніемъ, всѣмъ воздавая мѣрою справедливою и не причиняя никому убытка. Если бы однакожь нашелся такой правитель,—ему всѣ единодушно воздали бы должное уваженіе, и согласились бы, что правленіе его будетъ превосходно (р. 300 А—301 D).

Но когда лица съ тѣми достоинствами, какія мы указали, нигдѣ не найдется, тогда необходимо и писать и публично устанавливать законы,—такъ, конечно, чтобы сохранить въ нихъ строже слѣды того истиннаго государства. Вѣдь не удивительно, что въ такихъ государствахъ много золь случается и теперь, много будетъ ихъ случаться и послѣ; ибо основаніе ихъ таково, что управленіе дѣлами производится только въ силу предписаній и законоположеній, а искусство и знаніе въ то же время къ участию не принимаются. При такомъ порядкѣ вещей, кто не увидитъ, что дѣла скоро могутъ придти въ состояніе отчаянное?—И такъ, надобно удивляться болѣе тому, что инья изъ подобныхъ государствъ существуютъ долго, и не разрушились въ короткое время (р. 301 D—302 B).

Изяснивъ это, посмотримъ и на то, которое изъ упомянутыхъ худшихъ обществъ для живущихъ въ немъ гражданъ бываетъ менѣе непріятно, и которое чрезвычайно тяготитъ ихъ. Хотя этотъ вопросъ прямо къ нашему предмету и не относится, однакожь, если взять дѣло въ существѣ его, всѣхъ насъ обыкновенно занимаетъ больше всего это самое:

Смѣло утверждаю, что форма правленія и самая лучшая и самая дурная—одна и та же. Вѣдь и монархія, и олигархія, и димократія могутъ быть раздѣлены надвое, такъ что произойдутъ шесть формъ правленія, отъ которыхъ должна быть отдѣлена та наилучшая, какъ седьмая: потому что монархія можетъ быть или царская, или тиранническая; олигархія объемлетъ собою аристократію и дурное владычество немногихъ; димократія пользуется своею властію или по законамъ, или насильственно и произвольно. Изъ этихъ формъ государства, монархія, говорю, бываетъ и самая лучшая и самая тягостная форма правленія. Власть немногихъ, по самой своей природѣ, стоитъ въ срединѣ. Владычество же толпы не такъ опасно, потому что не можетъ совершить ничего важнаго ни въ добрѣ, ни въ злѣ, такъ какъ власть здѣсь раздѣлена между многими. Поэтому весьма хорошо жить подъ димократическою формою правленія, если всѣ общественныя формы равно испорчены; а какъ скоро всѣ онѣ хороши,—жить подъ нею менѣе выгодно; тогда лучшею изъ всѣхъ и превосходнѣйшею должна показаться монархія. Но и надъ этою формою удивительно какъ высоко будетъ стоять форма, описанная нами прежде, въ которой мудрость царя имѣетъ силу живаго закона (р. 302 В—303 А).

Изъ сказаннаго ясно, что всѣ эти лица, занимающіеся устройствомъ какъ бы тѣней того истиннаго государства, не знакомы какъ слѣдуетъ съ царскимъ и политическимъ искусствомъ; это скорѣе—пустые подражатели дѣйствительнаго политика, хвастливые обманщики, величайшіе изъ всѣхъ софистовъ софисты. Смотри на нихъ, мы, кажется, въ самомъ дѣлѣ видимъ, какъ въ миѣѣ, какую-то толпу центавровъ и сагировъ, которыхъ допустить въ общество того мудраго царя было бы весьма непослѣдовательно (р. 303 С).

Но по отдѣленіи этого, достойнаго своего имени, политическаго искусства отъ управленія прочихъ обществъ, остается еще разсмотрѣть нѣчто, для обсужденія очень трудное, потому что съ понятіемъ царя весьма сродное. Вѣдь

надобно видѣть, какова связь искусства политическаго съ искусствомъ военачальническимъ, судейскимъ и ораторскимъ; только изслѣдовавъ это, мы могли бы политика строго отдѣлить отъ всѣхъ прочихъ, и показать его подъ исключительными его свойствами (р. 303 D—304 A).

Относительно этого нужно замѣтить слѣдующее.

Отъ прочихъ искусствъ всегда отличается то искусство, которое показываетъ, кто занимается ими и въ какой мѣрѣ или какимъ образомъ каждое изъ нихъ должно быть примѣняемо къ дѣлу; потому что эта наука есть какъ бы царица всѣхъ прочихъ, которыя—только ея служительницы, а сами не знаютъ, въ какое время и какимъ образомъ понадобится примѣненіе ихъ. То же, конечно, бываетъ и съ тѣми искусствами, которыя сейчасъ поименованы нами, и которыя отъ искусства политическаго, сказали мы, должно отличать. Напримѣръ, когда нужно искусство говорить—изъ самаго этого искусства узнать нельзя; этому учить единственно искусство царское или политическое, которое какъ бы распоряжается имъ. То же идетъ къ искусствамъ военачальническому и судейскому, которыхъ употребленіе совершенно зависитъ отъ искусства править государствомъ. Но такъ какъ всѣ эти искусства служатъ ему и какъ бы въ рабствѣ у него, то явно, какъ далеко отъ него они стоятъ. И такъ, искусство политическое есть не иное что, какъ то знаніе, которое наблюдаетъ за всѣми законами, постановленіями, публичными дѣлами, и всѣ ихъ мудро направляетъ (р. 304 A—305 D).

Теперь политическое искусство отличили мы отъ всѣхъ прочихъ искусствъ, которыя могли бы, по видимому, объявлять на него ревнивыя свои притязанія. Послѣ сего остается ближе разсмотрѣть собственныя его обязанности. Сдѣлать это можно лучше всего, пользуясь подобіемъ искусства ткацкаго и разумія его, какъ ткачество царственное: посмотримъ, какимъ образомъ оно соединяетъ нити государства и переплетаетъ ихъ между собою.—Добродѣтели являются въ обществѣ подъ разными видами; изъ нихъ мужество и раз-

судительность, если будемъ заключать по ихъ характеру, окажутся совершенно противными; потому что первое болѣе свойственно людямъ горячимъ и порывистымъ, а послѣдняя больше подходитъ подъ характеръ умѣренныхъ и мягкихъ. И такъ, быстрота ума и сильное стремленіе души, какъ показатели мужества, во многихъ очень случаяхъ одобряются. Нерѣдко также превозносятся похвалами умѣренность, сдержанность души, тихость, какъ свойства, которыми характеризуется разсудительность. Вообще, все это похвально, какъ скоро бываетъ благовременно, а когда напротивъ,—подвергается порицанію: въ этомъ случаѣ, вмѣсто мужественныхъ, насъ называютъ безумцами, людьми дерзкими, гордыми, а вмѣсто разсудительныхъ,—трусами, нерадивцами, нѣженками. Но если таково разногласіе тѣхъ добродѣтелей, то слѣдуетъ, что люди, украшенные тою и другою, во всю свою жизнь идутъ по противоположнымъ направленіямъ, отчего въ дѣлахъ политическихъ часто бываетъ величайшее волненіе: ибо легко выходитъ, что люди болѣе разсудительные, любя жизнь покойную и беззаботную, во всемъ уступаютъ и служатъ другимъ, и потому подчиняются имъ, какъ господамъ; а мужественные и рѣшительные, не боясь никакой опасности и увлекаясь порывами своей души, нерѣдко возбуждаютъ несчастныя ссоры и распри, отъ которыхъ воспламеняются страшныя войны и доводятъ государство до жалкаго рабства. Отсюда ясно, сколько могутъ дѣлать зла тѣ взаимно противныя добродѣтели (р. 305 D—308 A).

Между тѣмъ нѣтъ никакого искусства, которое въ своихъ дѣйствіяхъ не избирало бы одного добра и не отвергало бы всякаго зла, и которое самыхъ добрыхъ дѣлъ не соединяло бы такъ, чтобы и подобныя и не подобныя изъ нихъ образовали наилучшую гармонію; ибо этимъ способомъ можетъ быть выраженъ совершенный образъ всякаго дѣла. Это самое должно быть также предметомъ и искусства политическаго, которое никогда не составитъ своего общества изъ добрыхъ и худыхъ людей, но сперва испытаетъ душу и спо-

способности каждаго недѣлимаго, а потомъ испытаннаго постарается наставить и образовать, и для того избранныхъ своихъ отдастъ въ науку надежнымъ учителямъ, которые дѣло наставленія будутъ выполнять подъ его руководствомъ и распоряженіемъ. Какъ искусство ткацкое управляетъ чесальнымъ и всѣми прочими, которыя производятъ что нибудь, необходимое для ткачества: такъ и искусство царя внимательно наблюдаетъ за публичными учителями и воспитателями и не позволяетъ имъ преподавать ничего такого, отъ слушанія чего души юношей не соотвѣтствовали бы его духу. А когда найдутся такіе, которые не могутъ быть причастны мужества, мудрости и другихъ добродѣтелей, но, по испорченной нравственности, влекутся къ нечестію, дерзости, любо-страстію, несправедливости,—этихъ оно извергаетъ, наказывая смертію или ссылкой, или подвергаетъ величайшему безчестію. Не менѣе строго обходится оно и съ людьми, неспособными къ добродѣтели и мудрости и коснѣющими въ невѣжествѣ; ихъ причисляетъ оно къ классу рабовъ. Изъ всѣхъ же прочихъ, которыхъ души и способности могутъ быть настроены къ благородству, оно образуетъ какъ бы государственную ткань, предполагая, что люди, склонные къ мужеству, по твердости и серьезности своихъ способностей, послужатъ государству какъ бы основою, а души, по природѣ болѣе мягкія, будутъ въ государствѣ какъ бы уткомъ общественной ткани. А связать ихъ и сплестъ старается оно такъ: во первыхъ, вѣчную часть душъ ихъ, по сродству ея, соединяетъ связію божественною; потомъ часть животную связуетъ узами человѣческими; ибо въ человѣческомъ родѣ, причастномъ божества, божественное есть не иное что, какъ справедливое, и притомъ несомнѣнное и скрѣпленное умомъ, сужденіе о честномъ, справедливомъ и добромъ. А чтобы такое сужденіе укоренилось въ душахъ гражданъ,—это наилучшимъ образомъ можетъ сдѣлать царскимъ своимъ искусствомъ одинъ тотъ, кто совершенно владѣетъ искусствомъ политическимъ и имѣетъ достоинство хорошаго за-

конодателя; а иначе онъ и не стоилъ бы этого превосходнѣйшаго имени. И такъ, исключивъ только людей, вовсе неспособныхъ къ добродѣтели, такъ какъ изъ нихъ, и взятыхъ отдѣльно и перемѣшанныхъ съ другими, не можетъ составиться никакое общество, — всѣхъ прочихъ, могущихъ, съ помощію наставленій, образоваться для мудрости и честности, онъ, чрезъ правильное сочетаніе добродѣтелей, дѣлаетъ годными для препровожденія въ обществѣ жизни хорошей и счастливой; ибо мужественныхъ и энергическихъ сдерживаетъ и дѣлаетъ скромнѣе правильными о добромъ и честномъ мнѣніями, а кроткихъ и умѣренныхъ возбуждаетъ и одушевляетъ вести дѣла съ большимъ рвеніемъ и мужествомъ. Такимъ образомъ чрезъ познаніе истиннаго, добраго и честнаго, которымъ наполняются души гражданъ, противоположныя добродѣтели, по удаленіи сродныхъ съ ними пороковъ, весьма крѣпко соединяются въ союзъ общественномъ (р. 308 А—310 А).

Прочія связи относятся къ человѣческимъ; эти, узнавши союзъ божественный, не трудно уже замѣтить и, замѣтивъ, приложить къ дѣлу. Онѣ имѣютъ мѣсто особенно въ супружествахъ, въ общности дѣтей, въ частныхъ родственныхъ и брачныхъ сдѣлкахъ. Всего этого не должно искать ради роскоши и могущества; люди благоразумные единодушно признали уже превратность такихъ стремленій. Но здѣсь нужна осторожность и въ другомъ отношеніи. Обыкновенно бываетъ такъ, что, ради удобства, вступаютъ въ родственныя связи подобныя съ подобными. Скромные, напримѣръ, свой собственный характеръ любятъ видѣть и въ другихъ, и потому такихъ же берутъ себѣ женъ; такъ стараются они устроить и своихъ дѣтей. Подобнымъ образомъ поступаютъ и мужественные, то есть, слѣдуютъ собственной своей природѣ. Между тѣмъ, если вникнуть въ это внимательнѣе, легко понять, что должно бы поступать наоборотъ. Вѣдь если мужество будетъ такимъ образомъ распространяться чрезъ цѣлыя вѣка, не смѣшиваясь съ при-

родою умѣренною, то должно переродиться въ дикую жестокость и потерять прежнее достоинство добродѣтели; а скромность и умѣренность, внѣ всякой связи съ мужествомъ и смѣлостію, должны дойти до жалкаго бездѣйствія, безпечности и нерадѣнія. Чтобы въ обществѣ не было ни того, ни другаго, со стороны искусства политическаго требуется много осторожности. И оно предотвратитъ это, если тому и другому роду внушить одно и то же понятіе о прекрасномъ, добромъ и честномъ. Въ томъ-то и состоитъ главное его дѣло, чтобы способности, по природѣ несходныя, но хорошія и для добродѣтели пригодныя, съ искусствомъ какъ бы царскаго ткачества, сводить въ одно общимъ согласіемъ понятій, и это согласіе скрѣплять почестями, публичнымъ уваженіемъ, взаимными отношеніями и благоразумнымъ распределеніемъ должностей; ибо и правительственныя мѣста должны сохранять тотъ и другой характеръ. И вездѣ, гдѣ требуется одинъ правитель государства, искусство политическое избереть его въ лицѣ такого человѣка, въ которомъ соединены кротость и ласковость съ мужествомъ и строгостію. А гдѣ нужно поставить многихъ правителей, тамъ оно велитъ быть тому и другому роду. Вѣдь характеръ начальниковъ тихихъ и умѣренныхъ хотя остороженъ, справедливъ и расположенъ къ сохраненію общественнаго благоденствія, но не долженъ быть лишень и нѣкоторой силы и смѣлости, чтобы рѣшенія его были выполняемы; природа же правителей мужественныхъ и стремительныхъ хотя уступаетъ первымъ въ осторожности и справедливости, за то въ дѣйствіяхъ здѣсь больше отваги. И такъ, надобно умѣрять ихъ однихъ другими, чтобы и частная, и публичная жизнь въ обществахъ могла идти хорошо и счастливо. Такъ вотъ что называется настоящимъ ткачествомъ въ дѣлѣ политики: прямымъ сплетеніемъ соединить нравы людей мужественныхъ и рассудительныхъ и чрезъ то произвести великолѣпнѣйшую изъ всѣхъ тканей, чтобы держать ею въ связи всѣхъ рабовъ и свободныхъ (р. 310 В—311 С).

Мы въ общемъ очеркъ показали содержаніе Платонова Политика. Въмѣстѣ съ этимъ обозначилась, съ одной стороны, важность входящихъ въ него вопросовъ, съ другой—величайшая трудность объяснить и истолковать ихъ. На какую часть этого діалога ни взглянемъ, не найдемъ ни одной, которая не представляла бы чего нибудь сомнительнаго. Для чего нуженъ былъ здѣсь тотъ особенный родъ рѣчи, тянущійся почти чрезъ все сочиненіе, въ которомъ не видишь ничего, кромѣ мелочныхъ и изысканныхъ дѣленій родовъ на виды, и который, въ сравненіи съ легкою и изящною рѣчью Платонова Сократа, кажется порожденіемъ какой-то дикой діалектики? Къ чему этотъ длинный рассказъ о разныхъ періодахъ міра, который и въ себѣ самомъ заключаетъ нѣчто для изясненія трудное, да мало, по видимому, имѣетъ связи и съ общимъ содержаніемъ разсужденія? Что надобно думать о предметѣ и цѣли всего сочиненія? Что сказать объ изложеніи частей его и связи ихъ? Какое имѣетъ онъ отношеніе къ прочимъ сочиненіямъ Платона? Изъ какихъ источниковъ могъ почерпнуть Платонъ то, что отличается у него здѣсь нѣкоторыми особенностями?—Все это и многое другое представляетъ намъ не мало сторонъ темныхъ, и требуетъ не поверхностнаго объясненія, чтобы разсматриваемая книга могла быть понята съ достаточною ясностію. Имѣя это въ виду, мы считаемъ нужнымъ прежде всего обратить вниманіе на время, въ которое долженствовалъ быть написанъ и изданъ Платоновъ Политикъ. Такъ какъ извѣстно, что Платонъ, во всѣхъ почти сочиненіяхъ, ставилъ свои изслѣдованія въ связь съ обстоятельствами ближайшаго времени, такъ что, по требованію этихъ обстоятельствъ, подбиралъ и собесѣдниковъ, и содержаніе, и форму, и разныя подробности бесѣды; то и на изложеніи Политика, вѣроятно, такъ близко отразилось время, въ которое онъ писалъ его, что, не принявъ въ соображеніе этого обстоятельства, мы, конечно, не поняли бы какъ слѣдуетъ разсматриваемаго теперь діалога. И такъ, что же можно сказать вѣрнаго въ этомъ отношеніи?

Весьма хорошо было бы для нашей цѣли, если бы изъ встрѣчающагося въ Политикѣ (р. 264 С и 290 D) упоминанія о египетскихъ постановленіяхъ можно было съ вѣроятностію заключить, что этотъ діалогъ написанъ Платономъ по возвращеніи его изъ путешествія въ Египетъ. По крайней мѣрѣ, такъ полагаютъ Теннеманъ (*System. phil. Plat. v. I, p. 120*), Шлейермахеръ (*Opp. Plat. germ. v. II, p. II, p. 251*) и Германъ (*Hist. phil. Plat. I, p. 501*). Допустивъ это, мы получили бы исходную точку для рѣшенія вопроса, весьма важнаго по отношенію къ другимъ трудностямъ, представляемымъ діалогамъ. Но этотъ признакъ времени такъ неопредѣленъ и сомнителенъ, что изъ него съ рѣшительностію ничего, думаемъ, вывести нельзя, если не приведены будутъ другіе, которые подтверждали бы основанное на немъ мнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, кто поручится намъ, что Платонъ о тѣхъ египетскихъ постановленіяхъ прежде не зналъ по слухамъ, а получилъ о нихъ свѣдѣніе лично? Кажется, мы должны избрать другой путь, если своимъ догадкамъ хотимъ сообщить больше правдоподобія; и этотъ путь представляется намъ самъ собою. Во первыхъ, Политикъ находится въ тѣснѣйшей связи съ тѣми діалогами, изъ которыхъ не трудно угадать время написанія какъ ихъ самихъ, такъ и Политика. Къ этому потомъ естественно приывается соображеніе, что въ то время жизнь Платона получила иное направленіе и должна была представить ему именно такіе, а не иные вопросы.

Смотря на предметъ съ этой стороны, мы легко замѣтимъ, что со времени смерти Сократа положеніе Платона и самыя занятія его рѣшительно измѣнились. Извѣстно, что послѣ Сократовой катастрофы Платонъ, вмѣстѣ съ другими товарищами своей школы, переѣхалъ въ Мегару къ Эвклиду, и рѣшился держаться дальше отъ дѣлъ республики,—въ той мысли, что, при тогдашней распущенности нравовъ, гораздо полезнѣе будетъ, подражая Сократу, заниматься частно съ своими гражданами, чѣмъ принимать уча-

стіе въ преступныхъ нерѣдко дѣлахъ общества. И такъ, въ это-то время, думаю, положилъ онъ создать такую науку мудрости, которая имѣла бы силу врачевства для тогдашняго зла и, чрезъ основательное раскрытіе истиннаго и честнаго, содѣйствовала бы къ утвержденію общественнаго блага (см. Epist. VII, p. 326 A; IX, p. 358 A. Сн. De Rep. VI, p. 496). Вышедши изъ прежнихъ сократическихъ вопросовъ о силѣ и природѣ добродѣтели, философъ мало по малу дошелъ, кажется, до сознанія необходимости войти въ болѣе тонкое теоретическое разсмотрѣніе знанія и его источника. Путемъ къ этому послужило ему особенно то, что, по побужденію, конечно, несчастному, однакожь для науки весьма выгодному, онъ, какъ мы сказали, по смерти Сократа, переѣхалъ въ Мегару. Въ этомъ городѣ, по всей вѣроятности, представлялось ему столько благопріятныхъ обстоятельствъ для изслѣдованія вопросовъ, занимавшихъ тогда его душу, что наука его должна была вскорѣ получить сильнѣйшее и совершеннѣйшее развитіе. Не говоримъ уже о томъ, что туда же около этого времени собралось много и другихъ Сократовыхъ учениковъ, изъ которыхъ каждый входилъ, съ частнымъ, своимъ взглядомъ, въ разсмотрѣніе началъ своего учителя; здѣсь въ разсужденія съ Платономъ вступали Эвклидъ и прочіе мегарцы и подавали ему поводъ—простую мораль Сократа, направленную больше противъ безнравственныхъ явленій опыта и софистическихъ заблужденій, основать на началахъ всеобщихъ, близорукій опытъ исправить основоположеніями метафизическими, заблужденія жизни практической обличить философскою теоріею. Эвклидъ, какъ извѣстно, первый уклонился отъ практической мудрости своего учителя и, воспользовавшись діалектической его методою, рѣшился приложить ее къ раскрытію положеній Парменида о сущемъ. Отсюда произошла странная метаморфоза понятій: элейское ученіе одѣлось въ сократическія формы. Это возбуждало вниманіе тогдашнихъ мыслителей, съ одной стороны, важностію содер-

жанія, съ другой—новостію. Между тѣмъ мегарцы, чтобы легче защищать собственныя свои положенія и опровергать мнѣнія другихъ, по подражанію элейцамъ, Сократову диалектику ограничили нѣкоторыми особыми законами, сдѣлавъ изъ нея какую-то шутовскую методу, и оттого по справедливости получили имя эристиковъ. И такъ, если мы обратимъ вниманіе какъ на направленіе мегарскаго ученія, такъ и на способы раскрытія его, то естественно придемъ къ заключенію, что Платонъ, бесѣдуя съ мегарцами, не могъ не воспламеняться сильнымъ желаніемъ—подвергнуть изслѣдованію важнѣйшіе возбуждаемые тогда вопросы философіи.

Это замѣтили мы, имѣя въ виду указать на время изданія въ свѣтъ—не прямо Политика, а тѣхъ діалоговъ, съ которыми Политикъ находится въ самой близкой связи, то есть, Теэтета, Парменида и Софиста. Если же время послѣднихъ ясно обозначится, то о Политикѣ заключить будетъ уже не трудно. По нашему мнѣнію, легче всего опредѣлить, когда написанъ былъ Теэтетъ. Въ самомъ дѣлѣ, что это значить, что разговоръ въ Теэтетѣ, представляемый происходившимъ въ Афинахъ, незадолго до смерти Сократа (Theaet. p. 142 C), теперь читается въ Мегарѣ, въ домѣ Эвклида? По нашему мнѣнію, это явно уже указываетъ на особенную близость между Платономъ и мегарцами. А если такъ, то необходимо слѣдуетъ, что этотъ діалогъ долженствовалъ быть написанъ послѣ 2 года 95 олимп.; ибо нѣтъ свидѣтельствъ, чтобы до этого времени Платонъ былъ знакомъ съ обществомъ Эвклидовымъ. И такъ, время изданія въ свѣтъ Теэтета указывается въ самомъ началѣ этой книги. Притомъ, упоминаемая въ Теэтетѣ (p. 142 A) коринская битва не могла произойти прежде смерти Сократа, хотя разговоръ представляется происходившимъ незадолго предъ его смертію. Значить, здѣсь необходимо разумѣть ту битву, которая, какъ извѣстно, во время коринской войны, произошла во 2 году 96 олимп. (*Xenoph. Hellen. IV, 2, 8. Diodor.*

XIV, 83. *Demosth. Adv. Lept. § 41*). Въ такомъ случаѣ выходитъ, что упомянутый разговоръ, происходившій въ Аѳинахъ незадолго до смерти Сократа, повторился въ Мегарѣ чрезъ четыре года, когда тотъ даровитый юноша Теэтеть сражался подъ Коринѳомъ и впалъ въ трудную болѣзнь. Изъ этого слѣдуетъ, что Теэтеть не могъ быть написанъ и изданъ раньше 2 года 96 олимп.

Если мы допустимъ это, то получимъ основаніе для заключенія, что тотъ же годъ надобно почитать терминомъ времени, съ котораго Платонъ началъ излагать своего Софиста, Парменида и Политика; ибо эти діалоги находятся въ такомъ близкомъ сродствѣ съ Теэтетомъ, что никакъ не могли значительно расходиться по времени, въ которое были задуманы. По крайней мѣрѣ софистъ представляется разсмотрѣннымъ на другой день послѣ Теэтета (*Sophist. p. 216 A*), а разсмотрѣніе политика отнесено къ одному и тому же дню съ софистомъ (*Politic. p. 258 A; сн. p. 284 B, 286 B*). Что же касается Парменида, то онъ указывается не только въ Теэтетѣ, но также въ Софистѣ и Политикѣ (*Politic. p. 257 A—C. Sophist. p. 217 C; 253 E; 254 B*); ибо въ этомъ именно діалогѣ надобно видѣть общанное здѣсь изображеніе философа. Къ тому же во всѣхъ сказанныхъ разговорахъ усматривается какъ бы продолженіе и дальнѣйшее развитіе того же содержанія; такъ что всѣ эти книги можно принимать почти за одно большое сочиненіе. А отсюда естественно вытекаетъ заключеніе, что Софистъ, Политикъ и Парменидъ написаны и вышли въ свѣтъ вскорѣ послѣ Теэтета, — но не вдругъ, а въ нѣкоторые промежутки времени. Эту мысль подтверждаетъ, во первыхъ, содержаніе Софиста, въ которомъ слегка осмѣивается мегарское искусство разсужденій и точно такъ же, какъ въ Политикѣ, сопоставляется съ сократическою методою собесѣдованія, а ученіе элейцевъ и мегарцевъ испытывается такимъ образомъ, что философъ сближаетъ съ нимъ свои собственныя мнѣнія, въ видѣ уже развитомъ и благоразумно ис-

правленномъ. Все это, очевидно, требовало предварительнаго, долговременнаго обдумыванія и обсужденія. Затѣмъ Парменидъ почти весь развитъ на основаніяхъ ученія пифагорейскаго, и притомъ взятаго въ его сокровенныхъ началахъ; ибо остроумно изложенныя здѣсь положенія о существующемъ, съ перваго взгляда представляющіяся элейскими, если мы возьмемъ ихъ въ связи съ ученіемъ Платона, получаютъ полную ясность только изъ пифагорейскихъ мнѣній о конечномъ и безконечномъ. Подобное нѣчто смѣемъ сказать и о Политикѣ, въ которомъ политикъ мѣстами изображается такъ, что представляется истиннымъ пифагорейцемъ. Но изъ этого, кажется, можно заключить, что послѣдніе два діалога не могли быть написаны Платономъ прежде путешествія его въ нижнюю Италію, куда, какъ извѣстно, ѣздилъ онъ, проведши нѣсколько времени въ Мегарѣ, и гдѣ особенно хотѣлось ему обстоятельнѣе познакомиться съ догмами пифагорейцевъ. Послѣ сего не трудно уже было бы, по видимому, опредѣлить время выхода въ свѣтъ означенныхъ діалоговъ, если бы путешествіе Платона въ Италію не было непосредственно соединено съ его путешествіемъ въ Египетъ и Кириною, и притомъ такъ, что, по сказанію однихъ, онъ сперва былъ въ Египтѣ и Киринеѣ, потомъ въ Италиі, а по другимъ, сперва посѣтилъ Италію, потомъ ѣздилъ въ Египетъ и Кириною. Впрочемъ разборъ этихъ мнѣній къ настоящему нашему вопросу не относится. Для насъ здѣсь важно только то, что, совершая послѣдовательно и непосредственно всѣ эти путешествія, Платонъ весьма долго находился внѣ своего отечества; слѣдовательно, прежде возвращенія въ отечество не могъ издать тѣхъ книгъ, происхожденіе которыхъ теперь разсматривается. Да и для кого сталъ бы онъ издавать ихъ, влача въ далекихъ странахъ жизнь почти ссыльнаго? Кому бы могъ онъ передать свои мысли, не имѣя никакихъ сношеній съ своими согражданами? По нашему мнѣнію, дѣло было, вѣроятно, такъ. Философъ обрабатывалъ упомяну-

тыя свои сочиненія тогда и тамъ, когда и гдѣ приходилось ему жить и бесѣдовать съ иностранными мыслителями, и обработывалъ почти всегда въ связи съ ихъ мнѣніями, имѣя, конечно, въ виду издать эти путевые свои труды, по возвращеніи въ отечество, какъ уже совершенно отдѣланные и конченные. И отсюда-то, думаемъ, можно опредѣлить время выхода ихъ въ свѣтъ. По историческимъ замѣткамъ нѣкоторыхъ писателей, Платонъ возвратился въ отечество въ 1 году 98 олимп., или за 388 лѣтъ до Р. Х. А если это справедливо, то ясно становится само собою, къ какому періоду времени относится написаніе тѣхъ четырехъ діалоговъ, и когда были они изданы. То есть, писаны они были начиная со 2 года 95-ой или со 2—96-ой олимп. до 1 года 98 олимп., слѣдовательно — отъ 399 до 388 г. предъ Р. Х.; а вышли въ свѣтъ тотчасъ послѣ 1 г. 98 олимп.,—именно въ то время, когда Платонъ задумалъ основать академію.

Рѣшивъ, по возможности, вопросъ о времени написанія и изданія Политика, мы должны теперь обратить вниманіе на главную его тему и объяснить особенно одно представляющееся съ этой стороны недоумѣніе: почему именно въ означенное время родилась въ умѣ Платона мысль писать о достоинствѣ и превосходствѣ истиннаго политическаго искусства,—доказывать, до какой степени не согласно оно съ ходячими понятіями объ управленіи государствомъ, не утверждающимися ни на какомъ разумномъ основаніи?—Платонъ, какъ сказано, по смерти Сократа, оставилъ свое отечество съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы совершенно предаться философіи и не принимать на себя обязанностей гражданскихъ. И дѣйствительно, долго живя среди чуждыхъ ему народовъ, онъ, по видимому, нисколько не думалъ о дѣлахъ отечественныхъ, да и не предполагалъ, что его занятія хотя когда нибудь принесутъ родному обществу какую нибудь пользу; такъ какъ рѣшился искать чести добродѣтельнаго человѣка скорѣе путемъ усовершенія себя въ мудрости, чѣмъ гражданскою службою отечеству. Но такая рѣшимость его,

конечно, не могла избѣжать злыхъ укоризнъ, и онъ долженъ былъ защищаться противъ незаслуженной клеветы. И что отвѣчалъ онъ на это? Именно то, что отвѣчать прилично было душѣ высокой и благородной: онъ оправдывался такъ, что, по видимому, защищалъ не столько свои намѣренія, сколько дѣло мудрости и добродѣтели. Этого еще мало: побывавъ въ Италіи, онъ узналъ относящіяся къ этому дѣлу мнѣнія пиеагорейцевъ и, нашедши ихъ прекрасными, такими, какія давно лелѣялъ самъ, вознамѣрился обосновать ихъ, утвердить, въ чемъ нужно развить, и смѣло приступилъ къ рѣшенію вопроса, вызваннаго обстоятельствами времени. Такъ думаетъ и *Германъ* (Hist. Philos. Plat. 1, p. 60 sqq.) И такъ, Платонъ своимъ гражданамъ, которыхъ по временамъ наставлялъ въ Менонѣ, Горгіасѣ, Протагорѣ и другихъ книгахъ, показываетъ теперь, какъ должна быть цѣнима такъ называемая добродѣтель политическая, и начертываетъ имъ образъ совершеннѣйшаго правителя общества; а вмѣстѣ обличаетъ и тѣхъ, которые съ безразсуднымъ хвастовствомъ обнаруживаютъ передъ другими притязанія на славу обладанія политическимъ благоразуміемъ, тогда какъ стоятъ настолько ниже наилучшаго и совершеннаго правителя государства, что должны быть почитаемы не чѣмъ другимъ, какъ пустыми и безтолковыми его подражателями. Потомъ излагаетъ онъ и въ ясномъ свѣтѣ представляетъ тѣ формы правленія, которыми пользовалась тогдашняя Греція, показывая худыя стороны каждой изъ нихъ и то, какъ далеки онѣ отъ истинно хорошей политической формы, которая, какъ бы изъ источника или начала, проистекаетъ изъ исполненной истинною мудростію души царя, и не шатается отъ неопредѣленныхъ мнѣній. Это и подобное этому, что излагается въ Политикѣ, весьма кстати падало на то время, когда, избѣгая дѣлъ гражданскихъ, Платонъ удалился какъ бы въ безопасную пристань философіи и рѣшилъ вести жизнь совершенно независимую, чтобы философскими своими изслѣдованіями приносить отечеству возможную пользу.

Въ Теэтетѣ, какъ извѣстно, испытывается и обличается положеніе тѣхъ, которые знаніе истины поставляли въ фантомахъ и правильныхъ мнѣніяхъ. Объ этомъ самъ Сократъ, въ присутствіи Θεодора киринейскаго, бесѣдуетъ съ Теэтетомъ такъ, что представляетъ какъ бы образецъ своего повивальнаго искусства,—чего также не должно упускать изъ виду. Но этотъ разговоръ, происходившій въ Аѣинахъ, передается Терпсиону мегарскому, въ Мегарѣ, въ домѣ Эвклида, чѣмъ удовлетворительно доказывается, что предпринимаемое разсужденіе объ этомъ предметѣ поставлено въ отношеніе къ философамъ мегарскимъ, и происходило тогда, когда Платонъ долженъ былъ находиться у нихъ. Потомъ, въ Софистѣ, который имѣлъ мѣсто на другой день послѣ Теэтета, разсужденіе переносится на элейцевъ: испытывается и отвергается положеніе ихъ объ одномъ, или о сущемъ, и вопросъ объ этомъ очень разумно поставляется такъ, что вмѣстѣ излагается ученіе о связи и сродствѣ существующаго съ не существующимъ. Но тутъ разсуждаетъ уже не Сократъ, а элейскій гость, приведенный Θεодоромъ въ общество вчерашнихъ его друзей,—разсуждаетъ мыслитель, пламенѣющій удивительною ревностію къ отысканію истины, чрезвычайно привычный входитъ въ любимыя тонкости школы и какъ бы невольню расположенный мнѣнія мегарцевъ наклонять къ воззрѣніямъ Платона. Вопросъ выдвигается здѣсь о томъ, какимъ образомъ элейцы софиста и политика, то есть человѣка, обогащеннаго познаніями о дѣлахъ гражданскихъ, отличаютъ отъ философа, котораго то смѣшиваютъ съ софистами, то видятъ въ немъ особенно мудраго политика, то почитаютъ безумцемъ. По этому побужденію, сперва предполагается изслѣдовать, чтò такое софистъ, и дѣло мало по малу приводится къ тому положенію, что истиннаго убѣжища софиста надобно искать въ не существующемъ. Послѣ того разсужденіе переходитъ къ изслѣдованію природы существующаго и не существующаго; и это изслѣдованіе производится такъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ раскры-

валась природа и софиста, отчего казавшееся прежде сомнительнымъ теперь является въ полномъ свѣтѣ. Переходимъ къ тому діалогу, который по порядку слѣдуетъ за Софистомъ, именно—къ Политику. Нашедши софиста въ не существующемъ, элеецъ тотчасъ приступаетъ къ изображенію человѣка, обогащеннаго истиннымъ знаніемъ дѣль гражданскихъ, и не ограничивается описаніемъ его одного, но изображаетъ и тѣхъ, которые неосновательно претендуютъ на знаніе искусства политическаго. Надобно полагать, что тотъ совершенный правитель государства есть не иной кто, какъ философъ или мудрецъ, котораго въ Софистѣ предположено было отличить отъ софиста, и который превосходно обрисованъ Платономъ въ Политикѣ. Но здѣсь обрисованъ онъ не какъ изслѣдователь природы существующаго и не существующаго, а какъ человѣкъ, по своему уму, заключающій въ себѣ одномъ силу всеобщаго государственнаго закона. Посему легко понять, что, при описаніи философа въ Политикѣ, Платонъ имѣлъ въ виду только внутреннѣйшее содержаніе его мудрости, то есть, совершенное знаніе истиннаго политическаго искусства, чрезъ что этотъ діалогъ свой поставилъ въ ближайшую связь съ Теэтетомъ, гдѣ предназначалась природа истиннаго знанія и отдѣлялась отъ призраковъ. Иное дѣло—въ Парменидѣ: здѣсь философъ прямо противопоставленъ софисту. Какъ въ Политикѣ понятіе людей, безразсудно усвоившихъ себѣ честь знанія политическаго, идетъ наперерѣзъ истому мудрецу, который, по справедливости, одинъ достоинъ носить это имя: такъ и тѣ софисты, обитающіе въ не существующемъ, должны быть противопоставлены истинному философу, занимающемуся единственно тѣмъ, что дѣйствительно существуетъ. Ибо философъ, представляемый въ Парменидѣ, если будемъ сравнивать его съ философомъ-софистомъ, какъ представляется онъ въ Софистѣ, соотвѣтствуетъ ему совершенно, какъ другая крайность: то есть, послѣдній ничего не имѣетъ въ виду, кромѣ обманчивыхъ заключеній, и вращается особенно въ сферѣ

не существующаго; а первый занимается единственно тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ существуетъ, и, для изслѣдованія природы дѣйствительно существующаго, не оставляетъ ничего, что помогаетъ приблизиться къ истинѣ. Слѣдовательно, философъ въ Парменидѣ есть совершеннѣйшій діалектикъ.

Показавъ умѣстность и благовременность главнаго вопроса въ Политикѣ, переходимъ къ методѣ изложенія содержащагося въ немъ ученія. Съ этой стороны Политикъ во всѣ времена возбуждалъ множество недоумѣній, и иногда въ глазахъ изслѣдователей совершенно терялъ значеніе сочиненія серьезно-философскаго. Въ самомъ дѣлѣ, образъ разсужденій въ немъ отдѣняется такими особенностями, что цѣлому діалогу сообщаетъ характеръ странный, рѣзко отличающій его отъ простой формы всѣхъ прочихъ діалоговъ Платона, за исключеніемъ только Софиста и Парменида. Въ Политикѣ, кромѣ немногихъ мѣстъ, все наполнено странными какими-то дѣленіями родовъ на подчиненные имъ виды, вездѣ останавливаютъ наше вниманіе хитро и насильственно выведенныя заключенія; такъ что, читая эту книгу, кажется, идешь по непроходимымъ дебрямъ и колючимъ стезямъ какой-то дикой діалектики. Какую же имѣлъ причину Платонъ, вопреки своему обычаю, уклониться на этотъ тернистый путь разсужденій? Почему, оставивъ легкость и изящество обыкновенной сократической методы, онъ ухватился за эту скучную и почти невыносимую діалектику?— Мы думаемъ, что Платону, какъ въ Софистѣ, такъ особенно въ Политикѣ, захотѣлось представить образцы дѣленій, употребляемыхъ методою мегарскою, и съ ея методою поступить такимъ же образомъ, какъ поступилъ онъ съ ея ученіемъ, то есть, передразнить ее, искусно осмѣять и потомъ нечувствительно исправить ее оборотами методы сократической. На эту мысль прежде всего наводитъ насъ главный собесѣдникъ въ Политикѣ, элейскій иностранецъ. Хотя въ Софистѣ (р. 216 А. В) описывается онъ какъ человекъ, съ характеромъ не эристическимъ, умѣренный и стговор-

чивый въ бесѣдѣ; однакожь, всмотрѣвшись въ него ближе, мы все-таки видимъ въ немъ мегарца и защитника мегарскихъ положеній. Правда, по образу своихъ разсужденій, онъ какъ будто опирается на началахъ Парменида и Зенона; но тутъ же обнаруживаетъ и уклоненія отъ нихъ. Какимъ же образомъ эта діалектика, выработанная школой, при всемъ ея несходствѣ съ способомъ разсужденій тѣхъ мыслителей, оказывается такъ близка къ нимъ? Вѣроятный отвѣтъ можетъ быть тотъ, что мегарцы, заимствовавъ у элейцевъ изобрѣтенное ими искусство, расширили его собственными своими правилами и нѣсколько усовершили, если не брать въ счетъ худаго направленія этой методы къ эристигѣ. Но мы уже замѣтили, что элейскій иностранецъ, держась мегарскаго образа рѣчи, вмѣстѣ съ тѣмъ разсуждаетъ осторожно, умѣренно, благоразумно, не вдаваясь ни въ какіе споры. Стало быть, онъ имѣлъ въ виду изобразить не ту задорчивую мудрость, которую такъ любили многіе мегарцы, а только усвоенную ими методу разсужденій, способную вести къ открытію истины. Отчего же однако эта метода, при всемъ своемъ относительномъ совершенствѣ, такъ мелочна и непохожа на сократическую? Единственно оттого, что въ ней господствуетъ такъ называемый *аналитическій* способъ опредѣленій: то есть, какъ скоро пріобрѣтено понятіе о какихъ нибудь частныхъ вещахъ, тотчасъ берется общій родъ ихъ, вмѣщающій подобныя ему формы, какъ свои части; потомъ отсюда, по порядку, дѣлается переходъ къ изслѣдованію формъ подчиненныхъ, и наконецъ все это оканчивается опредѣленіемъ предмета какими нибудь тонкостями или мелочными признаками. Такой способъ изслѣдованія соблюдается почти во всемъ Софистѣ и Политикѣ, а особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ все разсматривается по законамъ искусства. И какое имѣло это значеніе,—ясно само собою. Здѣсь каждый родъ постоянно дѣлится на двѣ формы, и некоторая изъ нихъ не оставляется безъ вниманія. Этотъ способъ дѣленія такъ простъ, что не удивительно, если пер-

вые изобрѣтатели его слѣдовали ему неуклонно. Вникая въ эту форму Политика и Софиста и соображая, какой философской школѣ могла она принадлежать, мы останавливаемся на томъ мнѣніи, что вся она построена по правиламъ мегарцевъ, и постараемся доказать это.

Извѣстно, что Эвклидъ и его послѣдователи одобряли положеніе элейцевъ, что одно существующее заключаетъ въ себѣ силу и природу всѣхъ вещей и доставляетъ нашему уму знаніе истины. Но, соглашаясь съ ними въ этомъ, они не удовлетворялись однакожъ тѣмъ сущимъ, называвшимся τὸ ἐν или τὸ ὅν; ибо глава мегарской школы видѣлъ, что если источникомъ знанія будетъ лишь одно,—предѣлы человѣческихъ познаній окажутся до того тѣсными, что, кромѣ природы того сущаго, мы ни о чемъ другомъ и мыслить не можемъ. И такъ, подъ вліяніемъ наставленій Сократа, наблюдая впечатлѣнныя человѣческому уму понятія, онъ въ томъ элейскомъ сущемъ, какъ въ высшемъ родѣ, нашель нужнымъ полагать множество другихъ родовъ и формъ, такъ что отсюда проистекли безчисленные виды или идеи, содержащія въ себѣ силу и природу вещей. Съ этой стороны Эвклидъ близко подошелъ къ смыслу ученія Платонова; но съ другой, и притомъ важнѣйшей, далеко уклонился отъ него: ибо какъ Зенонъ и Парменидъ своему «одному» приписывали неизмѣнное единство, и удаляли отъ него всякое различіе отношеній, такъ и Эвклидъ съ своими послѣдователями представлялъ свои идеи единицами отдѣльными, видами абсолютными, не имѣющими никакого между собою отношенія,—которое Платонъ постоянно приписывалъ имъ. Что таково именно было мнѣніе мегарцевъ объ идеяхъ,—видимъ свидѣтельство у самого Платона (Sophist. p. 246 B sqq.; 248 A sqq.; 249 C sqq.). Да то же самое свидѣтельство объ этомъ и Аристотель (Metaphys. XIV, 4, p. 301 ed. Brandis): τῶν δὲ τὰς ἀκινήτους οὐσίας εἶναι λεγόντων οἱ μὲν φασιν αὐτὸ τὸ ἐν τὸ ἀγαθόν, αὐτὸ εἶναι οὐσίαν μέντοι τὸ ἐν αὐτοῦ φόντο εἶναι μάλιστα. И отсюда-то особенно получаетъ свой

смыслъ тотъ родъ разсужденій, какой принять въ Софистѣ и Политикѣ и какой, какъ мы думаемъ, усвоили себѣ мегарцы. Въ самомъ дѣлѣ, философы, столь крѣпко державшіеся единства понятій или идей, что никакъ не хотѣли поставить ихъ въ связь съ другими идеями, не должны ли были имѣть въ виду особенно это «одно» какъ своихъ доказательствъ, такъ и въ опредѣленіяхъ, и отъ него составлять въ зависимость все? А въ такомъ случаѣ они не могли дѣлать иначе, какъ все выводить изъ того «одного»,— то есть, понятія общія разлагать на ихъ формы и, какъ въ доказательствъ, такъ и въ опредѣленіяхъ, отъ высшихъ родовъ нисходитъ къ формамъ подчиненнымъ, не воспринимая ничего отвнѣ, что соединялось бы съ ними, какъ нѣчто чуждое. Вѣдь у кого единицы имѣли значеніе абсолютное, внѣ всякой связи съ другими единицами, тѣ могли позволить себѣ приписывать вещи только то, что или равняется ей природѣ, или заключается въ ней, какъ часть въ цѣломъ. Слѣдовательно, они развивали только положенія тождественныя или аналитическія, а такъ называемыя синтетическія въ своихъ разсужденіяхъ отвергали. О справедливости этого замѣчанія свидѣтельствуетъ *Плутархъ*,—Adv. Colot. p. 1119 C,—гдѣ Стилпонтъ обширно раскрываетъ положеніе тѣхъ, которые учили, что всякой вещи можно приписывать только собственныя ея свойства, а чего нибудь другаго, не заключающагося въ ея природѣ, нельзя не только сказать о ней, но и мыслить. Живой образъ такого разсужденія мы усматриваемъ въ Софистѣ и Политикѣ, и отсюда заключаемъ, что господствующій въ этихъ діалогахъ способъ опредѣленій и дѣленій есть именно мегарскій, и что Платонъ здѣсь— не болѣе, какъ искусный подражатель, замаскированный мегарецъ и пересмѣшникъ добрыхъ своихъ друзей.

Онъ на первый разъ осмѣиваетъ самое упражненіе въ той діалектикѣ, которая, стремясь къ тому, чтобы показаться тонкою и остроумною, допускаетъ однакожь такую ложь и строить такіе софизмы, какихъ здравый разумъ допустить

никакъ не можетъ. Впрочемъ это дѣлается такъ, что философъ не произноситъ собственнаго своего мнѣнія, но поступаетъ очень хитро,—въ разсужденіе элейца съ безцеремонной простотою вмѣшиваетъ нѣкоторыя положенія ложныя, съ законами правильнаго сужденія нисколько несогласныя. Мы никакъ не можемъ думать, чтобъ эти ошибки были плодомъ убѣжденій самого Платона; ибо извѣстно, что въ другихъ мѣстахъ онъ превосходно доказываетъ свое знаніе законовъ дѣленія и различенія. Между тѣмъ элеецъ погрѣшаетъ особенно въ томъ, что нерѣдко поставяетъ члены дѣленія, мало идущіе къ тому, о чемъ спрашивается, либо зависящіе отъ признаковъ мелочныхъ и случайныхъ, либо, наконецъ, такіе, которые не могутъ быть формами того же рода, но относятся къ разнымъ родамъ. Примѣры погрѣшностей этого рода, не трогая уже Софиста, довольно указать въ одномъ Политикѣ, о которомъ теперь особенно и говорится. Возьмемъ хоть дѣленіе на р. 264 D, гдѣ элеецъ, замѣтивъ, что политическое искусство усматривается въ общемъ пасеніи животныхъ, тотчасъ искусство пасенія дѣлитъ на *ὑροτροφικόν* и *ξηροτροφικόν*,—какъ будто для рѣшенія настоящаго вопроса не все равно, питаются ли животныя въ водѣ, или на сушѣ. Подобнымъ образомъ, на р. 265 B, сухопутныя животныя дѣлятся на два рода,—на рогатыхъ и безрогихъ, и полагается, что царь пасетъ послѣднихъ. Здѣсь невольно замѣчаешь насмѣшку со стороны Платона, представляя, что съ такимъ же правомъ элеецъ могъ бы раздѣлить сухопутныхъ тварей на вооруженныхъ когтями и не имѣющихъ когтей, на покрытыхъ волосами и безволосыхъ, на одѣтыхъ шерстью и безшерстныхъ, если бы только подобными вещами могло быть оцѣниваемо достоинство искусства политическаго. Явною также насмѣшкою отзывается мѣсто р. 265 D: тамъ двуногое животное дѣлится на людей и птицъ,—конечно, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы къ человѣческому роду шуточно присоединить подпару гусей, утокъ и другихъ пернатыхъ. Подобнымъ обра-

зомъ, на р. 266 E sq., стадо двуногихъ дѣлится на безперыхъ и покрытыхъ перьями, напоминая намъ извѣстную насмѣшку Діогена надъ Платоновымъ человѣкомъ. Замѣчательно, что, послѣ этихъ и другихъ подобныхъ дѣлений, элеецъ самъ явно, хотя весьма тонко, смѣется надъ ними, когда говоритъ своему собесѣднику Сократу (р. 261 E): «Прекрасно, Сократъ! Если ты не будешь слишкомъ заботиться о словахъ (т. е., о варварскомъ сочетаніи терминовъ, которыми означаются члены разныхъ дѣлений), то подъ старость разбогатеешь мыслями». Этимъ элейскій иностранецъ высказалъ, что настоящія дѣленія не заключаютъ въ себѣ никакихъ мыслей и не представляютъ ничего, кромѣ дикой терминологіи. Не меньшею насмѣшкою преслѣдуетъ онъ и чрезвычайное стремленіе мегарской школы къ тонкостямъ. Мегарцы охотно прилагали діалектическую методу къ рѣшенію возникавшихъ вопросовъ, но почти вовсе не заботились о томъ, что служить предметомъ рѣчи, и не отказывались изслѣдывать вещи самыя пошлыя. О такомъ направленіи ихъ не безъ горькой насмѣшки упоминается Politic. р. 266 D; Sophist. р. 227 A, B; Parmenid. р. 140 D, E. И эти мелочи распутывали они съ самымъ серьезнымъ усиліемъ, какого могли требовать только предметы важнѣйшіе. Съ этою-то мыслию Платонъ, полагаемъ, заставилъ элейца подробно разсуждать о такихъ вещахъ, какова, на примѣръ, выдѣлка шерсти. И нельзя думать, что этотъ родъ насмѣшки не свойственъ Платону: именно такимъ же образомъ скучивается множество странныхъ словопроизводствъ и изысканныхъ заключеній въ Кратилѣ и Эвтидемѣ; цѣль была та же—посмѣяться надъ ученіемъ и умствованіями нѣкоторыхъ философовъ. Зная это, мы ясно поймемъ, къ чему надобно относиться то мѣсто Политика (р. 283 A—р. 287 B) и какъ разумѣть его.

Впрочемъ, шутя и смѣясь надъ мегарскою діалектикою, Платонъ вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленно училъ, что особенно слѣдуетъ наблюдать при дѣленіяхъ и различеніяхъ, и такимъ

образомъ указывалъ путь къ соединенію мегарскаго искусства разсужденій съ сократическимъ изяществомъ и вкусомъ. Достоинно замѣчанія, что элеецъ нерѣдко, если что либо раздѣлено или заключено было неправильно, исправлялъ это и прибавлялъ остроумныя и благоразумныя діалектическія правила. Сюда относимъ мы, между прочимъ, что говорится (р. 261 D sqq.) о не позволительности перескакивать черезъ формы, находящіяся между высшимъ родомъ и другими видами, (р. 262 A sqq.) о благоразумномъ приведеніи формъ понятій къ ихъ родамъ, (р. 275 C sqq.) о положеніи начала дѣленія въ той вещи, которой понятіе должно быть изслѣдовано чрезъ дѣленіе, (р. 277 D sqq.) о природѣ и употребленіи примѣра, (р. 277 D sqq.) о томъ, что длиннота рѣчей должна быть оцѣниваема намѣреніемъ лицъ бесѣдующихъ, и о другихъ подобныхъ предметахъ (р. 283 B sqq.; 285 A, D, E; 286 A; 287 A). Все это сообщаетъ Политику такой характеръ, что онъ является какъ бы діалектическимъ наставленіемъ. Мы уже знаемъ, что въ Софистѣ господствуетъ тотъ же методъ разсужденія, какой и въ Политикѣ: но тамъ больше насмѣшки и шутки, а здѣсь больше замѣчаній на ошибки и діалектическихъ правилъ. Если спросите, отчего это,—вотъ отвѣтъ. У Платона было, по видимому, рѣшительное намѣреніе въ Политикѣ, который написанъ послѣ Софиста, пролить яснѣйшій свѣтъ на эту необычайную и хитрую діалектику, получившую начало своего развитія въ Софистѣ, и показать открыто, съ какою цѣлію она тамъ допущена и что думаетъ философъ о ея употребленіи. При этомъ Платонъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду и нѣчто другое. Осмѣивая своимъ подражаніемъ въ мегарскомъ способѣ разсужденій все мелочное и пошлое, онъ съ ихъ методою старался соединить нѣкоторый родъ сократическаго наведенія, которое, по свидѣтельству Аристотеля (*Metaph.* I, 20) и Диог. Лаэртія (II, § 107), Эвклидъ отвергъ совершенно и презрѣлъ употребленіе его. Причина такого нерасположенія Эвклида къ наведенію ни для кого не темна: онъ

успокоивался на одномъ аналитическомъ способѣ разсужденія, который никакъ не позволялъ въ доказательство предмета принимать что нибудь внѣшнее, изъ-подъ понятія о томъ самомъ предметѣ. Чтобы вывести мегарцевъ изъ этого заблужденія, Платонъ отъ вещей, имѣвшихъ особенное нѣкоторое сходство съ тою вещію, о которой собственно спрашивалось, благоразумно бралъ и приводилъ примѣры въ видахъ предварительнаго діалектическаго упражненія, и такимъ образомъ тотъ суровый и скучный строй доказательствъ оживлялъ разнообразіемъ сократическихъ сравненій. Подобныхъ сравненій гораздо больше встрѣчается въ Софистѣ; но есть одно и въ Политикѣ, гдѣ добродѣтель и превосходство искусства политическаго объясняется чрезъ сравненіе его съ искусствомъ ткацкимъ. По этому-то поводу Платонъ заставляетъ элейца говорить объ употребленіи примѣровъ въ ученыхъ разсужденіяхъ (р. 285 D sqq.); ибо онъ очень хорошо зналъ, что вещи, удаленныя отъ чувствъ, чрезъ уподобленіе ихъ вещамъ, поражающимъ чувства, озаряются яснѣйшимъ свѣтомъ. Къ примѣрамъ наведенія, смягчающимъ суровость мегарской рѣчи, близко подходитъ въ Политикѣ и тотъ подробный разсказъ о разныхъ возрастахъ міра. Элеецъ здѣсь слѣдуетъ общему почти обычаю древней философіи вносить въ философскія разсужденія разные мнѣя; потому что въ древности у грековъ философія и поэзія находились въ ближайшемъ сродствѣ между собою.

Показавъ методу изложенія Политика, или значеніе его діалектики, слѣдуетъ теперь вникнуть въ самое содержаніе этого сочиненія и посмотрѣть, что здѣсь говорится о дѣлахъ политическихъ и какія съ этой стороны возникаютъ здѣсь недоумѣнія, требующія нѣкотораго объясненія. По своему содержанію, весь Политикъ состоитъ изъ трехъ частей: въ первой формами діалектики постепенно обрисовывается природа истиннаго политика; во второй говорится мнѣически о разныхъ возрастахъ міра и его управленія; въ третьей представляется образъ политическаго искусства и совершен-

наго царя. Войдемъ въ разсмотрѣніе каждой изъ этихъ частей.

О діалектической сторонѣ первой части, простирающейся отъ р. 258 С до 268 Е и отъ 274 Е до 291 С, говоритъ много нечего. Цѣль ея,—представить въ смѣшномъ видѣ мегарскую діалектику и исправить ее сократическими приемами,—преслѣдуется въ подробностяхъ, почти заслоняющихъ намѣреніе изслѣдовать политика и его искусство. Впрочемъ и тутъ Платонъ не забываетъ, что это—главный его предметъ. Онъ сперва учитъ, подъ какими родами знанія содержится искусство политическое; потомъ, отъ какихъ сродныхъ съ нимъ искусствъ должно быть оно отдѣлено, при чемъ хотя болѣе шутить, чѣмъ говорить серьезно, однакоже постоянно имѣетъ въ виду вывести на свѣтъ все, полезное для объясненія предмета. Изъ этого видно, что въ первой части своего діалога философъ положилъ провести границы, въ которыхъ надобно искать достоинствъ искусства политическаго, по отдѣленіи всего, что кажется ему чуждымъ. Стало быть, здѣсь какъ бы очищено поприще для изслѣдованія политической мудрости и для занятія тѣмъ, что представляется главнымъ вопросомъ предпринятой бесѣды. Надобно, конечно, согласиться, что эта часть Политика развита больше въ интересахъ діалектики, представляя практическія указанія на то, съ какихъ сторонъ она можетъ быть исправлена; однакожь никто не будетъ сомнѣваться, что вошедшія сюда разсужденія не маловажны и для правильнаго опредѣленія свойствъ и природы какъ искусства политическаго, такъ и самыхъ политиковъ.

Но, предположивъ начертать образъ истиннаго политика, Платонъ вдругъ обобщаетъ свой взглядъ и приходитъ къ мысли, что правителю человѣческихъ обществъ необходимо имѣть предъ глазами идеалъ управления всемірнаго, смотря на который, могъ бы онъ осязательно знать, чему надобно слѣдовать при управленіи обществомъ. Впрочемъ дальнѣйшей характеристики этого идеала въ Политикѣ не видно: фи-

философъ ясно не высказалъ ея и оставилъ мѣсто догадкамъ на этотъ счетъ; за то мысль его опредѣленно высказана въ разговорѣ О законахъ (lib. IV, p. 713 C sqq.), гдѣ, по изложеніи рѣчи о владычествѣ Сатурна и блаженномъ тогдашнемъ состояніи, описанномъ почти словами Политика, Клиніасъ прибавляетъ: «И такъ, весьма справедливо говорятъ, что обществу, которымъ управляетъ не Богъ, а кто нибудь изъ людей, нѣтъ никакой возможности избѣжать бѣдствій и тревогъ; мы всячески должны стараться подражать той жизни, какую проводили люди въ царствованіе Кроноса, и, повинуваясь уставамъ безсмертной нашей природы публично и частно, управлять и обществомъ и домомъ, τῆν τοῦ νόου διαίτην ἐπονομάζοντες νόμον.» Это такъ высказано, что на указанное мѣсто Политика проливаетъ сильный свѣтъ, и какъ будто нарочно для него написано. Впрочемъ въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается еще не все. Платонъ созерцалъ здѣсь, кажется, что-то большее; ибо тотъ самый примѣръ цѣлаго универса, поставленный предъ очами, таковъ, что открываетъ слѣды высшей мудрости, ради которой собственно философъ и обратился къ мпѣическому разсказу. Прикрываясь формою мѣта, философъ открываетъ здѣсь нѣкоторыя тайны цѣлой природы вещей,—тайны для человѣческаго ума неразъяснимыя, къ которымъ душа можетъ приближаться только гаданіемъ. Онъ на цѣлый міръ смотритъ какъ на животное, которое по природѣ своей таково, что либо повинуется божественному уму, либо рабски слѣдуетъ слѣпой своей страсти, отчего происходитъ то, что, по совершеніи нѣкоторыхъ оборотовъ времени, измѣняется состояніе всѣхъ вещей, и все либо погрязаетъ въ худшее, либо измѣняется на лучшее. Это предположеніе наше вовсе не безотчетная, произвольная догадка. Платонъ дѣйствительно допускалъ нѣкоторые обороты времени, въ продолженіе которыхъ совершается либо рожденіе, либо разрушеніе всѣхъ вещей. Посему не только эта наша земля, по мнѣнію Платона, испытала нѣкогда разныя перемѣны

отъ воды и огня, но и все когда-то родившееся подвержено гибели, хотя имѣеть происхожденіе божественное (De Rep. VIII, р. 546 А: γενομένφ παντί φθора́ ἐστί). А такъ какъ въ мірѣ нѣтъ ничего, что не подлежало бы необходимости измѣняться, то могъ ли философъ иначе думать и о цѣломъ мірѣ? Впрочемъ иной, можетъ быть, скажетъ, что, по ученію Платона, мірѣ вѣченъ и неразрушимъ: какимъ же образомъ связать его необходимостію разрушенія?—Правда; однакожъ вѣчность міра нисколько не препятствуетъ ему принимать разныя состоянія. Въ одномъ превосходномъ мѣстѣ Тимея (р. 37 А) говорится о міровой душѣ, что, будучи сложена изъ стихіи божественной и тѣлесной, она, по своей природѣ, можетъ какъ познавать истину, такъ имѣть и ложныя мнѣнія. Что же? слѣдуетъ ли отсюда, что разныя выраженія души уничтожаютъ то самое, что выражаетъ себя? Въ такомъ случаѣ, электрическая искра уничтожила бы силу электричества, снесенное яйцо уничтожило бы курицу. Начало всякаго зла, по Платону, усматривается въ матеріи, которая, будучи склонна къ движеніямъ возмутительнымъ, иногда производитъ то, что души, не смотря на божественную свою разумность, увлекаются къ заблужденіямъ и, какъ бы противъ воли не подчиняясь уму, стремятся къ худшему. И если это свойственно людямъ, то не иное можно заключать и о цѣломъ мірѣ; ибо какъ скоро душа его сложена изъ стихіи не только разумной, но и чувственной, то, конечно, можетъ иногда возобладать надъ нимъ забвеніе о Божіемъ управленіи. И такъ, вотъ въ какомъ смыслѣ и съ какою цѣлію Платонъ помѣстилъ въ своемъ Политикѣ сказанный миѳъ. Соединивъ древнія сказанія о разныхъ возрастахъ міра съ собственными своими мнѣніями, онъ положилъ, что мірѣ, пока водится божественнымъ умомъ, бываетъ не только невредимъ и безопасенъ, но и наслаждается блаженствомъ; а какъ скоро удаляется отъ начала божественнаго и предается врожденной похоти, тотчасъ вступаетъ въ чреду временъ несчастныхъ и уже не можетъ держаться

въ предѣлахъ блаженства. Но показавъ, какъ бы чрезъ оконную рѣшетку, свое мнѣніе объ этихъ самыхъ причинахъ поврежденія, и въ универсѣ, и въ дѣлахъ человѣческихъ, онъ тотчасъ скрѣпляетъ свое положеніе о благоденствіи человѣческихъ обществъ великолѣпнымъ разсказомъ, въ которомъ высказываетъ глубокое убѣжденіе, что каждое общество подъ тѣмъ только условіемъ будетъ хорошимъ и совершеннымъ, если, подражая жизни въ царствованіе Сатурна, изберетъ себѣ вождемъ и наставникомъ здравый умъ; а когда, пренебрегши водительство ума, будетъ управляться слѣпою похотью и позволить господствовать надъ собою страстямъ,—непремѣнно склонится къ худшему и подвергнется гибели,—развѣ только самъ Богъ возвратитъ его на путь ума и къ нормѣ законной жизни.

Мнѣ этотъ дѣйствительно превосходенъ, и указываетъ въ себѣ важнѣйшее условіе наилучшаго управленія обществомъ и твердое основаніе для составленія понятія объ истинномъ его правителѣ. Но здѣсь возникаетъ вопросъ: согласно ли съ ученіемъ Платона то, что Богъ при Сатурнѣ держалъ кормило міроуправленія, но потомъ, по пресѣченіи этого времени необходимостію судебъ, пересталъ управлять міромъ и, какъ бы отошедши на покой, только издали наблюдалъ за нимъ? Не противорѣчитъ ли это Платонову ученію о непрерывности промысла Божія? По нашему мнѣнію, приведеннымъ въ Политикѣ миѣомъ не только не отвергается Божій промыслъ, но еще подтверждается, какъ вѣчный и непрестанный; потому что Богъ хотя и оставляетъ кормило міроуправленія, однакожь оставляетъ не съ тѣмъ, чтобы безопасно смотрѣть на міръ, но чтобы наблюдать за нимъ, и если бы настояла какая опасность, тотчасъ помочь ему. А это чтò же иное, какъ не знакъ непрерывнаго Божьяго о немъ попеченія? Но этому самому положенію, скажетъ кто нибудь, не сильно ли противорѣчитъ то, что міръ иногда идетъ самъ по себѣ, вовсе безъ Божьяго управленія? На это отвѣчаемъ, что міръ называется оставленнымъ отъ

Бога, когда поселенная въ немъ душа забываетъ Божию заповѣдь, когда, по врожденной своей слабости, уклоняется отъ законовъ ума и подчиняется владычеству тѣла,—что впрочемъ не мѣшаетъ божественному промыслу заботиться о ея спасеніи, хотя люди заблудшіе или порочные обыкновенно почитаются оставленными Богомъ и проводятъ бѣдственную жизнь. Кому покажутся неудовлетворительными слова Платона (Legg. IV, p. 716 A, B): «Кто, или высящійся тщеславіемъ, или превозносящійся богатствомъ, почестями, красотою тѣла, либо ослѣпленный молодостію и невѣжествомъ, воспаляетъ душу свою такою заносчивостію, что не нуждается ни въ правителѣ, ни въ вождѣ, а напротивъ считаетъ себя способнымъ руководить и другихъ,—тотъ оставляется Богомъ; будучи же оставленъ имъ и соединившись съ иными подобными, въ изступленіи возмущаетъ все, и для нѣкоторыхъ представляется какъ бы что-то значущимъ, но потомъ, чрезъ небольшое время, подвергшись не мало-важному наказанію по суду, въ корнѣ губить и себя, и домъ, и общество»? Или затруднить ли насъ высказанное въ другомъ мѣстѣ положеніе, что люди добрые и честные бываютъ любимы Богомъ? Вѣдь какъ отдѣльнымъ лицамъ дана такая свобода чувствовать и дѣйствовать, что они могутъ не только слѣдовать похвальному, но и стремиться къ дурному: такъ и это животное міровое, имѣя душу, слитую изъ божественныхъ и земныхъ частей, пользуется такою свободою, что, не смотря на свою зависимость отъ власти Божіей, движетъ само себя и ведетъ жизнь не вовсе несходную съ жизнію человѣческою. И такъ, явно, что въ приведенномъ мѣстѣ нѣтъ ничего, что было бы несогласно съ ученіемъ Платона; напротивъ, здѣсь все гармонируетъ съ тѣмъ, что философъ объ управленіи міра и божественномъ промыслѣ излагаетъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ.

Если бы понадобилось рѣшить вопросъ, откуда Платонъ заимствовалъ этотъ мифическій рассказъ, то можно было бы отвѣчать, что общая оболочка мифа взята изъ распро-

странившагося у всѣхъ народовъ преданія объ утратѣ перво-бытной блаженной жизни, называемой золотымъ вѣкомъ. Этотъ миѳъ, являвшійся подъ различными красками у поэтовъ, не трудно было Платону принаровить къ философской своей цѣли, и изъ миѳической еократіи Сатурна создать рациональную еократію божественнаго ума, а Зевсову безпечность о мірѣ объяснить какъ постепенное отступленіе міра отъ предписанныхъ ему божественныхъ законовъ. Съ этимъ взглядомъ согласно ученіе философа и о демонахъ или геніяхъ, вѣрныхъ орудіяхъ Сатурнова владычества надъ міромъ; ибо геніи, по его разумѣнію, суть не иное что, какъ нѣкоторые какъ бы лучи божественнаго ума, разлитые по всему универсу вещей и озаряющіе все свѣтомъ божества. Такой именно смыслъ съ понятіемъ о геніѣ соединяется и въ Тимей (р. 90 А), гдѣ говорится: «О господствующемъ у насъ видѣ души должно мыслить такъ: Богъ далъ его каждому въ значеніи генія; это—то, что, говоримъ, живетъ въ верхней части тѣла и, по сродству съ небомъ, поднимаетъ насъ отъ земли, и отъ чего мы весьма правильно называемъ себя насажденіемъ не земнымъ, а небеснымъ». Это мнѣніе о геніѣ нравилось и стойкамъ; почти такъ мыслилъ о немъ и Плотинъ (Епп. III, 4, 5 sqq). И такъ, Платонъ миѳомъ своимъ, по нашему мнѣнію, показалъ, что мірѣ нѣкогда оттого наслаждался счастіемъ, что покорялся владычеству Высочайшаго Бога, и что сила и авторитетъ божественнаго ума, дѣйствуя во всѣхъ его частяхъ, не позволяли возмущаться врожденной ему матеріи. Но откуда могло придти Платону на мысль, что въ мірѣ, при переходѣ его отъ божественнаго управленія подъ самостоятельную власть міровой души, произошло обратное движеніе звѣздъ и превратился весь порядокъ жизни?—Для объясненія этого страннаго представленія, толкователи приписываютъ философу соображеніе миѳическаго разсказа о жестокостяхъ Атрея, отъ поступковъ котораго отвращалось и, по выраженію поэтовъ, уходило назадъ солнце. Но представленіе Платона,

кажется, скорѣе можно вывести изъ понятія пифагорейцевъ о двойномъ движеніи міра, равно какъ и о душѣ его: пифагорейское понятіе объ этомъ онъ только измѣнилъ и поддѣлалъ подъ характеръ своего ученія. По крайней мѣрѣ, міровое движеніе и міровая душа почти тѣми же самыми чертами описываются и въ Платоновомъ Тимей; а Тимей, какъ будетъ доказано во введеніи къ нему, охарактеризованъ преимущественно космологическими понятіями пифагорейцевъ.

И такъ, изъ разсмотрѣннаго нами міра, повторяемъ, ясно открывается, что Платонъ предположилъ его своимъ изслѣдованіямъ объ истинномъ политикѣ какъ параболическое доказательство, что въ наилучшемъ правителѣ государства началомъ управленія долженъ быть самъ божественный умъ, обнаруживающій свою дѣятельность политическою мудростію правителя, и что въ комъ эта мудрость не проникается божественнымъ умомъ, а водится похотями самолюбивой души, тотъ выводитъ свое государство изъ подъ управленія божественнаго ума и готовитъ ему бѣдственную жизнь. Это самое ученіе, только уже въ формѣ не параболической, а прямой, открытой, философъ излагаетъ и въ своемъ Государствѣ (*De Republ.* VIII, р. 551 C sqq). Да и въ самомъ началѣ Политика, гдѣ, по раздѣленіи искусствъ, изслѣдывается, какъ надобно думать объ искусствѣ политическомъ, онъ сдѣлалъ первый шагъ изъ *высшаго* рода знанія (р. 258 C sqq.), а въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ именно описывается совершенное управленіе дѣлами политическими, истиннаго государственнаго правителя изобразилъ какъ мудреца, который въ управленіи обществомъ водится знаніемъ (р. 291 C sqq). Тамъ царя и главу государства хочетъ онъ видѣть не такимъ, чтобы владычество его выражалось строгимъ огражденіемъ отечественныхъ законовъ и постановленій, и наблюденіемъ за выполненіемъ ихъ; этого всегда было и будетъ недостаточно, это несовершенно и подвержено перемѣнамъ: хорошій государственный правитель долженъ обладать та-

кимъ умомъ, такою мудростію, чтобы правильно разумѣль, что, при данныхъ вѣшнихъ условіяхъ и обстоятельствахъ, будетъ полезно всему государству, и, не спрашиваясь съ существующими законами, приводилъ это въ исполненіе. Такъ говоритъ Платонъ и въ книгахъ Государства, что общества тогда только будутъ блаженствовать, когда станутъ подъ управленіе мудрецовъ. Съ этимъ, конечно, соединяется у него и политическое благоразуміе, которое, по его мнѣнію, не есть орудное начало пріобрѣтенія могущества, имѣній, богатства, а есть средство вѣшнія обстоятельства направлять къ благоденствію и пользамъ общества. Это ученіе Платона ближайшимъ образомъ сошло и съ мнѣніемъ пифагорейцевъ, которые обыкновенно полагали, что вѣчный законъ или правильный умъ есть отецъ и владыка законовъ писанныхъ, есть царь, достойный высочайшаго, благоговѣйнаго почитанія, и называется закономъ одушевленнымъ, νόμος ἐμψυχος ¹. Этимъ объясняется то, что думалъ Платонъ о постановляемыхъ публично законахъ. Его мысль такова, что общество, которымъ управляетъ мудрецъ, не имѣетъ надобности въ законодательствѣ вѣшнемъ; царское его благоразуміе такъ основательно и твердо, что легко можетъ обойтись безъ нихъ; да и неприлично такому царю, стоящему далеко выше законовъ гражданскихъ, связываться ими въ своихъ распоряженіяхъ. И это говоритъ философъ

¹ Valkenar. ad Herodot. III, 38. См. прекрасное мѣсто у Лактанція, *Institt. Divv.* VI, 8, гдѣ, перифразируя извѣстные слова Цицерона, онъ говоритъ: «Est quidem vera lex recta ratio, naturae congruens, diffusa in omnes, constans, sempiterna: quae vocet ad officium jubendo, vetando a fraude deterreat, quae tamen neque probos frustra jubet aut vetat, neque improbos jubendo aut vetando movet. Huic legi nec abrogari fas est, neque derogari ex hoc aliquid licet, neque tota abrogari potest; nec vero aut per senatum aut per populum solvi hac lege possumus; neque est quaerendus explanator aut interpret ejus alius; nec erit alia lex Romae, alia Athenis, alia nunc, alia posthac: sed et omnes gentes et omni tempore una lex et sempiterna et immutabilis continebit, unusque erit communis quasi magister et imperator omnium Deus; Ille legis hujus inventor, disceptator, lator; cui qui non parebit, ipse se fugiet, ac naturam hominis aspernatus, hoc ipso luet maximas poenas, etiamsi cetera supplicia, quae putantur, effugerit.

не въ одномъ Политикѣ; то же самое, кромѣ другихъ мѣсть (De Rep. IV, p. 425), мы читаемъ и въ его Законахъ (lib. IX, p. 875 A—C), гдѣ говорится такъ: «Если быч еловѣчская природа была способна (знать, что людямъ въ обществѣ полезно), и если бы, рожденная по божественному жребію, могла принимать это, то для управленія ея не нужны были бы законы; ибо нѣтъ ни закона, ни постановленія выше знанія; да и неприлично, чтобы умъ подчиненъ былъ чему либо или рабствовалъ: напротивъ, онъ долженъ надъ всѣмъ господствовать, если природа его дѣйствительно свободна».

Чтобы полнѣе начертать образъ истиннаго политика и совершеннаго правителя государства, Платонъ не довольствуется приписаніемъ ему божественнаго ума, стоящаго выше всѣхъ писанныхъ законовъ, но еще особенными чертами характеризуетъ его должность. Въ своемъ разсужденіи о свойственной политику должности, онъ выходитъ изъ положенія, одобреннаго также пифагорейцами, что въ обществѣ нѣтъ тяжелѣе язвы, какъ несогласіе, которымъ возмущается гармоническое отношеніе его членовъ. Это ученіе раскрыто у *Ямблиха* (Vit. Pythag. § 34, 130, 175, 205), *Порфирія* (§ 22), *Стобея* (Hortileg. t. II, p. 110 sq., ed. Heeren), встрѣчается и у Платона (De Rep. V, p. 462 A), гдѣ высочайшее благо государства поставляется въ томъ, что оно единично, согласно, что всѣ граждане въ немъ такъ сочувствуютъ одинъ другому, какъ сочувственны между собою члены одного тѣла. «Мы сказали, — говоритъ Платонъ въ другомъ мѣстѣ (Legg. III, p. 701 D), — что законодатель долженъ давать законы, имѣя въ виду три вещи: какъ ограждаемый законами городъ сдѣлать свободнымъ, дружественнымъ въ немъ самомъ и имѣющимъ умъ». И такъ, вышедши изъ этого положенія, философъ наилучшему царю вмѣняетъ въ обязанность такъ управлять обществомъ, чтобы граждане его, стремясь къ одной и той же цѣли, соблюдали между собою согласіе. А на чемъ онъ долженъ былъ основываться въ

этомъ случаѣ, для всякаго ясно, кто помнитъ его положеніе, что послѣдняя цѣль государства состоитъ не въ могуществѣ, не въ богатствѣ и наслажденіи удовольствіями, а въ томъ, чтобы граждане помогали другъ другу усовершенствоваться въ добродѣтели и улучшать въ себѣ человѣческую природу; ибо этимъ условливается истинное государственное счастье. Но, для достиженія такой высокой цѣли, Платонъ въ обязанности совершеннаго царя различаетъ особенно двѣ дѣятельности: одну—испытывать и отдѣлять, другую—соединять. Первая дѣятельность политическаго искусства должна стремиться къ отдѣленію добра и зла и къ удаленію всего, что, по видимому, нарушаетъ согласіе общества; второе же существенное дѣло политика должно состоять въ соединеніи началъ добрыхъ и въ сгармонированіи подобныхъ съ не подобными, чтобы отсюда произошла гармонія и единство цѣлаго государства. Перваго рода дѣятельность политикъ обязанъ проявлять особенно при воспитаніи дѣтей и юношей: онъ долженъ узнавать способности ихъ и настроеніе. Нѣтъ такого искусства, говоритъ Платонъ, которое, при совершеніи своихъ дѣлъ, не избирало бы только хорошаго и не ограничивало бы, сколько можно, не удаляло худаго. По исполненіи же этого, оно старается со всею естественностію подобные добрые предметы соединять съ не подобными; ибо отсюда можетъ произойти нѣкоторый совершенный видъ какого либо дѣла. Къ тому же должно стремиться и искусство политическое, которое охотно никогда не будетъ составлять общество изъ гражданъ добрыхъ и злыхъ; поэтому оно сперва испытываетъ способности и души отдѣльныхъ лицъ, а по испытаніи, постарается научить и образовать ихъ. Эти положенія философа о воспитаніи совершенно согласны съ тѣми, которыя изложены въ его Государствѣ и Законахъ; ибо въ обоихъ этихъ сочиненіяхъ онъ настаиваетъ на томъ, что для государства весьма полезно, чтобы юноши въ немъ были какъ можно лучше образованы и воспитаны. Хорошо замѣтилъ Моргенштернъ (*De Plat. Rep. p. 199 sqq.*), что

все Платоново государство есть какъ бы школа публичнаго воспитанія. Вторая дѣятельность политика, имѣющая въ виду установить согласіе всего общества, должна направляться главнымъ образомъ къ соединенію въ гражданахъ мужества и разсудительности или умѣренности. Впрочемъ здѣсь разумѣются не самыя добродѣтели—мужество и разсудительность, а только различаются двѣ прирожденные наклонности душъ,—отличаются души сильныя и энергическія отъ разсудительныхъ и кроткихъ, и говорится, что каждая изъ нихъ можетъ направляться и къ добродѣтели, и къ пороку, какъ скоро первая перейдетъ не только къ мужеству, но и къ жестокости, дерзости, нахальству, а послѣдняя—не только къ воздержанію, но и къ слабости и нерадѣнію. Поэтому царь и мудрый правитель, по мысли Платона, долженъ поступать такъ, чтобы эти противныя наклонности въ гражданахъ одна другою умѣрялись, и чтобы чрезъ то устанавливалось между ними согласіе. Въ этомъ Платоновомъ положеніи, вопреки мнѣніямъ Зохера (*De scriptis Platon.* p. 273) и Шлейермахера (*Praef. ad Politic.* p. 255 sqq.), не только не заключается ничего страннаго или нелѣпаго, но еще видно доказательство тѣснѣйшей связи Политика съ другими сочиненіями философа; ибо ту же самую мысль высказываетъ онъ и въ своемъ Государствѣ (II, p. 374 E sqq.), когда, разсуждая объ избраніи стражей общества, говоритъ: «Это дѣло требуетъ большой осторожности; потому что люди, склонные къ мужеству, легко могутъ дѣлаться дерзкими и нахальными; поэтому надобно стараться, посредствомъ воспитанія, съ мужествомъ ихъ душъ соединить свойственную ласковости и мудрости умѣренность». То же самое раскрывается и въ третьей книгѣ Государства (p. 410 B sqq.), гдѣ внушается, что гимнастику надобно соединять съ музыкою, такъ какъ чрезъ это соединеніе ихъ въ душахъ происходитъ надлежащая соразмѣрность горячности и кротости: напротивъ, кто занимается только гимнастикою, тотъ выходитъ болѣе жестокъ и дикъ; а кто исключительно пре-

дается музыкѣ, тотъ становится извѣженнымъ и женоподобнымъ.

Но какими истинный политикъ хочетъ воспитать своихъ гражданъ, всѣхъ и каждаго, — такимъ, по ученію Платона, долженъ быть онъ и самъ. Посему и онъ обязанъ быть нравственно такъ настроенъ, чтобы отличался двоякимъ свойствомъ души: сильнымъ мужествомъ и тихостію нрава, умѣряемаго мудростію. Если нѣтъ въ немъ чего нибудь такого, или если эти свойства недостаточно смѣшаны и уравновѣшены въ душѣ его, то къ управленію государствомъ онъ не будетъ вполнѣ способенъ. Съ такимъ требованіемъ Платона въ Политикѣ отъ политика согласно то, что говорится объ этомъ предметѣ въ Законахъ (IV, p. 709 E sqq.): «Хорошо же, законодатель, — скажемъ мы ему; — съ чѣмъ и какимъ образомъ отдадимъ мы тебѣ городъ, чтобы, принявъ его, ты могъ потомъ самъ достаточно устроить его какъ городъ? — Что послѣ сего сказалъ бы онъ справедливо? Не привести ли намъ отвѣтъ законодателя? — Какой же? — Вотъ этотъ: Дайте мнѣ городъ, управляемый тиранномъ, — скажетъ онъ; — но тираннъ пусть будетъ молодъ, памятливъ, внимателенъ къ наставленіямъ, мужественъ по природѣ и великодушенъ, что, какъ мы и прежде сказали, должно сопровождаться и прочими видами добродѣтели, чтобы была польза и отъ прочаго, уже имѣющагося. — Иностранецъ, кажется мнѣ, говоритъ, Мегиллъ, что сопровождающимъ должно быть и воздержаніе.... Такую-то природу пусть имѣетъ у насъ тираннъ, присоединенную къ прочимъ природамъ, чтобы городъ какъ можно скорѣе и превосходнѣе получилъ значеніе политическаго тѣла и, получивши, началъ вести жизнь счастливѣйшую».

Доселѣ мы объясняли то, чѣмъ собственно характеризуется лицо истиннаго политика; а теперь должны разсмотрѣть, какимъ образомъ мужа, украшеннаго политическимъ знаніемъ, Платонъ различаетъ отъ другихъ мужей, славившихся тоже политическими добродѣтелями, хотя они не были муд-

рецы. Сужденіе объ этомъ предметѣ выводитъ онъ также изъ различія между тѣмъ наилучшимъ обществомъ, котораго закономъ служитъ мудрость правителя, и тѣми политическими дѣлами, которыми люди занимаются по предписанію какихъ нибудь положительныхъ законовъ. Стало быть, здѣсь различаются обыкновенныя общества, основанныя людьми, отъ того истиннаго и наилучшаго, и показывается происхожденіе тѣхъ и другихъ; показывается, чѣмъ одно можетъ быть хуже или лучше другаго, оцѣнивается достоинство тѣхъ, которыя отличаются благоразуміемъ въ дѣлахъ политическихъ. Философъ полагаетъ, что истинное или какъ бы подлинное общество есть одно, въ которомъ все дѣлается по волѣ мудреца, или совершеннаго ума; прочія же суть какъ бы его образы, выработанные подражаніемъ. Это самое говорится какъ въ другихъ мѣстахъ, такъ и въ Государствѣ (VI, р. 497 С): «Когда (природа философская) получить правительство наилучшее, тогда откроется, что она была чѣмъ-то божественнымъ, а прочія природы и упражненія—человѣческими». Тѣ общества, въ которыхъ умъ мудреца замѣняется авторитетомъ политическихъ законовъ, по мнѣнію Платона, произошли отъ человѣческой слабости; ибо какъ скоро люди не могли обнять своимъ умомъ превосходство того наилучшаго правленія и отчаялись видѣть среди себя такого мудреца, то и обратились тотчасъ къ законамъ и основали такія государства, которыя ими только и держались. И такъ по самой необходимости произошли общества, гораздо худшія того совершеннаго; потому что тѣ нѣмыя и мертвыя правила писанныхъ законовъ не могутъ быть сравниваемы съ живымъ голосомъ ума, какъ бы одушевляющаго все государство (р. 297 D, E sqq.). Изъ этого понятно, почему Платонъ послѣ книгъ о наилучшемъ государствѣ, написалъ сочиненіе о законахъ. То идеальное, измышленное имъ государство не могло осуществиться въ самой человѣческой жизни, а только представляло собою образецъ, въ которомъ отражались и наилучшіе че-

ловѣкъ, и совершенное общество. Объ этомъ философъ самъ говоритъ въ извѣстномъ мѣстѣ De Rep. V, p. 471 С, гдѣ Главкъ требуетъ, чтобы Сократъ показалъ возможность основать такое государство; а еще яснѣе рассуждаетъ въ другой книгѣ (IX, p. 592 А, В), выражаясь слѣдующими словами: «Городъ, о которомъ ты говоришь, и который мы устроимъ своими рассужденіями, существуетъ только на словахъ, а на землѣ нѣтъ его, думаю, нигдѣ. Но образецъ...., можетъ быть, находится на небѣ. Впрочемъ все равно, есть ли онъ гдѣ, или будетъ». Поэтому Платонъ задумалъ создать такое государство, которое, ограждаясь законами, приближалось бы однакожъ къ высокимъ совершенствамъ того наилучшаго государства. Кромѣ этихъ, почиталъ онъ возможнымъ еще и третіе, которое, утверждаясь на основаніяхъ истиннаго государства, устанавливало бы политическія свои дѣла примѣнительно ко временамъ и мѣстностямъ (Legg., p. 739 А sqq.).

Показавъ происхожденіе обществъ, Платонъ рассуждаетъ и объ относительномъ ихъ достоинствѣ. Наилучшее изъ нихъ,—издали, по крайней мѣрѣ, приближающееся къ тому совершенному,—по его мнѣнію, какъ и слѣдуетъ, есть то, въ которомъ государственные законы написаны мужами мудрыми; ибо мудрый законъ почитается у него родственникомъ или какъ бы викаріемъ ума (Legg. IV, p. 713 Е; XII, p. 957 С). Поэтому мужей, которые управляютъ государствомъ, пользуясь такими законами и свято соблюдая ихъ, признаетъ онъ правителями, не непохожими на правителя общества совершеннаго. При этомъ замѣчаетъ философъ, что данные и свято сохраняемые законы должны быть измѣняемы осторожно, если настоятъ необходимость измѣнить что нибудь. Потому у народной толпы онъ совершенно отнимаетъ власть законодательную,—въ той мысли, что большое собраніе людей, по всей вѣроятности, или не знаетъ политическаго искусства, или не можетъ правильно удерживать его (p. 300 Е),—и право давать законы предоставляетъ только

мужамъ благоразумнымъ. И такъ, онъ держался, какъ видно, того мнѣнія, что дѣла высшаго порядка не слѣдуетъ возлагать на большія сходки и что должно всѣми мѣрами воздерживаться отъ нововведеній. Поводомъ къ такому заключенію служило прежде всего, кажется, своеволие народной власти, которая, какъ въ другихъ греческихъ республикахъ, такъ особенно въ Аѣйнахъ, до того усилилась, что не щадила авторитета ни законовъ, ни правительства, и не видно было конца перемѣнамъ въ республикѣ, волнуемой неистовыми страстями массы, какъ бы какою повальной болѣзнію. Укрѣплять философа въ этомъ мнѣніи могли и сужденія пиеагорейцевъ; ибо Пиеагоръ, какъ извѣстно, до того устранялъ народъ отъ участія въ дѣлахъ общественныхъ, что Нинону, хотя и подъ вліяніемъ низкаго обмана, казалось, будто философія Пиеагорова есть не иное что, какъ составленный противъ народа заговоръ, чѣмъ и возбудилъ онъ неистовство толпы (Jambl. § 260). Самосскій философъ вообще былъ увѣренъ, что φαῦλος κριτής παντός καλοῦ πράγματος ὄχλος (чернь — худой судья всякаго хорошаго дѣла), и до того не любилъ нововведеній въ дѣлахъ политическихъ, что даже совѣтовалъ оставаться при прежнихъ законахъ и постановленіяхъ, хотя бы они были хуже другихъ; ибо плохо заботятся о пользѣ своего отечества люди, которыхъ мысли направлены къ политическимъ нововведеніямъ (Stob. Florileg. t. III, p. 115. *Jamblich. Vit. Pythag.* § 176 sqq). У него была обыкновенная поговорка: νόμῳ τε βοηθεῖν καὶ ἀνομίᾳ πολεμεῖν (закону помогать, а противъ беззаконія воевать). Изъ этого ясно видно, что Платонъ въ показанномъ отношеніи былъ совершенно согласенъ съ пиеагорейцами. Переходимъ теперь къ тому, что говорится въ Политикѣ о разныхъ родахъ обществъ.

Слѣдуя общенародному понятію, философъ различаетъ здѣсь три рода обществъ, поколику власть управлять городомъ ввѣряется или одному, или нѣсколькимъ избраннымъ, или всѣмъ. Впрочемъ это дѣленіе онъ самъ охуждаетъ и исправляетъ, когда говоритъ, что надобно судить о правленіи

не по числу правителей, а по тому, сколько у них знанія (Polit. p. 291 C sqq.). Каждая изъ этихъ трехъ формъ правленія, по словамъ Платона, дѣлится снова надвое, поколику авторитетъ закона или почитается священнымъ, или дерзко оставляется въ пренебреженіи. Если, то есть, вся власть въ рукахъ одного, то происходитъ или царствованіе, или господство,—тираннія. По той же причинѣ, когда высшая власть ввѣряется лицамъ избраннымъ, бываетъ правленіе или вельможъ, по гречески называемое аристократією, или правленіе немногихъ, извѣстное подъ именемъ олигархіи. Наконецъ, въ формѣ народной, при которой все сосредоточено въ рукахъ народа, смотря по тому, уважаются ли законы, или пренебрегаются, народная власть проявляется въ двухъ видахъ, которые однакожъ означаются однимъ общимъ именемъ димократіи. Изъ этого видно, что слова *охлакратія* въ вѣкъ Платона въ употребленіи еще не было; его не употреблялъ даже и Аристотель. Оно стало часто повторяться уже во времена Полибія (lib. VI, 4, 6, 57, 9). Аристотель же хорошую народную форму называетъ *политеія*, а худую—*δημοκρατία* (Polit. III, 5, § 1—4). Платонъ слѣдуетъ здѣсь употребительному способу дѣленія формъ государственныхъ, который, по видимому, нѣсколько не сходенъ съ способомъ, высказаннымъ въ Государствѣ (VIII, p. 543 sqq.). Но въ книгахъ о Государствѣ спрашивается, какъ государство можно сдѣлать нравственно лучшимъ,—и философъ, соотвѣтственно задачѣ предпринятаго разсужденія, по различію душевныхъ качествъ, тому одному наилучшему обществу противопоставляетъ четыре худыхъ государственныхъ формы, выражающія столько же умственныхъ и нравственныхъ настроеній въ частныхъ людяхъ. Поэтому Платонъ благоразумно различилъ тамъ тимократію, олигархію, димократію и тираннію, изъ которыхъ первая, между поврежденными, считается у него наилучшею, а послѣдняя—самою худюю. Въ Политикѣ же, ставя въ порядокъ тѣхъ, которые въ дѣйствительныхъ обще-

ствахъ пользовались славою политическаго благоразумія, никакъ не могъ онъ не слѣдовать общенародному мнѣнію о разныхъ формахъ государства. Не безъ причины также нѣсколько иначе опять различаетъ онъ роды правленія въ книгѣ о Законахъ (III, p. 693 sq.), гдѣ царскую власть дѣлитъ на три вида: βασιλείαν, которая одна — форма законная и похвальная, δεσποτείαν, какая была у народовъ восточныхъ, и τυραννίδα, которая управляетъ, захвативъ власть силою; три также вида замѣчаетъ и во власти немногихъ: ἀριστοκρατίαν, или владычество вельможъ, τιμοκρατίαν, находящуюся въ рукахъ людей знатныхъ и пользующихся особеннымъ почетомъ, и ὀλιγαρχίαν, принадлежащую извѣстнымъ фамиліямъ или родамъ; наконецъ, во власти народной, или въ димократіи, все зависитъ отъ воли, откуда однакожъ происходитъ часто непомѣрное господство черни. Кто не видитъ, что и это дѣленіе весьма не далеко отступаетъ отъ изложеннаго въ Политикѣ? Но Платонъ не былъ такъ привязанъ къ извѣстнымъ мнѣніямъ, чтобы, по разнымъ обстоятельствамъ и требованіямъ разсматриваемыхъ вещей, не находилъ иногда нужнымъ слегка измѣнять ихъ и принаровлять къ намѣренію сочиненія.—Раздѣливъ здѣсь формы правленія на шесть родовъ, философъ произноситъ свое сужденіе объ относительномъ достоинствѣ и превосходствѣ ихъ. И хотя видѣлъ онъ, что для разъясненія предмета бесѣды это прямо не требуется, но такъ какъ отъ пользы или вреда вещи заключаютъ часто къ ея достоинству, то не безъ разсчета разсуждаетъ онъ кратко и объ этомъ. Въ самомъ дѣлѣ, отсюда проливается нѣсколько свѣта и на то, что сказано имъ о мужахъ, занимающихся управленіемъ общества. Онъ полагаетъ, что между всѣми формами власти нѣтъ ни одной, которая, подъ условіемъ обстоятельствъ, была бы хуже или лучше царской; послѣднее же мѣсто занимаетъ правленіе народное, такъ какъ оно большею частію препятствуетъ ревностному и постоянному выполненію намѣреній добрыхъ и похвальныхъ, хотя въ то же время, по причинѣ раздѣле-

нiя въ немъ власти между многими, ослабляемое этимъ, не можетъ наносить и много зла. Противорѣчiе это философъ устраняетъ такъ: въ народномъ обществѣ, говоритъ онъ, жить очень хорошо, если всѣ вообще общества равно повреждены; а когда, напротивъ, всѣ кажутся хорошими,—лучшимъ и превосходнѣйшимъ приближенцемъ надобно почитать монархiю. Это сужденiе основываетъ Платонъ на наибольшей возможности счастiя и пользы, ожидаемыхъ отъ той или другой формы государства. Впрочемъ не удивительно, что въ другомъ мѣстѣ онъ выражается объ этомъ иначе, особенно при иномъ дѣленiи обществъ. Напримѣръ, въ книгѣ VIII Государства тираннiя поставляется у него на послѣднемъ мѣстѣ, димократiя—на предпоследнемъ, между испорченными государствами, а тимократiя въ ряду ихъ занимаетъ первое мѣсто;—потому что тамъ на предметъ смотритъ онъ съ другой точки зрѣнiя,—имѣетъ въ виду особенно души правителей, въ которыхъ отражаются нравы какъ частныхъ гражданъ, такъ и цѣлаго государства. И такъ, очевидно, что Политикъ въ этомъ отношенiи не противорѣчитъ другимъ книгамъ Платона.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

СОКРАТЬ, ТЕОДОРЪ, ИНОСТРАНЕЦЪ и СОКРАТЬ МЛАДШІЙ.

257. *Сокр.* Я очень благодаренъ тебѣ ¹, Теодоръ, что ты познакомилъ меня съ Теэтетомъ и иностранцемъ.

Теод. А можетъ быть, скоро будешь обязанъ мнѣ и втрое большею благодарностію, когда они отдѣлаютъ тебѣ политика и философа.

Сокр. Пускай. Но скажемъ ли, любезный Теодоръ, что такъ мы слышали это отъ тебя, человѣка весьма сильнаго въ счисленіи и геометріи?

В. *Теод.* Что такое, Сократъ?

Сокр. Ты приписалъ каждому изъ этихъ мужей равную цѣну: а они по достоинству отличаются другъ отъ друга болѣе, нежели сколько выходитъ по пропорціи вашего искусства ².

¹ Самое начало Политика показываетъ, что этотъ діалогъ долженъ быть поставленъ въ тѣснѣйшую связь съ Платоновымъ Софистомъ. Первые здѣсь вступительныя слова наводятъ на ту мысль, что политикъ разсматриваемъ былъ въ тотъ же день, въ который происходила бесѣда Теэтета и иностранца въ Софистѣ (снес. Polit. 258 A).

² Сущность возраженія состоитъ въ томъ, что, тогда какъ политикъ и философъ, по своему значенію, не равны, Теодоръ, математикъ, поставилъ ихъ, въ отношеніи къ софисту, какъ предметы равные, и такое отношеніе выразилъ

Θεод. Ну, хорошо, Сократъ,—клянусь нашимъ богомъ Аммономъ! Ты и справедливо, и очень злопамятно обличилъ меня въ ошибкѣ противъ счисленія. Но когда нибудь я отомщу тебѣ. А ты, иностранецъ, отнюдь не поскучай доставить намъ удовольствіе, но избери первымъ, по порядку, или политика, или философа, и, избравши, изслѣдуй-С.

Ин. Да, Θεодоръ, это нужно сдѣлать; потому что мы ужъ рѣшились одинъ разъ не оставлять предмета, пока не разсмотримъ его до конца. Но что же дѣлать мнѣ съ этимъ Теэтетомъ?

Θεод. Какъ что?

Ин. Дать ли ему отдохнуть, и взять этого Сократа ¹, его товарища? Или какъ ты совѣтуешь?

Θεод. Возьми другаго, какъ сказалъ. Они, люди молодые, вѣдь легче перенесутъ всякій трудъ, пользуясь отдыхомъ. D.

Сокр. И въ самомъ дѣлѣ, иностранецъ; они оба должны быть въ какомъ-то родствѣ со мною. Одинъ ², по вашимъ словамъ, будто походить на меня чертами лица, а другой соимененъ мнѣ, и эта соименность, по видимому, сбли- 258.
жаетъ насъ. А своихъ родственниковъ ³ мы должны стараться узнать поближе, посредствомъ разговора. Посему съ Теэтетомъ я самъ вмѣшивался вчера въ разговоръ, а сегодня слушалъ его отвѣты; съ Сократомъ же—ни того, ни другаго. Между тѣмъ надобно испытать и его. Впрочемъ мнѣ будетъ онъ отвѣчать послѣ, а теперь пусть отвѣчаетъ тебѣ.

предположеніемъ, что Сокр ть за изслѣдованіе этихъ, неравнозначительныхъ предметовъ обязанъ будетъ ему тою же самою, то есть втрое большею благодарностію.

¹ Объ этомъ юношѣ, Сократъ, см. Sophist. p. 218 В, примѣч. (См. Theaet. p. 147 С).

² Разумѣется Теэтеть: наружность его весьма хорошо описывается Theaet. p. 143 E.

³ Какъ родственники, συγγενεις, —въ значеніи лицъ, носящихъ одно и то же имя: то есть, какъ люди, связанные давностію одной и той же фамиліи, старинные друзья по имени, тѣски. Слѣдовательно, здѣсь тонъ рѣчи нѣсколько шуточный.

Ин. Такъ и будетъ. Сократъ! слышишь ли Сократа ¹?

Сокр. Мл. Да.

Ин. А согласенъ ли на то, что онъ говоритъ?

Сокр. Мл. И очень.

В. *Ин.* Но если не представляется препятствій съ твоей стороны, то съ моей должно быть ихъ, вѣроятно, еще менѣе. Такъ вотъ, послѣ софиста, мнѣ кажется, необходимо разсматривать политика. Скажи же, надобно ли и его отнести къ числу людей знающихъ, или какъ?

Сокр. Мл. Надобно.

Ин. Слѣдовательно, знанія мы должны раздѣлить, подобно тому, какъ поступили при разсматриваніи перваго?

Сокр. Мл. Нужно бы.

Ин. Однако раздѣлъ здѣсь представляется мнѣ, Сократъ, уже не въ томъ родѣ.

Сокр. Мл. Въ какомъ же?

С. *Ин.* Въ иномъ.

Сокр. Мл. Можетъ быть.

Ин. Но какъ же напасть на стезю политическую? А вѣдь надобно найти ее и, отличивши отъ другихъ, запечатлѣть одною идеею, равно какъ и другія вѣтви означить однимъ же особымъ родомъ, и такимъ образомъ расположить свою душу къ представленію всѣхъ знаній подъ двумя видами.

Сокр. Мл. Это уже, думаю, твое дѣло, иностранецъ, а не мое.

Д. *Ин.* Нѣтъ, Сократъ; оно должно быть и твоимъ, если нужно намъ ясное о немъ понятіе.

Сокр. Мл. Ты хорошо говоришь.

Ин. Не правда ли, что ариеметика и другія сродныя съ нею искусства чужды дѣль, но доставляютъ одно знаніе?

Сокр. Мл. Такъ.

Ин. Напротивъ, искусства, относящіяся къ постройкѣ и

¹ То есть: слышишь ли ты, младшій Сократъ, Сократа старшаго, или, что говорить Сократъ старшій?

вообще ко всякому руководѣлю, обладаютъ знаніемъ, какъ бы заключеннымъ, по природѣ, въ самыхъ дѣлахъ, и такъ производятъ зависяція отъ нихъ вещи, которыхъ прежде не было.

Сокр. Мл. Не чтò.

Ин. Такъ вотъ какимъ образомъ раздѣли всѣ знанія: одно назови *практическимъ* (πρακτικῆ), а другое—только *инстинктивнымъ* (γυωστικῆ).

Сокр. Мл. Пожалуй, пусть будутъ эти два вида одного знанія вообще.

Ин. Но и политика, и царя, и господина, и даже домоправителя,—все это назовемъ ли какъ одно, или насчитаемъ столько самыхъ искусствъ, сколько сказали именъ? А лучше, пойдемъ такъ.

Сокр. Мл. Какъ?

Ин. Вѣтъ какъ. Если бы какой нибудь частный врачъ ²⁵⁹ былъ въ состояннн подавать совѣты врачу общественному ¹; то не необходимо ли было бы назвать и его тѣмъ самымъ именемъ искусства, какое носить другой, принимающій его совѣты?

Сокр. Мл. Да.

Ин. Что жъ? А когда кто, будучи частнымъ человѣкомъ, имѣеть способность увѣщевать царя страны, то не скажемъ ли, что онъ обладаетъ тѣмъ знаніемъ, которымъ надлежало бы обладать правителю?

Сокр. Мл. Скажемъ.

Ин. Но вѣдь это царское искусство истиннаго царя? В.

Сокр. Мл. Да.

¹ У Афинянъ было различіе между врачами частными и общественными. Народное собраніе, когда настояла надобность, назначало для республики врачей, людей, по происхожденію, благородныхъ, которые своими совѣтами помогали бы правительству останавливать распространеніе болѣзней, и за то изъ общественной казны выдавало имъ жалованье. Отъ этихъ врачей отличались οἱ ἰδιωτικόντες, принадлежавшіе къ сословію слугъ и награждъ публично не получавшіе (сравни Plat. Gorg. p. 455 B; De Rep. VI, p. 452 A; Legg. IV, p. 720 A sqq. Xenoph. Memor. IV, 2, 5, гдѣ упоминаются οἱ βουλευόμενοι παρὰ τῆς πόλεως ἰατρικόν ἔργον λαβῆν).

Ин. И кто приобрѣлъ его,—правитель это, или простой гражданинъ,—тотъ, по сему самому искусству, безъ сомнѣнія, справедливо будетъ названъ мужемъ царственнымъ?

Сокр. Мл. Справедливо.

Ин. Конечно, то же должно сказать о домоправителѣ и господинѣ?

Сокр. Мл. Не иное.

Ин. Но что? Устройство большаго дома и порядокъ небольшаго города представляютъ ли какое нибудь различіе, въ отношеніи управленія ¹?

Сокр. Мл. Никакого.

с. *Ин.* Слѣдовательно, настоящій предметъ изслѣдованія ясенъ: знаніе, то есть, въ отношеніи ко всему этому—одно. Царскимъ ли угодно кому называть его, или политическимъ, или домоправительнымъ,—спорить нисколько не будемъ.

Сокр. Мл. Зачѣмъ же!

Ин. Впрочемъ ясно и то, что каждый царь, для удержанія власти, найдетъ весьма мало силы въ своихъ рукахъ и во всемъ тѣлѣ, въ сравненіи съ разумѣніемъ и крѣпостію своей души.

Сокр. Мл. Очевидно.

Ин. И такъ, хочешь ли, скажемъ, что царю гораздо больше свойственно искусство познавательное, нежели руководѣльное и вообще производительное?

¹ Этотъ вопросъ у Платона и Аристотеля былъ спорный. Элеецъ высказываетъ Платонову мысль, что столько же нужно благоразумія, чтобы управлять большимъ домою, сколько и малымъ обществомъ. То же самое говоритъ и Сократъ у Ксенофонта (Мемор III, 4. 12): «Не презирай мужей-домоправителей; потому что стараніе частныхъ людей отличается отъ попеченія общественнаго только количествомъ, прочее же все сходно. Самое важное здѣсь то, что ни то, ни другое стараніе не бываетъ отрѣшено отъ людей: но частное предпринимается не для всѣхъ, а общественное—для всѣхъ. Если дѣло выполняется съ знаніемъ,—частное, или общественное,—оно равно полезно; а безъ знанія, то и другое будетъ вредно.» Аристотель, въ своей Политикѣ (I, сар. 1—2), споритъ противъ этихъ словъ Сократа, которые между тѣмъ стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ несомнѣннымъ ученіемъ Платона, что одна есть наука, заключающая въ себѣ, какъ части, и *βασίλειαν*, и *πολιτικὴν*, и *οἰκονομικὴν*.

Сокр. Мл. Какъ же.

Ин. А политическое искусство и политика, царское искусство и царственнаго мужа—все это соединимъ ли въ одно?

Сокр. Мл. Очевидно.

Ин. Теперъ не пойти ли намъ далѣе, и не раздѣлить ли искусства познавательнаго?

Сокр. Мл. Конечно.

Ин. Смотри же внимательнѣе, не замѣтишь ли въ немъ какогонибудь отростка?

Сокр. Мл. Говори, какого.

Ин. Да вотъ, на примѣръ: у насъ, кажется, было искусство счисленія.

Сокр. Мл. Да.

Е.

Ин. И оно вѣдь, думаю, относится вполне къ искусствамъ познавательнымъ.

Сокр. Мл. Какъ же не относится.

Ин. Но искусству счисленія, познающему различіе чиселъ, припишемъ ли какоенибудь другое дѣло, кромѣ того, что оно судить о познанномъ?

Сокр. Мл. Какое же болѣе?

Ин. Да вѣдь и каждый архитекторъ самъ не работаетъ, а только управляетъ рабочими.

Сокр. Мл. Да.

Ин. То есть, онъ привноситъ знаніе, а не руководѣе.

Сокр. Мл. Такъ.

Ин. Слѣдовательно, ему по справедливости можно припи- 260.
сать участіе въ искусствѣ познавательномъ.

Сокр. Мл. Конечно.

Ин. Только, произнесши сужденіе, онъ не долженъ, думаю, этимъ кончить и отстать, какъ дѣлаетъ счетчикъ; напротивъ, обязанъ еще раздавать приказанія каждому рабочему, кому какія нужны, пока онѣ не будутъ исполнены.

Сокр. Мл. Правда.

Ин. И такъ, хотя всѣ такія искусства суть познавательныя, какъ и тѣ, которыя относятся къ числительному; одна-

кожъ оба эти рода не различаются ли одинъ отъ другаго
 В. *сужденіемъ и распорядительностію?*

Сокр. Мл. Кажется.

Ин. Но если во всякомъ искусствѣ познавательномъ мы согласимся различать сторону распорядительную и сторону судительную, то не можемъ ли сказать, что наше дѣленіе сообразно съ предметомъ?

Сокр. Мл. По крайней мѣрѣ, я такъ думаю.

Ин. А когда люди дѣлаютъ что нибудь сообща, то имъ вѣдь пріятно быть въ согласіи.

Сокр. Мл. Какъ не пріятно!

Ин. Вотъ и мы донынѣ сходились; оставимъ же въ покоѣ мнѣнія другихъ.

Сокр. Мл. Пожалуй.

С. *Ин.* Хорошо; но которое изъ этихъ искусствъ надобно приписать мужу царственному: судительное ли, какъ бы какому созерцателю, или лучше—распорядительное, какъ властелину?

Сокр. Мл. Последнее, конечно, лучше.

Ин. Но посмотримъ: искусство распорядительное опять не дѣлится ли какимъ нибудь образомъ? Мнѣ представляется, что какъ искусство перекупщиковъ отличается отъ искусства
 D. оптовыхъ продавцовъ ¹, такъ и родъ царскій отличенъ отъ рода глашатаевъ.

Сокр. Мл. Какъ это?

Ин. Перекупщики вѣдь тѣ, которые, взявъ чужіе, прежде проданные имъ товары, продаютъ ихъ въ другой разъ.

Сокр. Мл. Безъ сомнѣнія.

Ин. Но и званіе глашатаевъ, принявъ распоряженія чужаго ума, передаетъ ихъ опять другимъ.

Сокр. Мл. Весьма справедливо.

¹ О значеніи словъ *χάπηλος* и *αὐτόπωλος* см., между прочимъ, De Rep. II, p. 371 D sqq.; Gorg. 517 D; Sophist. p. 223 D sqq. Кроме того, полезно прочесть, что написалъ объ этомъ Boissonad. ad Aristaeon. p. 740.

Ин. Такъ что жъ? Искусство царское смѣшаемъ ли въ одно съ искусствомъ истолковывать, приказывать, прорицать, об-Е. народывать, и со многими другими, нмъ сродными, которыя всѣ имѣють предметомъ распорядительность? Или, хочешь, мы тому, что теперь сравнивали ¹, подберемъ и имя,—тѣмъ болѣе, что родъ самораспорядителей почти безымененъ,—и такимъ образомъ установимъ дѣленіе, то есть, родъ царей отнесемъ къ искусству *самораспорядительному*, а всѣ прочіе оставимъ безъ вниманія,—пусть, кому угодно, придумаютъ для нихъ другое имя? Вѣдь наше изслѣдованіе имѣеть въ виду правителя, а не то, что противоположно ему. 261.

Сокр. Мл. Безъ сомнѣнія.

Ин. Но когда тотъ родъ надлежащимъ образомъ отличенъ отъ этихъ, когда свойственное ему отдѣлено отъ чуждаго; то не необходимо ли опять раздѣлить его, если увидимъ, что онъ даетъ мѣсто какому нибудь новому дѣленію?

Сокр. Мл. Конечно.

Ин. И кажется, уже видимъ. Слѣдуй же за мною и помогай дѣлить.

Сокр. Мл. Какъ?

Ин. Представляя себѣ всѣхъ правителей, занятыхъ распоряженіями, не замѣтимъ ли мы, что они распоряжаются для произведенія чего нибудь? В.

Сокр. Мл. Какъ не для чего нибудь!

Ин. А все производимое вовсе не трудно раздѣлить на два вида.

Сокр. Мл. Какимъ образомъ?

Ин. Изъ всѣхъ произведеній, одни, вѣроятно, не одушевленные, а другія — одушевленные.

Сокр. Мл. Да.

Ин. Ну, вотъ такъ именно и раздѣлимъ распорядительную

¹ Прежде, то есть, искусство царское сравнивали онъ съ искусствомъ τῶν ἀποτολῶν (оптовыхъ продавцовъ), и потому выдѣляетъ теперь родъ τῶν αὐτεπιστατῶν (самораспорядителей).

сторону познавательнаго искусства, если хотимъ дѣлать ее.

Сокр. Мл. Какъ, то есть?

Ин. Одни распоряженія относятся къ произведенію вещей *не одушевленныхъ*, а другія—*одушевленныхъ*. Такимъ образомъ С. все и раздѣлится на два вида.

Сокр. Мл. Въ самомъ дѣлѣ.

Ин. Одинъ изъ нихъ оставимъ, а другой возьмемъ и, взявши, раздѣлимъ весь надвое.

Сокр. Мл. Но который изъ нихъ, говоришь, взять?

Ин. Непремѣнно тотъ, который распоряжается существами живыми; ибо не дѣло царскаго знанія, конечно, распоряжаться предметами не одушевленными, какъ домостроителю. Будучи гораздо благороднѣе, оно всегда простираетъ свою D. власть на существа живыя и на то, что до нихъ относится.

Сокр. Мл. Правда.

Ин. А на произведеніе и питаніе существъ живыхъ можно смотрѣть или какъ на однокормку (*μονотροφία*), или или какъ на попеченіе общее—о цѣлыхъ стадахъ.

Сокр. Мл. Правда.

Ин. Но мы не найдемъ примѣра, чтобы политикъ занимался *однокормкою*, будто волопасъ или конюхъ: онъ скорѣе походить на того, кто промышляетъ о табунѣ и стадѣ ¹.

Сокр. Мл. Теперь твои слова для меня понятны.

Е. *Ин.* А совмѣстнаго питанія многихъ живыхъ существъ не назвать ли намъ *стадопитаніемъ*, или *общепитаніемъ*?

Сокр. Мл. Въ рѣчи можетъ имѣть мѣсто то и другое слово.

Ин. Прекрасно, Сократъ! Если ты не будешь слишкомъ заботиться о словахъ, то подъ старость разбогатѣешь мыс-

¹ Здѣсь не худо замѣтить значеніе словъ *ἵπποτροφός* и *ἵπποκόμος*. Последнимъ означается конюхъ, а первымъ табунщикъ. То же различіе и между словами *βοηλάτης* и *βοουφορός*. *Βοηλάτης* пасетъ тѣхъ только воловъ, которыхъ погоняетъ; а *βοουφορός* занимается пасеніемъ цѣлыхъ стадъ.

лями ¹. Поступимъ же такъ, какъ теперь совѣтуешь. Но не представишь ли себѣ, что иной искусство стадопитательное сочтеть двойнымъ,—и того, чего нынѣ мы ищемъ въ 262. двухъ частяхъ, тогда заставитъ насъ искать въ половинѣ?

Сокр. Мл. Поспѣшу представить. И мнѣ кажется, что иное питаніе свойственно людямъ, а иное опять—животнымъ.

Ин. Ты раздѣлилъ, въ самомъ дѣлѣ, очень поспѣшно и храбро; но остережемся, сколько можно, чтобъ этого-то съ нами въ другой разъ уже не случилось.

Сокр. Мл. А что такое?

Ин. Малую часть, одну, при выдѣленіи, не должно противопологать большимъ и многимъ ², безъ вида: часть пусть в. вмѣстѣ имѣетъ и видъ. Весьма бы хорошо, безъ сомнѣнія, вдругъ выдѣлить искомое изъ всего другаго, если бы это могло быть сдѣлано правильно,—какъ и ты сейчасъ поспѣшилъ словомъ, думая установить дѣленіе и видя, что рѣчь клонилась къ людямъ. Но нѣтъ, другъ мой, дробить не безопасно; гораздо безопаснѣе идти серединой и рѣзать пополамъ ³; такъ-то скорѣе попадешь на идеи. Отъ этого въ подобныхъ изслѣдованіяхъ все зависить.

¹ Это очень тонкая насмѣшка надъ обычаемъ мегарцевъ уродовать философскую рѣчь варварскою терминологіею и хвастаться такими варваризмами, будто диловинками. «Хорошо, Сократъ, что теперь, въ молодости, ты не разборчивъ на слова, говорить иронически иностранецъ; ломай и накопляй ихъ, сколько можно больше; а что здѣсь нѣтъ нисколько мыслей, о томъ не безпокойся: мысли придутъ, когда состарѣешься». Это мѣсто діалога приводится у Атеней (III, 21) и у Клим. Алекс. (Strom. I, p. 105, ed. Victor.).

² Элеецъ полагаетъ, что отъ понятія о родѣ не вдругъ надобно переходить къ какойнибудь отдѣльной части или вещи, оставляя безъ вниманія виды посредствующіе. Или, чтобы сказать яснѣе, при дѣленіи, предписываетъ онъ соблюдать порядокъ развитія содержащихся въ родѣ формъ, никакъ не позволяя себѣ скачковъ на пути отъ высшаго къ низшему, или отъ низшаго къ высшему. Это правило элейца гораздо позднѣе вошло въ логику подъ именемъ закона непрерывности (lex continuitatis), и обыкновенно полагается въ основаніе классификаціи

³ Рѣзать пополамъ, διὰ μέσων δὲ ἀσφαλῆστερον ἴσκει τέμνωσθαι. Этими указывался на провербальное у грековъ выраженіе τέμνειν μέσων, употребляемое корабельщиками, которые между скрывающимися по сторонамъ подводными камнями обыкновенно держатъ или рѣжутъ середину, чтобы не наскочить на тотъ или другой (Stephan., Thesaur. III, p. 1390 F. Protagor. p. 338 A.).

С. *Сокр. Мл.* Какъ это разумѣешь ты, иностранецъ?

Ин. Снисходя къ твоимъ способностямъ, Сократъ, попытаюсь говорить еще вразумительнѣе. Изъ того, что изложено, конечно, нельзя вполне объяснить настоящій предметъ; для сообщенія ему ясности, должно постараться подвинуть дѣло немного впередъ.

Сокр. Мл. Скажи же, какую сейчасъ допустили мы ошибку въ своемъ дѣленіи?

Ин. Точно такую, какъ если бы кто, пожелавъ раздѣлить D. родъ человѣческой надвое, раздѣлилъ его подобно многимъ здѣшнимъ дѣлителямъ, которые, отособивъ эллинскій народъ отъ всѣхъ другихъ, и всѣмъ другимъ, не смотря на ихъ безчисленность, несмѣшанность и разноязычіе, давъ одно названіе—варваровъ, думаютъ, что въ этомъ единствѣ названія состоитъ и единство рода. Или еще: если бы кто, вознамѣрившись раздѣлить какое нибудь число на два вида, взялъ бы изъ него мириаду и представлялъ ее какъ одинъ E. видъ, а остальное, означивъ особымъ именемъ, опять по причинѣ сего самаго имени, считалъ бы отличнымъ отъ перваго родомъ. Гораздо лучше, думаю, и сообразнѣе съ дѣленіемъ на виды и надвое—дѣлить число на четъ и нечетъ, а человѣческой родъ—на мужескій и женскій полъ. Отдѣляютъ же лидянь, фригійцевъ, или другой народъ отъ всѣхъ прочихъ скорѣе тогда, когда не умѣютъ въ каждомъ 263. изъ отдѣловъ найти вмѣстѣ и родъ и часть ¹.

Сокр. Мл. Весьма правильно. Но вотъ что, иностранецъ:

¹ Когда, то есть, кто либо не умѣетъ найти ничего такого, что въ членахъ дѣленія было бы и родомъ и вмѣстѣ частью, или что, будучи частию рода, имѣло бы также видъ, εἶδος; ибо можетъ нѣчто быть частию, не будучи видомъ, тогда какъ нѣчто не можетъ быть видомъ, не имѣя значенія части И такъ, эялософъ велитъ тогда наконецъ вводить въ дѣло часть, когда ничего уже нельзя найти, чтò, само будучи частию, имѣетъ также видъ. Вообще, надобно замѣтить, что съ словомъ εἶδος у него соединяется особенное нѣкоторое значеніе. Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, подъ видами, τὰ εἶδη, разумѣетъ онъ формы и части рода, изслѣдуемыя въ такомъ порядкѣ, чтобы при дѣленіи ихъ не было никакого пропуска, и чтобы такимъ образомъ видна была связь ихъ со всеобщимъ родомъ и отдѣльными его частями. Въ этой связи съ родомъ и его ча-

какимъ образомъ яснѣе распознать, что родъ и часть— не одно и то же, а различны между собою?

Ин. О лучшей изъ мужей! Ты спрашиваешь, Сократъ, не бездѣлицу. Но мы и теперь уже уклонились отъ своего предмета дальше, чѣмъ нужно, а ты заставляешь меня уклониться отъ него еще болѣе. Нѣтъ, пора возвратиться, къ чему нужно. На твой вопросъ, какъ на готовый слѣдъ, нападёмъ мы въ другой разъ, на досугѣ. Только смотри, отнюдь не думай, будто объ этомъ ты слышалъ отъ меня, какъ о чемъ нибудь ясно различенномъ. В.

Сокр. Мл. О чемъ?

Ин. О томъ, что видъ и часть различны между собою.

Сокр. Мл. А что?

Ин. Если что нибудь есть видъ, то это непременно есть и часть того самаго предмета, въ отношеніи къ которому называется видомъ; напротивъ, часть еще нѣтъ никакой необходимости разумѣть какъ видъ. Лучше это приписывай мнѣ, Сократъ, чѣмъ то.

Сокр. Мл. Такъ и будетъ.

Ин. Затѣмъ скажи-ка мнѣ, откуда мы уклонились и пришли къ настоящимъ мыслямъ. Конечно, оттуда, думаю, С. что на вопросъ: какъ надобно раздѣлить стадопитаніе?— ты слишкомъ поспѣшно отвѣчалъ, что есть два рода живыхъ существъ: родъ человѣческой и родъ всѣхъ прочихъ животныхъ.

Сокр. Мл. Правда.

Ин. А мнѣ тогда и показалось, что, отдѣливши часть, ты думаешь, будто все остальное образуетъ одинъ родъ, поколику, то есть, все остальное заключаешь подъ однимъ именемъ,—называешь животнымъ. D.

Сокр. Мл. И это было такъ.

стями, рассматриваемые сами по себѣ, виды будутъ относиться къ роду уже какъ цѣлому, и получать имя частей. Изъ этого видно, что Платонъ близко уже подошелъ къ различію между родомъ и видомъ съ одной стороны, и между цѣлымъ и частию съ другой (см. Системат. излож. логики, Карпова, § 101).

Ин. Но что, храбрѣйшій Сократъ, если, на случай, найдется другое животное разумное, какимъ представляется родъ журавлей, или иное подобное, и будетъ раздавать имена, подражая тебѣ? Что если, напримѣръ, журавли, величая самихъ себя, какъ одинъ родъ, противоположный прочимъ животнымъ, все вмѣстѣ, не исключая и людей, соберутъ въ одно, и это одно назовутъ, можетъ быть, не болѣе, какъ звѣрями?—Поостережемся же отъ всего такого.

Сокр. Мл. Какимъ образомъ?

Е. *Ин.* Не будемъ дѣлить весь родъ живыхъ существъ, чтобы не впасть во что нибудь подобное.

Сокр. Мл. Въ самомъ дѣлѣ, не надобно.

Ин. Вѣдь и тогда именно въ этомъ состояла наша ошибка.

Сокр. Мл. Какъ это?

Ин. Распорядительная сторона познавательнаго искусства была у насъ родомъ питанія живыхъ существъ, и притомъ въ стадахъ. Не такъ ли?

Сокр. Мл. Такъ.

Ин. И тѣмъ уже напередъ раздѣлились всѣ животныя на 264. ручныхъ и дикихъ; ибо что, по природѣ, можетъ быть укрощаемо, называется кроткимъ, а что не можетъ,—дикимъ.

Сокр. Мл. Хорошо.

Ин. Ловимое же нами знаніе-то содержалось и содержится въ животныхъ кроткихъ, и, конечно, надобно искать его у стадовыхъ.

Сокр. Мл. Да.

Ин. И такъ, не будемъ дѣлить ихъ, какъ тогда, смотря на всѣхъ вмѣстѣ и спѣша скорѣе перейти къ политикѣ; в. ибо это заставило насъ теперь потерпѣть, что терпятъ по пословицѣ.

Сокр. Мл. Что такое?

Ин. Хотя бы мы дѣлили и хорошо, но поспѣшивъ, исполняемъ дѣло медленнѣе ¹.

¹ Исполняемъ медленнѣе, ἡυχένας βραδύτερον. Это выраженіе, по всей вѣро-

Сокр. Мл. Да и хорошо, что заставило, иностранецъ.

Ин. Пусть будетъ такъ. Попытаемся же опять сначала раздѣлить общепитательное знаніе. Вѣдь, можетъ быть, и то, чего хочешь ты, объяснится для тебя лучше изъ самого доведеннаго до конца изслѣдованія. Говори мнѣ.

Сокр. Мл. Что же говорить?

Ин. Вотъ что. Часто, должно быть, слыхалъ ты отъ кого нибудь,—ибо знаю, что самому-то тебѣ не случалось бывать,—о нильскихъ рыбныхъ садкахъ ¹, и тѣхъ, что на С. царскихъ озерахъ; а на ручьяхъ, можетъ быть, ты самъ видѣлъ ихъ.

Сокр. Мл. Конечно, и эти видѣлъ, и о тѣхъ слыхалъ отъ многихъ.

Ин. И что есть пастбища гусей и журавлей, хоть и не бродилъ по полямъ Эссалии, конечно, знаешь по слуху и вѣришь тому.

Сокр. Мл. Конечно.

Ин. А о всемъ этомъ я спросилъ въ виду того, что животныя стадовыя питаются либо въ водѣ, либо ходя по д. мѣстамъ сухимъ.

Сокр. Мл. Конечно, такъ.

Ин. Стало быть, не кажется ли и тебѣ, что общепитательное знаніе надобно раздѣлить такъ: изъ частей его, поставить одну на одной, другую на другой сторонѣ, и ту

ятности, имѣло проverbsальное значеніе, и напоминаетъ извѣстную латинскую поговорку: *festina lente*, или по гречески: *σπεῦδε βραδέως*. Кстати замѣчаемъ, что *ἀνίεμι* или *ἀνύεμι* у грековъ часто употреблялось эллиптически, съ подразумевающимся *ὄδον*, о каковомъ эллипсѣ см. Hermann., *Ad Sophocl. Electram* v. 1344; Lobesk., *Ad Aias.* v. 606.

¹ О ручныхъ рыбахъ немногое рассказываетъ Плиній (Н. Н. XXX, 3—7). Но у него не упоминается ни о египетскихъ, ни о персидскихъ садкахъ, о которыхъ дѣло идетъ здѣсь. Основываясь на томъ, что въ этомъ мѣстѣ говорится о египетскихъ нравахъ и учрежденіяхъ, Теннеманъ (*System. Philosoph. Plat. t. I, p. 120*) нехудо заключаетъ, что Политикъ написанъ Платономъ послѣ долговременнаго его путешествія въ Африку, Сицилію и южную Италію, каковое мнѣніе приняли и мы, и высказали во введеніи въ этотъ діалогъ.

назвать искусствомъ питанія въ водѣ, а эту—питанія на сушѣ.

Сокр. Мл. Мнѣ кажется.

Е. *Ин.* Что же касается царскаго дѣла, то нѣтъ нужды изслѣдывать, къ которой сторонѣ относится это искусство; потому что это всякому ясно.

Сокр. Мл. Какъ не ясно!

Ин. Но питающую на сушѣ-то часть стадопитанія всякій раздѣлилъ бы.

Сокр. Мл. Какъ?

Ин. Ограничивая ее летаніемъ и пѣшеходствомъ.

Сокр. Мл. Весьма справедливо.

Ин. Что же? Нужно ли раскрывать, что дѣло политическое въ объемѣ пѣшеходства? Или ты не думаешь, что и самый глупый, какъ говорится, будетъ такого мнѣнія?

Сокр. Мл. Я думаю.

Ин. Но на счетъ знанія пѣшепитательнаго, какъ недавно на счетъ числа, надо признать, что оно дѣлится надвое.

Сокр. Мл. Явно.

265. *Ин.* Впрочемъ къ той части, на которую направлено у насъ изслѣдованіе, по видимому, открыты два пути: одинъ—кратчайшій, отдѣляющій меньшую часть отъ большей; другой, согласно тому, какъ мы говорили прежде,—что дѣлать надобно особенно пополамъ,—держится больше этого правила; за то онъ и длиннѣе. Теперь въ нашей волѣ идти тѣмъ, которымъ захотимъ.

Сокр. Мл. Что жъ? а обоими нельзя?

Ин. По крайней мѣрѣ, заразъ, почтеннѣйшій; а преемственно-то, вѣдь очевидно, можно.

В. *Сокр. Мл.* И такъ, я избираю оба,—преемственно.

Ин. Это легко; такъ какъ осталось пути немного: въ началѣ же и въ срединѣ хода это требованіе насъ, конечно, затруднило бы. Такъ теперь, если намъ такъ кажется, пойдѣмъ сперва путемъ длиннѣйшимъ; потому

что, пока еще свѣжи силы, мы легче его одолѣемъ. Смотри же, вотъ дѣленіе.

Сокр. Мл. Говори.

Ин. Пѣшія, изъ числа кроткихъ,—всѣ, сколько есть стадовыхъ,—раздѣлены у насъ, по природѣ, надвое.

Сокр. Мл. Какимъ образомъ?

Ин. Такъ, что одна ихъ порода—съ рогами, а другая не имѣетъ роговъ. С.

Сокр. Мл. Видимо.

Ин. Такимъ образомъ, раздѣливъ знаніе пѣшепитательное, объясняй каждую его часть путемъ опредѣленій; потому что, если захочешь называть ихъ, это представить тебѣ лишніа затрудненія.

Сокр. Мл. Какимъ же образомъ должно выражаться?

Ин. Вотъ какимъ: когда знаніе пѣшепитательное раздѣлено надвое, одинъ отдѣлъ его приложится къ части стада, носящей рога, а другой—къ части безрогой.

Сокр. Мл. Пусть будетъ по сказанному; ибо это выражено достаточно ясно.

Ин. Что до царя, онъ тутъ у насъ, очевидно, будетъ пасти стадо безрогое.

Сокр. Мл. Какъ не очевидно!

Ин. Раздѣляя опять это стадо, постараемся приписать ему, что свойственно.

Сокр. Мл. Конечно.

Ин. Не хочешь ли различить въ немъ раздвоенное и такъ называемое цѣльное копыто (μῶνοξ), либо общеродный и своеродный приплодъ? Вѣроятно, понимаешь?

Сокр. Мл. Что такое?

Ин. То, что лошади и ослы, по природѣ, могутъ рождаться другъ отъ друга. Е.

Сокр. Мл. Да.

Ин. А прочія-то, въ ручномъ стадѣ кроткихъ животныхъ, не смѣшиваютъ своихъ родовъ одного съ другимъ.

Сокр. Мл. Какъ смѣшивать!

Ин. Что же? политикъ печется ли, думаешь, объ общеродной или своеобразной природѣ?

Сокр. Мл. Явно, что о несмѣшанной.

Ин. Но и эту, подобно прежнимъ, надобно намъ, какъ видно, раздѣлить надвое.

Сокр. Мл. Да, надобно.

266. *Ин.* Однакожь животныя-то, сколько есть кроткихъ и стадовыхъ, кромѣ двухъ родовъ, уже всѣ разобраны;—потому что родъ собакъ ¹ не слѣдуетъ причислять къ животнымъ стадовымъ.

Сокр. Мл. Конечно, не слѣдуетъ. Но какъ же дѣлить намъ эти два?

Ин. Такъ, какъ и пристало дѣлить Теэтету и тебѣ, коли оба вы занимаетесь геометриєю ².

Сокр. Мл. А именно?

Ин. По діаметру, то есть, и опять по діаметру діаметра.

Сокр. Мл. Что ты разумѣешь?

В. *Ин.* Природа, какую получилъ нашъ человѣческій родъ, имѣетъ иныя развѣ по отношенію къ ходьбѣ свойства, чѣмъ діаметръ, по свойству—двухфутовый (или двуногій, δίπους)?

Сокр. Мл. Не иныя.

Ин. Между тѣмъ природа-то прочаго рода есть опять, по

¹ Если бы, то есть, философъ взялъ въ расчетъ еще собакъ, то вышло бы уже не два, а три рода, чего, по принятой методѣ дѣлений, быть не должно. Притомъ, собаки, по замѣчанію элейца, не стоятъ того, чтобы причислять ихъ къ животнымъ стадовымъ.

² Выше упомянутый своеобразный (ιδιουγενής) родъ дѣлится теперь на родъ двуногій и четвероногій. Въ этомъ мѣстѣ элеецъ путя примѣняетъ къ дѣлу математику, которою, какъ извѣстно было ему, занимались Теэтета и Сократъ. Что касается читателей, то, понявъ соответствующее мѣсто Теэтета (р. 147 D), они не затруднятся пониманіемъ и того, что говорится здѣсь. То есть, диагональная линия однофутаваго квадрата своимъ построениемъ производитъ квадратъ двухфутовой, съ которымъ шутивно сравнивается двуногая человѣчeskая природа. Потомъ отсюда снова происходитъ діаметръ, по силѣ четырехфутовый, представляющій образъ животныхъ четвероногихъ. Явно, что Платонъ играетъ здѣсь двузnamenательнымъ словомъ πούς, которое означаетъ и геометрическую мѣру, футъ, и ногу.

свойству, діаметръ отъ нашего свойства, если она снабжена дважды двумя футами (или ногами, δύοῦν ποδοῦν).

Сокр. Мл. Какъ не быть! И вотъ я почти понимаю, что хочешь ты сказать.

Ин. А затѣмъ не видимъ ли мы, Сократъ, что при этомъ дѣленіи случилось опять съ нами что-то, что можетъ показаться смѣшнымъ ¹?

С.

Сокр. Мл. Что такое?

Ин. Человѣческой нашъ родъ получилъ одинаковый жребій и пущенъ наряду съ родомъ, изъ всѣхъ существъ превосходнѣйшимъ и въ то же время самымъ легкимъ ².

Сокр. Мл. Замѣчаю, и нахожу это очень страннымъ.

Ин. Что же? Не естественно ли, чтобы самое медленное пришло послѣднимъ?

Сокр. Мл. Да, это-то конечно.

Ин. А того развѣ не приведемъ на мысль, что еще болѣе

¹ Иностранецъ раздѣлилъ своеродное на родъ двуногій и четвероногій. Но само собою разумѣется, что искусство политическое имѣетъ въ виду животныхъ не четвероногихъ, а только двуногихъ. Поэтому родъ двуногій понадобилось снова раздѣлить надвое. Впрочемъ, этого дѣленія онъ открыто не высказалъ, а только съ перваго же раза замѣтилъ, что въ немъ есть сторона смѣшная, такъ какъ, въ силу его, человѣческой родъ соединяется съ другимъ двуногимъ родомъ, который нисколько не похожъ на человѣка. По раздѣленіи, то есть, двуногихъ, въ соединеніе съ людьми вступаютъ пѣтухи, куры, гуси, утки и проч., — и сближеніе этого-то рода съ человѣкомъ элейскій иностранецъ почитаетъ смѣшнымъ, ἕτερον αὐτῶν πρὸς γέλωτα εὐδοκίτησάντων.

² Родъ птицъ, а не свиней, какъ полагаетъ Шлейермахеръ, и не обезьянъ, что представляется Винкельману, называется здѣсь родомъ превосходнѣйшимъ, ὑπεροτάτων, и легчайшимъ, εὐχερέστατων. Эпитетъ ихъ, какъ существъ превосходнѣйшихъ, не чуждъ, конечно, нѣкоторой ироніи, и вмѣстѣ не далекъ отъ значенія εὐχερές, легкий, въ движеніи быстрый, чѣмъ птицы превосходятъ другихъ животныхъ. За справедливость этого толкованія ручаются ближайшія слова иностранца, который, прикинувшись удивленнымъ, спрашиваетъ: «не естественно ли, чтобы болѣе медленное послѣ и приходило?» и этимъ, сверхъ ожиданія, наводитъ на ту мысль, что двуногій родъ, оказываясь въ одной своей части медленнымъ, въ другой является эъ то самымъ быстрымъ. Къ этому элеецъ прибавляетъ потомъ слѣдующее: «еще смѣшнѣе кажется то, говорить, что царь бѣжитъ съ такимъ стадомъ». Вѣдь тотъ, кто выступаетъ вмѣстѣ съ нимъ въ качествѣ вождя, представляется уравнившимъ свое шествіе по пути съ родомъ, весьма способнымъ къ легкой жизни, — то есть, также ведетъ жизнь подвижную и легкую.

смѣшнымъ окажется царь, бѣгущій вмѣстѣ со стадомъ и въ бѣгѣ сотовариществующій съ такимъ храбрецомъ, кото-
D. рый превосходно приученъ къ жизни безъ затрудненій?

Сокр. Мл. Безъ сомнѣнїя.

Ин. Теперь вѣдь, Сократъ, становится еще яснѣе то, что сказано было недавно, при изслѣдованїи софиста ¹.

Сокр. Мл. Что именно?

Ин. Что, при такой методѣ рѣчи, бываетъ не больше заботы о высокомъ, чѣмъ о низкомъ, и маловажное не презирается въ виду великаго: эта метода всегда сама по себѣ стремится къ истиннѣйшему.

Сокр. Мл. Вѣроятно.

Ин. Послѣ этого, чтобы ты не предварилъ меня вопросомъ о кратчайшемъ пути, какой тогда предстоялъ намъ, E. для опредѣленія царя, не пойти ли впередъ тебя мнѣ самому?

Сокр. Мл. И непременно.

Ин. Вотъ и говорю, что тогда же слѣдовало въ сухопутномъ родѣ отличить видъ двуногій отъ четвероногаго, и, усматривая, что видъ человѣческій получилъ равный жребій съ однимъ видомъ пернатыхъ, двуногое стадо снова раздѣлить на простое и снабженное крыльями; а когда оно было бы раздѣлено, и уже открылось искусство пасти людей, надлежало найти политика и царя и, поставивъ его, какъ бы возникшаго, ввѣрить ему бразды города; потому что ему и свойственно такое знаніе.

267. *Сокр. Мл.* Хорошо; своимъ разсужденіемъ ты какъ бы заплатилъ мнѣ долгъ, и выполнилъ это съ придачею отступленія, какъ бы роста.

Ин. Пускай; взойдемъ же къ началу рѣчи и, взявъ ее всю до конца, свяжемъ свое разсужденіе объ имени искусства политическаго.

¹ Указывается на мѣсто Софиста р. 227 А—В, изъ котораго приводятся далѣе и слова, но такъ, что тогдашняя діалектика теперь дѣлается предметомъ тонкой насмѣшки.

Сокр. Мл. Конечно.

Ин. Съ самаго начала въ познавательномъ искусствѣ мы нашли часть распорядительную, въ которой, путемъ сравненія, отличена сторона самораспорядительная; потомъ отдѣленъ В. опять не малый изъ родовъ самораспорядительности, подъ именемъ животнопитанія, а въ животнопитаніи обособленъ видъ питанія стадоваго, въ которомъ затѣмъ взято питаніе сухопутное, въ сухопутномъ же питаніи особенно отличено искусство ухода за природою безрогою; далѣе,—не малая часть этой природы необходимо слагается изъ трехъ видовъ, которые кто захотѣлъ бы соединить подъ однимъ именемъ, назвалъ бы знаніемъ питать несмѣшанную породу; послѣ сего остается еще одинъ отдѣлъ этого знанія,—пита- С. ніе людей, какъ часть въ родѣ, пасущемъ двуногихъ; а это самое и есть искомое, то есть, искусство царское, называемое также политическимъ.

Сокр. Мл. Совершенно такъ.

Ин. Но только правда ли это, Сократъ, что оно такъ у насъ и сдѣлано, какъ ты сейчасъ сказалъ?

Сокр. Мл. А именно?

Ин. Будто совершенно достаточно раскрыть предметъ? Или того-то самаго преимущественно и недостаетъ въ нашемъ изслѣдованіи, что хотя на словахъ кое-какъ и выходитъ, да слово-то не со всею полнотою оправдывается дѣломъ? D.

Сокр. Мл. Какъ ты сказалъ?

Ин. То самое, что понимаю, я постараюсь представить для насъ обоихъ еще яснѣе.

Сокр. Мл. Пожалуй говори.

Ин. Не правда ли, что въ числѣ многихъ представившихся намъ сейчасъ питательныхъ искусствъ, одно было политическое,—попеченіе объ одномъ какъ будто бы стадѣ?

Сокр. Мл. Да.

Ин. Но это-то искусство опредѣлено было не какъ питаніе лошадей или иныхъ животныхъ, а какъ знаніе общаго питанія людей.

Сокр. Мл. Такъ.

Е. *Ин.* Разсмотримъ же различіе между всѣми питателями и царями.

Сокр. Мл. Какое различіе?

Ин. Пусть ктонибудь со стороны, носящій имя инаго искусства, скажетъ и будетъ показывать видъ, что онъ вообще есть питатель стада.

Сокр. Мл. Какъ ты говоришь?

Ин. Напримѣръ, всѣ купцы, земледѣльцы и хлѣбники, — да и кромѣ этихъ, гимнастики и классъ врачей, — знаешь ли, 268. всѣ они непремѣнно стали бы оспаривать имя у питателей человѣчества, которыхъ мы назвали политиками, — въ той мысли, что сами заботятся о человѣческой пищѣ, и не только для людей стадовыхъ, но и для самихъ правителей ихъ?

Сокр. Мл. Ужели же правильно говорили бы они?

Ин. Можетъ быть. И мы рассмотримъ это. А тò знаемъ, что у волопаса никто не будетъ оспаривать ничего такого, но всякій согласится, что волопасъ — самъ питатель стада, самъ врачъ, самъ какъ бы свать, и единственный зна-
В. токъ родовспомогательнаго искусства въ случаѣ приплода и рожденія телятъ. Даже игрою и музыкою, — насколько воспримчивы къ этому его животныя, — никто другой не укротитъ ихъ такъ хорошо и не успокоитъ обаятельно, какъ онъ, наилучшимъ образомъ, примѣнительно къ стаду, выполняя свою музыку, посредствомъ ли инструментовъ, или просто голосомъ. То же надобно сказать и о прочихъ пастухахъ. Не такъ ли?

Сокр. Мл. Очень правильно.

Ин. Какъ же покажется правильнымъ и безупречнымъ наше слово о царѣ, когда мы полагаемъ его пастыремъ и
С. питателемъ человѣческаго стада, избравъ лишь одного — изъ тысячи спорящихъ за это имя людей?

Сокр. Мл. Никакъ.

Ин. Стало быть, не справедливо ли мы немного прежде опасались, подозрѣвая, что хотя и вывели на словахъ

нѣкоторый общій образъ царя, но все-таки не изобразимъ съ точностію политика, пока не устранимъ отъ него людей, его окружающихъ и вмѣстѣ съ нимъ приписывающихъ себѣ дѣло питанія, и, отдѣливъ отъ этихъ послѣднихъ, не поставимъ его на видъ чисто одного?

Сокр. Мл. Конечно, весьма справедливо.

D.

Ин. Такъ это, Сократъ, слѣдуетъ намъ сдѣлать, если не хотимъ, чтобы конецъ посрамилъ наше изслѣдованіе.

Сокр. Мл. Но этого-то никакъ не должно допускать.

Ин. Значить, надобно намъ выступить изъ инаго начала и идти какимъ нибудь другимъ путемъ.

Сокр. Мл. Какимъ же?

Ин. Примѣшавъ чуть не игру: надобно воспользоваться немалою частію одной большой басни, и потомъ, какъ дѣлали мы и прежде, отнимая послѣдовательно одну часть отъ Е. другой, идти до конца къ искомому. Не нужно ли?

Сокр. Мл. Конечно.

Ин. Обрати же хорошенько вниманіе на мою басню, подобно дѣтямъ; ты вѣдь въ самомъ дѣлѣ не далеко ушелъ отъ лѣтъ дѣтства.

Сокр. Мл. Говори пожалуй.

Ин. Пересказывали и еще будутъ пересказывать о многомъ изъ временъ древнихъ, и между прочимъ о чудѣ, совершившемся по случаю ссоры Атрея съ Оіестомъ. Вѣдь ты, вѣроятно, слышалъ и припоминаешь, что, по рассказамъ, тогда происходило.

Сокр. Мл. Можетъ быть, ты разумѣешь чудо золотой агницы ¹.

Ин. Совсѣмъ не то, а перемѣну, происшедшую въ восхожденіи и захожденіи солнца и другихъ звѣздъ ²,—такого рода,

¹ Объ Атреѣ, который убилъ роднаго своего брата Оіеста, заставивъ его принять, вмѣсто пищи, плоть собственныхъ его дѣтей, о Оіестѣ, который обольстилъ жену Атрея Эропу, и о золотой агницѣ, которую похитилъ у него, см. Euripidi Orest., v. 800 и 989; Hofmann. Lexic. Art. Atreus.

² О злодѣйствахъ Атрея древніе эллины рассказывали (Hyginus, Fab.

что гдѣ оно теперь восходитъ, въ томъ самомъ мѣстѣ тогда заходило, а восходило въ противоположномъ. Это измѣненіе его въ нынѣшній видъ Богъ совершилъ въ то время во свидѣтельство Атрею.

Сокр. Мл. Да, рассказываютъ и объ этомъ.

Ин. Отъ многихъ слышали мы также и о царствованіи-то, которое водворилъ Кроносъ.

В. *Сокр. Мл.* Даже отъ весьма многихъ.

Ин. Что же?—что прежніе люди выросли изъ земли ¹, а не то, что рождались другъ отъ друга?

Сокр. Мл. И это—одно изъ преданій древности.

Ин. И всѣ такія вещи вытекаютъ изъ одного свойства; да и кромѣ этихъ, тысячи другихъ, которыя еще чудеснѣе. Но многія изъ нихъ съ теченіемъ времени забылись, а другія раздробились и рассказываются отдѣльными одна отъ другой частями. О свойствѣ же, которое послужило причиною всему, никто не говорилъ; такъ теперь надобно сказать, потому что сказанное пригодится для изображенія царя.

Сокр. Мл. Прекрасно; говори же, ничего не пропуская.

Ин. Слушай пожалуй. Весь этотъ міръ, въ своемъ движеніи, то ведется и круговращается самимъ Богомъ, то, какъ скоро кругъ потребнаго ему времени исполнится, Богъ оставляетъ его,—и тогда онъ вращается уже по собственному побужденію—въ противную сторону ², такъ какъ есть су-

LXXXVIII et Pausan. II, 18), будто ихъ ужаснулось самое солнце и, уклонившись отъ своего пути, пошло назадъ. Съ этимъ философъ соединяетъ теперь соотвѣтственное движеніе и прочихъ звѣздъ, и отсюда выводитъ переворотъ, происшедшій во всемъ универсѣ, о которомъ теперь намѣревается рассказать.

¹ Многіе греческіе поэты древняго міра говорили, что смертныя люди родились отъ земли и неба (Hesiod. Theog. v. 183 sqq. Homer. Iliad. VII, v. 99, гдѣ см. Eusthath. Eurip. ar. Dionys. Hal. vol. II, p. 58, 103. Euseb. Praepar. Evang. 20). Впоследствии это мнѣніе приняли и философы: Парменидъ, Ксенофанъ, Пиеагоръ, Эмпедоклъ и др., и каждый изъ нихъ измѣнялъ и обрабатывалъ его по своему (Plutarch. De placit. philos. V, 7).

² Происхожденіе наилучшихъ обществъ древности философъ описываетъ на основаніи народныхъ преданій, какъ дѣлаетъ это и въ книгахъ «О законахъ» (Legg. I. III, p. 678 sqq). Но народные преданія обрабатываются у него примѣнительно

щество живое и въ самомъ началѣ отъ своего строителя D. получилъ разумность ¹; а это—двигаться обратно—прирождено ему необходимо, вотъ почему.

Сокр. Мл. Почему же?

Ин. Находиться всегда въ неизмѣнномъ состояніи и быть тождественнымъ свойственно однимъ изъ всѣхъ божественнѣйшимъ предметамъ; а природа тѣла не этого порядка. То, что мы назвали небомъ и космосомъ, получило отъ создателя много свойствъ блаженныхъ: но космосъ приобщился также и тѣла. Отсюда, онъ не можетъ оставаться всегда Е. чуждымъ перемѣны, хотя по мѣрѣ силы совершаетъ одно движеніе, въ томъ же мѣстѣ и тѣмъ же образомъ; поэтому принялъ онъ круговращеніе, какъ наименьшее уклоненіе отъ свойственнаго ему движенія ². Но всегда вращать самому себя почти ни для кого невозможно, кромѣ какъ для вождя всѣхъ движущихся вещей. А вождю двигаться то такъ, то вдругъ напротивъ—не свойственно. По всему такому, о космосѣ нельзя сказать ни того, что онъ всегда вращаетъ самъ себя, ни того опять, что, совершая двойные и взаимно противные обороты, онъ всегда весь вращается Богомъ, ни

къ частнымъ его мнѣніямъ и цѣли. Настоящій его разговоръ клонится, очевидно, къ утверженію той истины, что міръ безъ божественнаго ума, самъ собою, долго держаться не можетъ; потому что природенное ему собственное движеніе современемъ должно уступить силѣ неутомимой необходимости.

¹ Богъ вложилъ въ космосъ разумную душу. Объ этомъ ученіи Платона см. Тим. р. 30 В зqq. Поэтому, когда и прекращается непосредственное Божіе управленіе имъ, онъ нѣсколько времени все еще продолжаетъ вращаться,—только въ противную сторону. Но въ природѣ вещей не такова сила души, чтобы космосъ могъ долго сохранять правильное теченіе: врожденная ему слабость скоро обнаруживается и уклоняетъ его отъ правильнаго порядка въ движеніи; потому что тѣло его связано, какъ чуждое постоянства и вѣчности. И въ этомъ самомъ надобно искать причину обратнаго его движенія. Природа его тѣла противоположна божественному,—стого свойственно ему и противоположное движеніе.

² Универсъ принялъ круговое движеніе, какъ наиболѣе приближающееся къ постоянству вещей божественныхъ. Это ученіе съ большею ясностію раскрывается въ Тимей (р. 40 А—В). А изъ этого можно заключить, что Тимей написанъ послѣ Политика, что впрочемъ не трудно доказать и изъ другихъ основаній, какъ это будетъ сдѣлано въ своемъ мѣстѣ.

того, наконецъ, что вращаютъ его какіе-то два бога со
270. взаимно противнымъ образомъ мыслей; но, какъ сказано, остается одно: то водится онъ иною, божественною причиною, причемъ снова получаетъ жизнь и принимаетъ возстановленное создателемъ безсмертіе, то, оставленный, идетъ самъ собою, и, получивъ въ-время отпускъ, бываетъ таковъ, что совершаетъ многія мириады обратныхъ круговращеній,—ибо, какъ нѣчто великое и въ высшей степени равновѣсное, движется шагомъ самымъ медленнымъ.

В. *Сокр. Мл.* Все тобою раскрытое представляется, въ самомъ дѣлѣ, очень вѣроятнымъ.

Ин. Сообразивъ это, изъ сказаннаго теперъ выведемъ свойство, которое, мы сказали, есть причина всего чудеснаго. Оно должно заключаться именно въ этомъ.

Сокр. Мл. Въ чемъ же?

Ин. Что движеніе всего совершается то въ томъ же направленіи, какъ нынѣшнее круговращеніе, то въ противномъ.

Сокр. Мл. Какъ же.

Ин. Эту перемѣну, изъ всѣхъ бывающихъ на небѣ поворотовъ, надобно почитать поворотомъ величайшимъ и совершеннѣйшимъ.

С. *Сокр. Мл.* Въ самомъ дѣлѣ, вѣроятно.

Ин. Такъ надобно полагать, что большія перемѣны происходятъ тогда и съ нами, живущими внутри неба.

Сокр. Мл. И это вѣроятно.

Ин. А большія, многочисленныя и различныя перемѣны, когда стекаются онѣ въ животныхъ, развѣ не знаемъ, съ какою тягостію переносятся ими?

Сокр. Мл. Какъ не знать?

Ин. Вѣдь тогда неизбежно находитъ величайшая гибель какъ на прочихъ живыхъ существъ, такъ и на человѣчскій родъ, который въ этомъ случаѣ не далеко отстае
D. отъ нихъ. Ему приходится испытывать множество и иныхъ дивныхъ и новыхъ бѣдствій, но особенно это,—величайшее,—которое наступаетъ въ связи съ превращеніемъ вселен-

ной, въ то время, какъ совершается поворотъ, противный нынѣшнему.

Сокр. Мл. Какое?

Ин. Возрастъ, въ какомъ находилось каждое животное, сперва у всѣхъ останавливался, и все, сколько ни было смертнаго, переставало идти къ старости, а поворачивало опять въ противную сторону, какъ бы возрастая по направлению къ юности и младенчеству. И вотъ у стариковъ сѣдые волосы чернѣли; у людей, оброставшихъ бородою, щеки опять сглаживались и возвращали каждого въ пережитый возрастъ молодости; организмы же, цвѣтущія юностью, съ каждымъ днемъ и ночью сглаживаясь и уменьшаясь въ ростѣ, опять получали природу новорожденного дитяти, и уподоблялись ему какъ по душѣ, такъ и по тѣлу; но съ этой уже поры, чрезвычайно высохши, совершенно исчезали. Даже и мертвое тѣло, кто умиралъ въ то время насильственной смертію, испытывало тѣ же самыя дѣйствія,—быстро меркло въ глазахъ и въ теченіе немногихъ дней уничтожалось. 271.

Сокр. Мл. Но рожденіе тогда было же какое нибудь, иностранецъ? такъ какимъ же образомъ раждались другъ отъ друга?

Ин. Явно, Сократъ, что въ тогдашней природѣ одинъ отъ другаго не раждался, но было нѣкогда, по преданію, племя земнородное, и оно-то въ то время снова возвращалось изъ земли; о немъ рассказали первые наши предки, жившіе сряду за концемъ прежняго кругооборота, и родившіеся въ началѣ нынѣшняго. Они-то были для насъ провозвѣстниками тѣхъ сказаній, которымъ нынѣ многіе несправедливо не вѣрятъ. Надо, думаю, принять въ соображеніе и слѣдующее. Вѣдь если старики переходятъ въ природу дѣтей, то изъ состоянія умершихъ и лежащихъ въ землѣ естественно людямъ снова возстановляются и, начиная жизнь, слѣдовать за поворотомъ,—вращаться въ противную сторону С. рожденія;—и, на этомъ-то основаніи, необходимо возрастая

земнородными, они получаютъ отъ того и свое имя и оправданіе, если Богъ не присудилъ кого къ иному жребію.

Сокр. Мл. Безъ сомнѣнія, это-то слѣдуетъ изъ прежняго. Но жизнь, какая, говоришь, была въ царствованіе Кроноса, относилась къ тѣмъ ли поворотамъ, или къ этимъ? Вѣдь явно, что при каждомъ изъ этихъ поворотовъ происходила переменна въ звѣздахъ и солнцѣ.

Ин. Ты хорошо слѣдовалъ за рѣчью. Но что спросилъ относительно того состоянія, когда у людей все раждалось D. само собою, то это состояніе установлено не нынѣшнимъ вращеніемъ, а зависѣло отъ прежняго; ибо тогда впервые дѣло круговаго движенія началъ промысляющій о цѣломъ Богъ, а части космоса раздѣлены были между начальственными богами, точно такимъ же образомъ, какъ теперь они начальствуютъ по мѣстамъ. Геніи, какъ бы божественные пастыри, раздѣлили между собою даже животныхъ по ихъ родамъ и стадамъ, и каждый изъ нихъ являлся достаточнымъ во всѣхъ отношеніяхъ для каждаго стада, которое пасъ; такъ что E. не было тогда въ этихъ ни дикости, ни взаимнаго пожиранія, не было вовсе мѣста ни войнѣ, ни возмущенію. Но о всемъ, что слѣдовало изъ такого распорядка, можно бы говорить безъ конца. Преданіе же о самородныхъ средствахъ жизни у людей рассказывается слѣдующимъ образомъ. Богъ пасъ ихъ самъ подъ своимъ правленіемъ,—какъ теперь люди, другое ближайшее къ божеству животное, пасутъ прочіе роды животныхъ, худшіе. Но когда Онъ пасъ,—не было ни правительства, ни попеченія о приобрѣтеніи женъ и дѣтей; такъ какъ всѣ входили въ новую жизнь изъ земли, не помня о прежнемъ состояніи. Все подобное было имъ чуждо; но плодовъ древесныхъ и многихъ другихъ было у нихъ въ изобиліи, и выращаемы были они не земледѣліемъ,—земля сама собой давала ихъ. Нагіе, не имѣя логовищъ, тѣ люди по большей части паслись подъ открытымъ небомъ, потому что годовыя времена смѣнялись для нихъ безболѣзненно; а мягкую постель находили они на травѣ,

выроставшей съ изобиліемъ изъ земли. Ты слушаешь теперь, В. Сократъ, разсказъ о жизни при Кроносѣ; а ту, которую называютъ жизнію при Зевсѣ, то есть, нынѣшнюю, узналъ собственнымъ опытомъ. Такъ можешь ли и хочешь ли судить, которая счастливѣе?

Сокр. Мл. Нѣтъ.

Ин. Развѣ желаешь, чтобы я какъ нибудь разсудилъ для тебя объ этомъ?

Сокр. Мл. Конечно.

Ин. Если питомцы Кроноса, имѣя у себя такъ много досуга и способности сноситься словесно не только съ людьми, но и съ звѣрями ¹, пользовались всѣмъ этимъ для С. философіи; если, бесѣдуя съ звѣрями и другъ съ другомъ, допрашивали они всякую природу, не узнала ли она, съ помощію нѣкоей особой своей способности, что нибудь отличное отъ другихъ, на пользу мудрости: то легко судить, что тогдашніе счастіемъ безконечно превосходили нынѣшнихъ. Если даже, насытившись обильною пищею и питьемъ, передавали они другъ другу и звѣрямъ такія сказанія, какія и донынѣ приписываются имъ, то и тутъ опять,—по край- D. ней мѣрѣ, таково мое мнѣніе,—очень не трудно судить о нихъ. Впрочемъ оставимъ это, пока не явится какой нибудь вѣстникъ, который достаточно намъ объяснить, имѣли ли тогдашніе люди жажду къ познаніямъ и къ употребленію слова; но для чего мы подняли этотъ миеъ, о томъ должны сказать, чтобы потомъ идти впередъ.—Когда окончилось время всѣхъ этихъ явленій и надлежало произойти перемѣнѣ, когда, то есть, весь земной родъ уже погибъ, ибо всѣ порожденія ² Е.

¹ Философъ представляетъ, что въ сатурновскій періодъ жизни и безсловесныя животныя были одарены умомъ и имѣли способность говорить; потому что тогда божественный разумъ разлитъ былъ по всѣмъ частямъ космоса.

² Это мѣсто весьма трудно для пониманія. И такъ, рассмотримъ сперва его смыслъ, потомъ разберемъ подлинный текстъ. Что касается до мысли писателя, то онъ, кажется, хотѣлъ сказать, что душамъ, раздѣленнымъ по міровымъ тѣламъ, дано было имѣть нѣкоторое опредѣленное число рожденій, въ соединеніи

каждой души, сколько которой предписано было произвести ихъ, возвращены и упали въ землю сѣменами: тогда-то наконецъ кормчій вселенной, какъ бы оставивъ рукоять кормила, отошелъ въ свою кругозорницу, а космосъ стали снова вращать судьба и врожденное ему вождельнiе ¹. Тогда и

съ тѣлами, которыя должны рождаться изъ земли. По истеченiи этого числа, всему земному роду надлежало уже совершенно исчезнуть, ибо судьбою было опредѣлено, чтобы къ концу того великаго перiода время погбли и земнородные. Если таковъ смыслъ этихъ словъ, то явно, что всѣ части текста отъ *πάσας ἐκάστης τῆς ψυχῆς* до *πεσοῦστος* служатъ къ объясненiю предшествующихъ словъ: *τὸ γηινὸν ἤδη πᾶν ἐνήλωτο γένος*. И такъ, сперва выраженiе: *πάσας ἐκάστης τῆς ψυχῆς τὰς γενέσεις ἀποδεδοκίαιας*, должно быть истолковано, думаемъ, такъ: когда всякая душа выполнила, какъ долгъ, всѣ врожденные ей рожденiя. Здѣсь «врожденные» заключается въ членѣ *τὰς γενέσεις*, а «долгъ» — въ глаголѣ *ἀποδιδόναι*, который относится къ людямъ, выполняющимъ дѣломъ, или инымъ образомъ, то, что выполнить они обязаны. На нашъ взглядъ, это теперь ясно. Но многiе филологи въ текстѣ этого мѣста встрѣчаютъ еще затрудненiе въ словѣ *πεσοῦστος*, и потому ставятъ вмѣсто него то *βαλούστος*, то *εἰδούστος*, то *νεμούστος*. И все это безъ всякой нужды; потому что души, по ученiю Платона въ Федръ (247 С—250 В; Tim. p. 43 A), не выбрасываютъ сѣмянъ, которыми оживлялись бы человѣческiя тѣла, а сами, какъ даровательницы жизни, связуются съ ними, и какъ бы падаютъ сѣменами для послѣдующаго рожденiя.

¹ Это совершенно согласно съ тѣмъ, что о судьбѣ и вождельнiи говорится въ Тимѣѣ. Тамъ Платонъ учитъ, что Богъ сотворилъ мiръ *αὐτάρκη τε καὶ τελεώτατον θεόν*, который во все время безсмертенъ (см. Tim. p. 29 E sqq.; 38 C; 68 E); что въ него вложена также душа, а въ душу умъ, который приводитъ его въ движенiе и питаетъ все цѣлое (p. 34 E sqq.). Но тамъ не говорится, что непрерывное попеченiе Божiе для сохраненiя космоса не нужно; напротивъ, нужда его доказывается и въ Филебѣ (p. 28), гдѣ говорится, что мiромъ управляетъ высочайшiй умъ, и въ Федонѣ (p. 62 B, — Legg. IV, p. 709 B sqq.), гдѣ люди признаются находящимися подъ управленiемъ божественнымъ. Какимъ же образомъ въ Политикѣ могла найтись себѣ мѣсто мысль о перiодичности Божьяго промысла?—Но разсматриваемый мнѣ всего яснѣе показываетъ, какъ думалъ философъ о необходимости божественнаго промысла для управленiя мiромъ. Онъ полагалъ, что всѣ рожденные вещи, по естественной своей слабости, если не помогаютъ имъ Богъ, тотчасъ приходятъ въ худшее состоянiе, и что душа мiра не имѣетъ столько силы, чтобы матерiю тѣлъ могла непрестанно упорядочивать по законамъ и нормамъ безконечной мудрости. Стало быть, здѣсь развивается та же мысль о необходимости Божьяго промысла, только она представляется образно и вмѣстѣ гипотетически, — говорится, то есть, что, какъ скоро Богъ оставляетъ кормило управленiя мiромъ, онъ тотчасъ поступаетъ подъ власть судьбы и врожденнаго ему вождельнiя и получаетъ противное движенiе, подвергаясь опасности совершенно разрушиться. Замѣчательно здѣсь и то, что Промыслитель, оставляя мiръ, не отпускаетъ его однакожъ изъ виду, а удаляется въ свою кругозорницу (*περιωπῆ*), —

мѣстные боги, соучастники въ управленіи генію величайшему, узнавъ уже, что произошло, прервали свое попеченіе ^{273.} о частяхъ космоса. Космосъ же, въ обратномъ своемъ поворотѣ, увлекаясь взаимно противнымъ стремленіемъ начала и конца и чрезъ то сильно сотрясаясь въ самомъ себѣ, произвелъ новое разрушеніе различнаго рода животныхъ. Но, по прошествіи затѣмъ достаточнаго времени, волненіе, смятеніе и трусъ въ немъ прекратились, настала тишина, — и онъ, настроенный къ обычному бѣгу, пошелъ въ свой путь, имѣя самъ владычество и попеченіе какъ о себѣ, В. такъ и о всемъ, что находилось въ его нѣдрѣ, и, по возможности, вспоминая наставленіе своего художника и отца. Вначалѣ соблюдалъ онъ это наставленіе строже, а къ концу все коснѣе; и причиною этого въ немъ была тѣлообразность смѣшенія, воспитанная нѣкогда прежнею его природою, такъ какъ онъ, прежде чѣмъ достигъ до нынѣшняго благоустройства, заключалъ въ себѣ много беспорядочнаго. Отъ своего строителя получилъ онъ все прекрасное; а отъ прежняго своего состоянія, сколько ни было въ небѣ худаго и несправедливаго, это все и самъ занялъ онъ, и сообщаетъ С. животнымъ. Питая въ себѣ животныхъ въ союзѣ съ правителемъ, онъ раждаетъ въ нихъ малое зло, но великое добро; отдѣлившись же отъ него, въ ближайшее-то время по оставленіи имъ правленія, еще совершаетъ все прекрасно; но съ теченіемъ времени, когда является въ немъ больше забвенія, овладѣваетъ имъ состояніе древней беспорядочности, D. такъ что наконецъ онъ отцвѣтаетъ и, съ немногимъ добромъ приводя въ смѣсь много противныхъ свойствъ, подпадаетъ опасности разрушиться и самъ и разрушить заключающееся въ немъ. И посему-то тогда уже устроившій его Богъ, видя, что онъ въ затрудненіи, и заботясь, какъ бы ему,

слѣдовательно, все-таки для наблюденія за ходомъ всецѣлой міровой жизни. Это — тоже промыслъ, только посредственный, совершающійся чрезъ посредство естественныхъ силъ природы, и отличающійся отъ промысла непосредственнаго, которымъ обнаруживается сверхъестественное могущество и благость Божія.

волнуемому тревогами, не разложиться и не погрузиться въ безпредѣльное мѣсто неподобныхъ ¹ стихій, опять садится у его кормила и, вращая болѣвшее и разложившееся въ Е. прежнемъ его періодѣ, самостоятельномъ, чрезъ то устрояетъ и исправляетъ его, дѣлаетъ безсмертнымъ и не старѣющимъ. И этимъ все заканчивается. Но, чтобы показать природу царя, этого вполне достаточно для тѣхъ, кто свое разсужденіе приводитъ въ связь съ прежде сказаннымъ. Ибо когда космосъ началъ вращаться снова по пути нынѣшняго рожденія, прервался опять порядокъ возрастовъ и сталъ, какъ бы заново, обратнымъ тогдашнему. Животныя, по своей малости, едва не исчезавшія, стали расти; а тѣла, вновь рожденные изъ земли, въ возрастѣ старческомъ,—опять умирали 274. и возвращались въ землю. По подражанію и послѣдованію свойствамъ дѣлаго, измѣнилось и все другое; подражаніе необходимо простиралось, за всѣмъ другимъ, и на чревоношеніе, на рожденіе и на питаніе. Вѣдь нельзя было все еще родиться животному въ землѣ, чрезъ совмѣстное возрастаніе другихъ; но какъ космосу повелѣно быть властителемъ собственнаго теченія, такъ и части космоса отъ подобной же власти получили внушеніе, сколько возможно, такимъ же В. образомъ и выращать, и раждать, и питать. Такъ вотъ къ чему направлялась вся наша рѣчь, къ тому мы теперь и пришли. Вести изслѣдованіе о другихъ звѣряхъ, изъ чего превратился каждый и по какимъ причинамъ, было бы много и долго; а о людяхъ оно короче и гораздо ближе къ дѣлу. Когда стяжавшій и пасущій насъ геній прекратилъ

¹ Неподобіе стихій есть такое состояніе міра, въ которомъ онъ совершенно теряетъ равномѣрность и устойчивость, такъ что является неподобнымъ самому себѣ и несогласнымъ съ самимъ собою; ибо *δμόιον* и *ἀνόμοιον* есть не только то, что подобно или не подобно другому, но и то, что походить или не походить на себя (см. Tim. p. 42 C; p. 67 B. Phaed. p. 109 A. Symp. p. 173 D; 188 B). Замѣтимъ еще, что причастія: болѣвшее и разложившееся, *τὰ νοστήσαντα καὶ λυθῆντα*, относятся не къ космосу, который былъ разрушенъ, чему впрочемъ противорѣчить и членъ *τὰ*, а къ частямъ его, которыя Богъ новымъ поворотомъ міра опять приводитъ въ порядокъ и благоустройство.

свое попеченіе, многіе, по природѣ жестокіе звѣри одичали, люди же между тѣмъ сдѣлались слабыми и, оставшіеся безъ охраненія, были расхищаемы звѣрями; притомъ въ первыя времена у людей еще не имѣлось и искусствъ и С. вообще средствъ для существованія, такъ какъ самородной пищи они уже не находили, а производить ее пока не умѣли, потому что прежде не побуждались къ тому никакою нуждою. По всему этому находились они въ большомъ затрудненіи. Оттого-то, по древнимъ преданіямъ, и ниспосланы намъ, вмѣстѣ съ должнымъ наставленіемъ, тѣ божіе дары: огонь отъ Прометея, искусства отъ Ифеста и его сотрудницы, а сѣмена D. и растенія отъ другихъ. И все, чѣмъ устроена человѣческая жизнь, возникло изъ этого; ибо когда боги, какъ сейчасъ сказано, перестали пещись о людяхъ, тогда людямъ надлежало управляться самимъ собою и заботиться о самихъ себѣ, подобно цѣлому космосу, которому подражая и послѣдуя, мы вотъ все время, сегодня такъ, завтра иначе, но блюдемъ жизнь и нараждаемся. Здѣсь пусть будетъ конецъ миѳу. Вос- E. пользуемся имъ, чтобы видѣть, сколько погрѣшали мы, высказывая въ прежнемъ разсужденіи свое мнѣніе о мужѣ царственномъ и политическомъ.

Сокр. Мл. Какая же, говоришь, и велика ли допущенная нами погрѣшность ¹?

Ин. Съ одной стороны она мало замѣтна, а съ другой—очень важна и гораздо больше и шире, чѣмъ была тогда ².

Сокр. Мл. Какъ?

¹ При опредѣленіи политика, говорить философъ, допущена двоякая ошибка: первая—та, что онъ внесенъ въ число пастырей, каковыми были только гении, въ первый періодъ міра поставленные правителями надъ человѣческимъ родомъ; вторая—та, что не съ надлежащею точностію изслѣдовано, какимъ образомъ управляетъ онъ обществомъ. Но прежде, чѣмъ начато будетъ изъясненіе этого предмета, эллеецъ намѣревается показать изъ примѣра ткацкаго искусства, какъ надобно описывать и изображать того, кто годенъ управлять государствомъ, и какъ отличать его отъ художниковъ, мастеровыхъ, купцовъ и другихъ такого рода людей.

² Гораздо больше и шире, чѣмъ была тогда,—чѣмъ, то есть, казалась до изложенія миѳа.

Ин. Такъ, что на вопросъ о царѣ и политикѣ нынѣшняго круговращенія и рожденія мы отвѣтили, сказавъ 275. о пастырѣ человѣческаго стада изъ противнаго періода, и притомъ о богѣ, вмѣсто смертнаго: въ этомъ-то весьма много погрѣшили. Но что объявили его правителемъ всего города, а какимъ образомъ онъ правитель, не разсмотрѣли, — въ этомъ случаѣ сказали, конечно, вѣрно, только не вполне и неясно высказались, а потому и ошибка здѣсь легче, чѣмъ тамъ.

Сокр. Мл. Правда.

Ин. Стало быть, надо, какъ видно, надѣяться, что, опредѣливъ средства управленія городомъ, мы чрезъ это вполне опишемъ и политика.

Сокр. Мл. Хорошо.

В. *Ин.* И вотъ для того-то взяли мы мнѣ: не только для доказательства, что, касательно стадопитанія, всѣ оспариваютъ это дѣло у лица теперь искомаго (р. 267 Е), но и чтобы яснѣйшимъ образомъ видѣть то лицо, которому одному, по примѣру пастуховъ и волопасовъ, имѣющему попеченіе о человѣческой пищѣ, принадлежитъ право на то названіе.

Сокр. Мл. Правильно.

С. *Ин.* Я даже полагаю, Сократъ, что этотъ образъ божественнаго пастыря—дѣло слишкомъ великое, чтобы приравнивать его и къ царю; а теперешніе здѣшніе политики, по своей природѣ, гораздо больше похожи на подвластныхъ, и еще ближе къ нимъ становятся по образованію и воспитанію.

Сокр. Мл. Непремѣнно.

Ин. Однакожь намъ оттого не менѣе и не болѣе обязательно разсмотрѣть ихъ, эта ли будетъ ихъ природа, или та.

Сокр. Мл. Какъ не обязательно.

Ин. Возвратимся же опять къ прежнему ¹. Сказали мы,

¹ По мнѣнію философа, съ вопросомъ о предложенномъ предметѣ надобно обращаться такъ, чтобы прежде всего исправлены были погрѣшности, допущен-

что есть надъ животными искусство самораспорядительное,—пекущееся притомъ не о частномъ, а объ общемъ, D. —и тогда же вдругъ назвали это стадопитаніемъ. Помнишь ли?

Сокр. Мл. Да.

Ин. Такъ вотъ въ немъ мы какъ-то ошиблись: не взяли въ этомъ понятіи и не назвали политика; онъ тайно ушелъ у насъ изъ имени.

Сокр. Мл. Какъ?

Ин. Питать всякія стада, вѣроятно, свойственно всѣмъ другимъ пастухамъ, но политику не свойственно. Между тѣмъ мы приложили и къ нему это имя, тогда какъ надлежало прилагать ко всѣмъ нѣчто общее.

Сокр. Мл. Ты правду говоришь,—если бы только нашлось чтонибудь такое.

Ин. Развѣ *уходъ* не составлялъ бы нѣчто общее имъ всѣмъ, не отличая отъ него питанія или какойнибудь другой дѣятельности? Кто наименовалъ бы это искусствомъ стадоустроительнымъ, или ухаживательнымъ, или попечительнымъ,—какъ общимъ относительно всѣхъ,—тотъ могъ бы, вмѣстѣ съ другими, покрыть имъ и политика;—вѣдь разсужденіе наше показывало, что это надобно сдѣлать.

Сокр. Мл. Правильно; но какое же послѣ сего могло бы 276. быть опять дѣленіе?

Ин. Такое же, какое сдѣлали мы и прежде, отдѣливъ стадопитаніе, свойственное животнымъ пѣшимъ и безперымъ, несмѣшаннымъ и безрогимъ; только, сдѣлавъ эти самыя дѣ-

ныя въ прежнихъ разсужденіяхъ. Во первыхъ, сдѣлана нами ошибка, говоритъ онъ, въ дѣленіи самораспорядительности, *αὐτεπιστατικῆς*, которой подчинено стадопитаніе, *ἀγέλαοτροφικῆς*, а чelовѣкъ-полетикъ въ расчетъ не взятъ. Вѣдь дѣло пасенія стада можетъ быть, конечно, приписываемо другимъ стражамъ, но къ политику оно отнесено быть не можетъ; потому что онъ не пасетъ стада, а только имѣетъ попеченіе о немъ. Поэтому надлежало выбрать какоенибудь имя общае, которое приличествовало бы какъ политику, такъ и прочимъ,—положимъ, на примѣръ, искусство ухаживанія за стадомъ, *ἀγέλαοκομικῆς*, или попечительное, *θεραπευτικῆς*.

ленія, захватили бы мы своимъ словомъ также и искусство стадоустроительное, какое и теперь есть, и было въ царствованіе Кроноса.

Сокр. Мл. Очевидно; но спрашиваю опять, что же потомъ?

Ин. Явно, что когда положено такимъ образомъ имя В. искусства стадоустроительнаго,—никто, вѣроятно, не станетъ возражать намъ, что такого попеченія вовсе нѣтъ, какъ прежде могли бы справедливо доказывать, что у насъ нѣтъ никакого искусства, достойнаго называться этимъ именемъ питательнаго, а если бы такое и было, то оно шло бы ко многимъ, и шло скорѣе, чѣмъ къ кому нибудь изъ царей.

Сокр. Мл. Правильно.

Ин. Но на попеченіе о всемъ человѣческомъ общеніи и С. на управленіе всѣми людьми не имѣетъ правъ никакое другое искусство—больше и прежде искусства царскаго.

Сокр. Мл. Ты правильно говоришь.

Ин. Между тѣмъ замѣчаемъ ли мы, Сократъ, что къ самому концу все же вышла у насъ опять ошибка?

Сокр. Мл. Какая?

Ин. Именно, хотя мы и очень вѣрно разсудили, что есть нѣкоторое питательное искусство двуногаго стада, однакожь намъ все-таки не слѣдовало тотчасъ же называть его царскимъ и политическимъ, какъ бы завершенное.

Сокр. Мл. Почему же?

Ин. Сперва нужно было, какъ мы говорили, переформовать D. самое имя, приведя его значеніе больше къ попеченію, чѣмъ къ питанію, а потомъ разсѣчь его,—такъ какъ оно могло бы вѣдь дать еще немалые отсѣки.

Сокр. Мл. Какіе?

Ин. Мы, конечно, могли бы божественнаго пастыря и человѣческаго попечителя взять особо.

Сокр. Мл. Правильно.

Ин. Потомъ, взятое особо искусство попечительное необходимо было опять-таки разсѣчь на два.

Сокр. Мл. На какія?

Ин. На насильственное и свободное.

Сокр. Мл. Ну что же?

Ин. А мы, погрѣшая прежде и тутъ глупѣе обыкновеннаго, сложили въ одно царя и тиранна, которые весьма не похожи Е. другъ на друга, сложили и самихъ и образы правленія, свойственные каждому изъ нихъ.

Сокр. Мл. Справедливо.

Ин. Такъ теперь-то, снова поправляясь, мы, какъ сказано, человѣческое попечительное искусство не раздѣлимъ ли на два,—на насильственное и свободное?

Сокр. Мл. Конечно.

Ин. И насильственное-то назвавъ тиранническимъ, а свободное стадоустроеніе свободныхъ двуногихъ животныхъ—политическимъ, человѣка, имѣющаго это искусство и попеченіе, не объявимъ ли истиннымъ царемъ и полити- 277. комъ?

Сокр. Мл. И такъ, иностранецъ, изъясненіе политика теперь доведено у насъ, должно быть, до совершенства.

Ин. Хорошо было бы, Сократъ; однакожь такъ должно казаться не тебѣ одному, но и мнѣ вмѣстѣ съ тобою. Между тѣмъ по моему-то мнѣнію, царь у насъ какъ будто еще не имѣетъ совершеннаго образа. Напротивъ, какъ иногда статуйчики, торопясь и, безъ расчета времени, прибавляя къ своему дѣлу еще многое и великое, чего не В. требуется, опаздываютъ; такъ и мы, чтобы не только скоро, но и разительнѣе выставить погрѣшность прежняго дѣленія, въ той мысли, что къ царю идутъ важные примѣры, подняли страшное бремя миеа, и вынуждены были воспользоваться большею, чѣмъ нужно, его частью. Черезъ это мы сдѣлали длиннѣе изысканіе, а конца миеу не положили: слово у насъ, точно будто животное на картинѣ, приняло, по видимому, с. довольно внѣшняго очертанія, а ясности, какъ бы отъ красокъ и смѣшенія цвѣтовъ, еще не получило. Между тѣмъ рѣчью и словомъ гораздо приличнѣе, чѣмъ живописью и инымъ вообще рукодѣльемъ, изображать всякое животное,

лишь бы умѣть слѣдовать за ними; а другимъ (не умѣющимъ) нужны искусства руководѣльныя.

Сокр. Мл. Это правильно; покажи же, что и гдѣ у насъ еще недостаточно сказано.

Ин. Трудно, почтеннѣйшій, достаточно выяснять что д. нибудь болѣе важное, не употребляя примѣровъ; ибо каждый изъ насъ, должно быть, узнавши все, будто во снѣ, на самомъ дѣлѣ, будто потомъ наяву, ничего не знаетъ.

Сокр. Мл. Какъ ты это сказалъ?

Ин. Странно какъ-то въ настоящемъ случаѣ я поднялъ рѣчь о томъ, что случается съ нами относительно знанія.

Сокр. Мл. Что жъ такое?

Ин. Самый мой примѣръ, почтеннѣйшій, потребовалъ у меня опять примѣра.

Е. *Сокр. Мл.* Такъ что же? Говори; ради меня-то не стѣсняйся.

Ин. Надобно говорить, если и ты готовъ слѣдовать. Вѣдь мы знаемъ на дѣтяхъ, когда они только-что начинаютъ знакомиться съ грамотой—

Сокр. Мл. Что такое?

Ин. Что они достаточно распознаютъ каждую изъ буквъ въ слогахъ кратчайшихъ и легчайшихъ, и бываютъ способны отвѣчать о нихъ правильно.

278. *Сокр. Мл.* Какъ же иначе!

Ин. Но, касательно тѣхъ же самыхъ буквъ недоумѣвая въ другихъ слогахъ, ошибаются и мнѣніемъ и словомъ.

Сокр. Мл. Конечно.

Ин. Такъ не легче ли и не лучше ли всего на то, чего они еще не знаютъ, наводить ихъ слѣдующимъ образомъ?

Сокр. Мл. Какъ?

Ин. Наводить сперва на все то, въ чемъ то же самое поняли они правильно; наведши же, поставлять предъ тѣмъ, чего еще не знаютъ, чтобы, чрезъ сравненіе того и другаго, показать находящееся въ обоихъ сочетаніяхъ то же подобіе и ту же природу, пока правильно понимаемое не укажется приложеннымъ ко всему, что не извѣстно; потомъ указанное

получивъ такимъ образомъ значеніе примѣровъ, сдѣлаеть то, что каждая изъ всѣхъ буквъ во всѣхъ слогахъ будетъ называться либо отличною, какъ отъ прочихъ отличная, либо тождественною, какъ тождественная и всегда себѣ равная. С.

Сокр. Мл. Безъ сомнѣнія.

Ин. Не поняли ли мы теперь достаточно, что примѣръ-то происходитъ тогда, когда то же самое, находясь въ другомъ отдѣльномъ, понимается правильно и, въ приложеніи къ тому и другому, какъ обоимъ вмѣстѣ, производитъ одно истинное мнѣніе?

Сокр. Мл. Видимо.

Ин. Такъ удивимся ли мы, если наша душа, по природѣ, испытывая то же самое относительно стихій всего, иногда въ извѣстныхъ сочетаніяхъ узнаеть твердо истину на счетъ каждой стихіи, а при другихъ сочетаніяхъ на счетъ всѣхъ стихій колеблется,—однѣ изъ нихъ кое-какъ, изъ ихъ соединеній, понимаетъ правильно, а когда онѣ перенесены въ длинные и не легкіе слоги вещей, того же самаго опять не знаетъ?

Сокр. Мл. Удивительнаго-то тутъ нѣтъ ничего.

Ин. Какимъ же образомъ, другъ мой ¹, могъ бы ктонибудь, выходя изъ ложнаго мнѣнія, достигнуть хотя малой части истины и приобрѣсть разумѣніе? Е.

Сокр. Мл. Почти никакимъ.

¹ Какимъ же образомъ, другъ мой... По гречески читаемъ: πῶς γάρ, ὡ φίλε, δύνατ' εἶν τις. Явно, что значенія частицы γάρ мы здѣсь не удержали; и думаемъ, что оно не можетъ быть удержано. Элеецъ сказалъ такъ: чтѣ случается испытывать дѣтямъ относительно азбучныхъ буквъ, то же самое происходитъ и въ душахъ относительно вещественныхъ стихій. То есть, чтѣ въ немъ большомъ составѣ ихъ ясно для насъ и наглядно, то самое въ труднѣйшихъ сочетаніяхъ вещей представляется темнымъ и совершенно неизвѣстнымъ. Когда Сократъ подтвердилъ это,—могъ ли иностранецъ продолжать: πῶς γάρ, ὡ φίλε, δύνατ' εἶν τις х. т. λ.—И такъ, по нашему мнѣнію, здѣсь надобно читать: πῶς ὄρ', ὡ φίλε, х. т. λ. Иностранецъ, то есть, умозаключаетъ такъ: если душа наша и въ такихъ вещахъ подвергается опасности впадать въ заблужденіе, то можетъ ли быть, чтобы ктонибудь, вышедши изъ ложнаго мнѣнія, достигъ хоть скольконибудь истины и перешелъ къ обладанію мудростію? Поэтому будемъ прежде всего разсматривать дѣло въ маломъ его примѣрѣ, въ которомъ меньше опасности погрѣшять.

Ин. Если же дѣло таково, то я и ты нисколько, конечно, не погрѣшимъ, взявшись сперва узнать природу цѣлаго примѣра по частямъ—въ другомъ маломъ примѣрѣ, съ тѣмъ чтобы потомъ къ виду царя, который очень великъ, перенести видъ какихъ нибудь меньшихъ (взятыхъ для примѣра) вещей, и рѣшиться, опять посредствомъ примѣра, искусственно изучить уходъ за дѣлами города,—дабы сновидѣніе смѣнилось у насъ явью.

Сокр. Мл. Совершенно правильно.

279. *Ин.* Такъ надобно взяться снова за прежнее разсужденіе, чтобы, поколику весьма многіе у царскаго рода оспариваютъ попеченіе о городахъ, устранить всѣхъ такихъ и оставить только царя. А для этого, говорили мы, нуженъ намъ какой нибудь примѣръ.

Сокр. Мл. И очень.

Ин. Какой же именно примѣръ, представляющій ту же политическую дѣятельность, только самый малый, предложилъ бы намъ кто нибудь, чтобы можно было удовлетворительно
В. найти искомое?—Хочешь ли, ради Зевса, Сократъ,—за неимѣніемъ какого либо готоваго,—выберемъ по крайней мѣрѣ искусство ткацкое? Да и это, если угодно, не все? Можетъ быть, довольно будетъ тканья изъ шерсти: пожалуй, и эта отличенная нами часть ткацкаго искусства засвидѣтельствуетъ намъ то, чего хотимъ.

Сокр. Мл. Да, почему не такъ!

Ин. Отчего же бы намъ, какъ прежде дѣлили мы каждый предметъ, отсѣкая части отъ частей, не сдѣлать того же и
С. теперь съ ткацкимъ искусствомъ, и, по силамъ, съ возможною краткостію, скоро пробѣжавъ все, опять прійти къ тому, что полезно для насъ въ настоящемъ случаѣ?

Сокр. Мл. Какъ ты говоришь?

Ин. Самое разсмотрѣніе дѣла будетъ тебѣ моимъ отвѣтомъ.

Сокр. Мл. Прекрасно сказано.

Ин. Все, что мы производимъ и приобрѣтаемъ, либо помогаетъ намъ въ дѣланіи чего нибудь, либо охраняетъ

насъ отъ какого нибудь страданія. Изъ предметовъ охранительныхъ, одни—врачевства, какъ божественныя, такъ и человѣческія, другія—орудія защиты; изъ орудій защиты, D. одни—военныя вооруженія, другія—ограды; изъ оградъ, однѣ закрываютъ насъ, другія оберегаютъ отъ холода и зноя; изъ оберегалищъ, одни—кровли, другія—матеріи; изъ матерій, однѣ—ковры, другія—покровы; изъ покрововъ, одни—цѣльные, другіе—составные; изъ составныхъ, одни—сшитые, E. другіе—держащіеся безъ швовъ; между не сшитыми, одни дѣлаются изъ нитей земныхъ растеній, другіе—изъ волосъ; между волосяными, одни склеены водою и землею, другіе сотканы сами по себѣ. Такъ не этимъ ли предохранительнымъ вещамъ и покровамъ, сдѣланнымъ изъ того, что соткано само по себѣ, дали мы имя платья? А искусство, пекущееся особенно о платьяхъ,—подобно тому, какъ 280. тогда—пекущееся о городѣ назвали политикою,—не называть ли намъ теперь, такимъ же образомъ, по самому его дѣлу, платьестроеніемъ? Не скажемъ ли притомъ, что и искусство ткацкое, поколику въ дѣлѣ постройки платьевъ оно составляло самую большую часть, ничѣмъ, кромѣ имени, не отличается отъ этого платьестроенія, подобно тому, какъ и тамъ искусство царское не отличалось тогда отъ политическаго?

Сокр. Мл. Весьма правильно.

Ин. Разсудимъ же послѣ сего, что такъ называемое искусство построить платья кто нибудь могъ бы уже признать опредѣленнымъ достаточно, не сообразивъ, что отъ многихъ B. другихъ, сродныхъ, оно было отдѣляемо, а отъ близкихъ къ нему по работѣ еще не отличено.

Сокр. Мл. Отъ какихъ, говоришь, сродныхъ?

Ин. Ты, кажется, не слѣдовалъ за тѣмъ, что говорилось: поэтому надобно, какъ видно, идти опять назадъ, начавъ съ конца. Вѣдь если разумѣешь ты сродство,—мы сейчасъ отъ нашего искусства отсѣкли производство ковровъ, отдѣляя надѣваемое и подстилаемое.

Сокр. Мл. Понимаю.

С. *Ин.* Устранили даже всякую работу изъ льна, веревокъ и всего, что справедливо назвали нитями растений; удалили также битье шерсти и всякое соединеніе вещей посредствомъ вязанья и шитья, котораго большая часть есть искусство сапожническое.

Сокр. Мл. Конечно.

Ин. Отдѣлили мы и уходъ за цѣльными покрывами, — искусство кожевническое, — потому кровельное и всѣ, примѣняемыя къ домостроительству, ко всякому плотничеству и другимъ
D. искусствамъ, удерживающимъ теченіе жидкостей; отдѣлили также искусства оградъ, доставляющія издѣлія противъ воровства и насильственныхъ дѣйствій, занимающіяся приготовленіемъ охранительныхъ средствъ и укрѣпленіемъ дверей, и служащія частями искусства скрѣплять гвоздями; отсѣкли, наконецъ, и искусство вооруженія, — отдѣлъ великой и разнообразной силы отражать враговъ; а въ самомъ началѣ тотчасъ отдѣлили все магическое искусство лекарствъ, и оставили, какъ намъ казалось, искомое, — что охраняетъ отъ стужи, приготовляетъ защиту изъ шерсти и получило имя искусства ткацкаго.

Сокр. Мл. Выходить, такъ.

Ин. Но сказанное нами, дитя мое, еще не исчерпываетъ дѣла. Вѣдь приступающій къ приготовленію платьевъ вначалѣ дѣлаетъ, очевидно, противное тканью.

Сокр. Мл. Какъ?

Ин. Тканье есть отчасти какое-то сплетеніе.

Сокр. Мл. Да.

Ин. А отчасти есть разложеніе того, что было составлено и сплетено.

Сокр. Мл. Какое же разложеніе?

Ин. Дѣло искусства чесальнаго. Или чесальное искусство мы осмѣлимся назвать ткацкимъ и чесальщика — ткачемъ?

Сокр. Мл. Отнюдь нѣтъ.

Ин. Да если бы кто назвалъ ткачествомъ даже искусство дѣлать основу и утокъ, и то далъ бы этому дѣлу странное и ложное имя.

В.

Сокр. Мл. Какъ не ложное!

Ин. Что же? Положимъ ли, что и все вообще искусство валяльное и портняжное нисколько не относятся къ попеченію о платьѣ и уходу за нимъ, или и эти искусства назовемъ ткацкими?

Сокр. Мл. Отнюдь нѣтъ.

Ин. Но вѣдь всѣ они вмѣстѣ будутъ оспаривать уходъ-то и производство платьевъ у искусства ткацкаго, уступая ему наибольшую часть, но многое удѣляя и себѣ самимъ.

Сокр. Мл. Конечно.

С.

Ин. Да кромѣ этихъ, и искусства, приготовляющія орудія, посредствомъ которыхъ производятся ткацкія работы, должно думать, вообразить себѣ, что они тоже вспомогательныя причины всякаго ткачества.

Сокр. Мл. Весьма правильно.

Ин. Такъ наше слово о ткацкомъ искусствѣ, въ той части, которую мы отличили, не достаточно ли будетъ опредѣленно, если положимъ, что изъ всѣхъ попеченій о шерстяномъ платьѣ оно есть самое прекрасное и великое? Или мы скажемъ хотя нѣчто вѣрное, но все-таки не ясное и не законченное, пока отъ искусства ткацкаго не отдѣлимъ и этихъ всѣхъ искусствъ?

Сокр. Мл. Правильно.

Ин. И такъ, послѣ сего, не сдѣлать ли то, что говоримъ, чтобы наша рѣчь шла въ порядкѣ?

Сокр. Мл. Какъ не сдѣлать.

Ин. И вотъ различимъ сперва два искусства по отношенію ко всему, что дѣлается.

Сокр. Мл. Какія?

Ин. Одно—въ значеніи вспомогательной причины рожденія, другое—въ значеніи самой причины.

Сокр. Мл. Какъ?

Ин. Всѣ искусства, которыя самага дѣла не производятъ, Е. а только готовятъ орудія для искусствъ производящихъ, такъ что, если бы не было этихъ орудій, никогда не совершалось бы то, что совершать предназначено каждому искусству,—всѣ эти искусства мы почитаемъ вспомогательными причинами, а тѣ, которыя производятъ самое дѣло,—(прямо) причинами.

Сокр. Мл. Должно быть, такъ.

Ин. Значить, послѣ сего, всѣ искусства, готовящія веретена, челноки и всякія другія орудія, посредствомъ которыхъ принимаютъ они участіе въ производствѣ одеждъ, мы назовемъ вспомогательными причинами, а имѣющія уходъ за самими одеждами и строящія ихъ,—(прямо) причинами?

Сокр. Мл. Весьма правильно.

282. *Ин.* Но изъ причинъ, искусства промыванія, исправленія и всякаго въ томъ же родѣ попеченія, при широкомъ объемѣ искусства украшательнаго, весьма прилично принимать за часть его,—все вмѣстѣ подъ именемъ искусства валяльнаго.

Сокр. Мл. Хорошо.

Ин. Да и искусства чесальное, прядильное и всѣ, относящія къ самому производству платя, какъ бы части къ цѣлому, образуютъ также одно нѣкоторое искусство, называющееся у всѣхъ искусствомъ шерстопрядильнымъ.

В. *Сокр. Мл.* Какъ же иначе!

Ин. Но искусство шерстопрядильное имѣетъ два отдѣла, и каждый изъ нихъ есть вмѣстѣ часть двухъ искусствъ.

Сокр. Мл. Какъ?

Ин. Искусство чесальное и половина ткацкаго,—поскольку тамъ раздѣляется то, что одно съ другимъ сложено,—все это, чтобъ опредѣлить однимъ именемъ, относится къ искусству шерстопрядильному; а на все распространялись у насъ два большихъ нѣкоторыхъ искусства—соединенія и раздѣленія.

Сокр. Мл. Да.

Ин. Къ искусству раздѣленія относятся искусство чесальное и все сейчасъ названное; ибо дѣленіе на шерсти и на основѣ, — С. дѣйствуя инымъ образомъ посредствомъ утока, и инымъ — посредствомъ рукъ, — получило приведенныя сейчасъ названія.

Сокр. Мл. Конечно.

Ин. Теперь возьмемъ опять, вмѣстѣ съ искусствомъ шерстопрядильнымъ, заключающуюся въ немъ часть соединительную; а то, что было раздѣлительнаго, на этомъ все и оставимъ, разсѣкая искусство шерстопрядильное надвое — на отдѣлы раздѣляющій и соединяющій.

Сокр. Мл. Пускай будетъ раздѣлено.

Ин. Но часть соединительную, въ связи съ шерстопрядильною, Сократъ, надобно тебѣ снова раздѣлить, если хотимъ достаточно опредѣлить названное прежде искусство ткацкое.

Сокр. Мл. Пусть и должно.

Ин. Конечно, должно; и мы одно въ ней назовемъ сученіемъ, а другое — переплетаніемъ.

Сокр. Мл. Такъ ли я понимаю? Говоря о сученіи, ты, кажется, разумѣешь дѣланіе основы.

Ин. Не только это, но и дѣланіе утока. Скажемъ ли, что производство его совершается какъ нибудь безъ сученія?

Сокр. Мл. Отнюдь нѣтъ.

Ин. Различай же каждое и изъ этихъ; потому что это Е. различіе, можетъ быть, тебѣ пригодится.

Сокр. Мл. Какимъ образомъ?

Ин. Слѣдующимъ. Изъ произведеній искусства чесальнаго, вѣчто удлиненное и получившее широту мы называемъ пластомъ шерсти.

Сокр. Мл. Да.

Ин. А свитое изъ этого веретенномъ ¹ и сдѣлавшееся

¹ Это замѣчательное мѣсто весьма важно для познанія ткацкаго искусства у древнихъ. Поэтому имъ пользовались для своей цѣли многіе ученые, какъ

твердою пряжею назови ты основою; искусство же, занимающееся приготовленіемъ долгихъ нитей, —искусствомъ дѣлать основу.

Сокр. Мл. Правильно.

Ин. Но все опять, что принимаетъ пряжу слабую и, будучи свито въ основу, представляетъ для вычесыванія ворса соотвѣтственную мягкость,— все это напряденное мы назовемъ уткомъ, назначенное же къ тому искусство—искусствомъ прясть утокъ.

Сокр. Мл. Очень правильно.

Ин. И вотъ та-то часть искусства ткацкаго, которую мы отличили, кажется, ясна уже для всякаго: ибо, когда то, что въ искусствѣ шерстопрядильномъ является частью соединяющею, отдѣлываетъ сѣтъ утока и основы въ формѣ прямой ткани, все это сплетенное мы назовемъ шерстянымъ платьемъ, а занятое этимъ искусство—искусствомъ ткацкимъ.

Сокр. Мл. Очень правильно.

Ин. Пускай. Такъ почему же не сказали мы тотчасъ, в. что ткацкое искусство есть сплетеніе утока и основы, но все ходили вокругъ, дѣлая множество напрасныхъ опредѣленій?

Сокр. Мл. Но мнѣ казалось, иностранецъ, что, изъ сказаннаго, ничто напрасно не сказано.

Ин. Да и не удивительно: но, пожалуй, могло бы показаться, другъ мой. Такъ противъ такого соблазна, если бы онъ являлся и много разъ послѣ,—тутъ нѣтъ ничего уди-

наприм. Салмазіи (Exercitt. Plin. p. 277, ed. Trai. a. 1689), Готл. Шнейдеръ (Ad scriptores rei rusticae, t. IV, p. 364 sqq.). Изъ этого мѣста мы узнаемъ, что нити основы отличались отъ нитей утока. Основа была грубѣе и состояла изъ нитей, пряденыхъ круче; а утокъ состоялъ изъ нитей болѣе мягкихъ и прямыхъ. Отсюда произошли различныя искусства: στριμωντική и χροχομητική; потому что одинъ только утокъ давалъ тѣ мягкія волокна, которые выдаются изъ шерстяной матеріи, когда ее чесать и разглаживаетъ валяльщикъ. Это дѣло валяльщика означается словомъ ὀλκή, ворсованіемъ.

вительнаго, —выслушай нѣкоторыя соображенія, которыя удобно могутъ быть отнесены ко всѣмъ подобнымъ слу- С. чаямъ.

Сокр. Мл. Говори только.

Ин. Разсмотримъ же, во первыхъ, всякое излишество и недостатокъ ¹, чтобы основательно хвалить и порицать каждый разъ либо длинныя некстати, либо обратныя тому разсужденія о такихъ предметахъ.

Сокр. Мл. Да, слѣдуетъ.

Ин. Такъ вотъ если бы объ этомъ самомъ повели мы свою рѣчь, то повели бы, думаю, не безъ основанія.

Сокр. Мл. О чемъ?

Ин. О длиннотѣ и краткости, о всякомъ излишествѣ и недостаткѣ. Вѣдь есть, дѣйствительно, искусство измѣренія, D. въ отношеніи ко всему этому.

Сокр. Мл. Да.

Ин. Различимъ же въ немъ двѣ части; такъ какъ это нужно для той цѣли, которой мы теперь заняты.

Сокр. Мл. Но говори, что тутъ различать.

Ин. Слѣдующее: во первыхъ, взаимное общеніе великости и малости; во вторыхъ, необходимую сущность явленія.

¹ Иностранецъ извиняетъ здѣсь длину своего разсужденія. Но, дѣлая это, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ новыя тонкія черты своему изслѣдованію и говоритъ, что искусство измѣрять, при опредѣленіи долготы или краткости, можетъ поступать двоякимъ образомъ: можетъ, то есть, либо сравнивать великость и малость взаимно между ними, либо имѣть въ виду необходимую природу того, что существуетъ; значить, великость и малость вещей опредѣлять или относительно, или абсолютно. И послѣдній способъ обсужденія вещи, полагаетъ онъ, умѣстенъ тамъ, гдѣ спрашивается о мѣрѣ, какую нужно сохранить, когда разсматривается что нибудь въ предѣлахъ извѣстнаго искусства; ибо цѣль искусство—въ дѣйствіи остерегаться всего того, чего мало, или чего слишкомъ, и такимъ образомъ, чрезъ сохраненіе мѣры, производить все доброе и прекрасное. И такъ, самое искусство измѣренія можетъ быть раздѣлено надвое: оно содержитъ въ себѣ или тѣ искусства, которыми измѣряются числа, длины, высоты, скорости и противное тому, или другія, опредѣляющія великое и малое, излишнее и недостаточное изъ справедливой мѣры природы, изъ благоприличнаго, благопріятнаго, необходимаго и, наконецъ, изъ того, что занимаетъ средину между крайностями.

Сокр. Мл. Какъ ты говоришь?

Ин. Не кажется ли тебѣ естественнымъ, что большее надобно называть бѣльшимъ не чего другаго, какъ меньшаго, Е. и меньшее—меньшимъ бѣльшаго, а не иного чего?

Сокр. Мл. По мнѣ, такъ.

Ин. Что же? превышающее природу мѣры ¹ или превышаемое мѣрою,—въ словахъ ли то, или дѣлахъ,—не назовемъ ли мы тоже дѣйствительно бытнымъ,—въ чемъ особенно отличаются между нами добрые и злые?

Сокр. Мл. Видимо.

Ин. Стало быть, намъ надобно положить двоякую сущность великаго и малаго и двоякое дѣленіе ихъ; затѣмъ, разсматривать ихъ не какъ говорили сейчасъ—только одно по отношенію къ другому, но скорѣе, какъ теперь же сказано, полагать одну сущность въ отношеніи взаимномъ, а другую—въ отношеніи къ мѣрѣ. Хотимъ ли мы знать, для чего это?

Сокр. Мл. Почему не хотѣть?

284. *Ин.* Кто природу бѣльшаго будетъ относить не къ чему иному, а только къ меньшему, у того она никогда не получить своей мѣры. Не правда ли?

Сокр. Мл. Такъ.

Ин. Но этимъ способомъ не разрушимъ ли мы самыхъ искусствъ и всѣхъ дѣлъ ихъ, не упразднимъ ли даже искомой теперь политики и искусства, называемаго ткацкимъ? Вѣдь всѣ они остерегаются того, что больше и меньше мѣры,—остерегаются не какъ не существующаго, а какъ вещи, затрудняющей дѣло, и такимъ образомъ, сохраняя в. мѣру, совершаютъ все доброе и прекрасное.

Сокр. Мл. Какъ же.

Ин. Если же упразднимъ мы политику,—не будетъ ли послѣ того безуспѣшенъ у насъ и поискъ царскаго знанія?

¹ Природа мѣры,—это и есть необходимая сущность рожденія, или то, что абсолютно, само по себѣ заключаетъ въ себѣ свою мѣру, и для измѣренія себя не имѣетъ нужды сравниваться съ другими вещами.

Сокр. Мл. И очень.

Ин. Стало быть, подобно тому, какъ въ Софистѣ ¹ нашли мы, что есть то, чего нѣтъ, поколику къ этому идти принудило насъ разсужденіе: не придется ли намъ и теперь, по неволѣ, вывести заключеніе, что большее и меньшее измѣримы—не только одно другимъ, но и самымъ явленіемъ мѣры? Потому что вѣдь невозможно же, чтобъ былъ кто С. безспорно политикомъ, или какимъ нибудь инымъ знаткомъ дѣлъ, пока въ этомъ не установится согласія.

Сокр. Мл. Посему и теперь особенно нужно сдѣлать это.

Ин. А это дѣло еще больше, Сократъ, чѣмъ то; хотя и то, мы помнимъ, какъ было длинно. Впрочемъ относительно ихъ весьма справедливо будетъ такое предположеніе.

Сокр. Мл. Какое?

Ин. То, что для точнаго представленія дѣла современемъ D. понадобится нынѣ сказанное. А что оно достаточно и хорошо для настоящей цѣли, это, кажется, прекрасно подтвердить намъ то положеніе, если примемъ равно, что всѣ искусства существуютъ, и что большее и меньшее измѣряются не только взаимно, но и явленіемъ мѣры: ибо если есть это, то есть и тò, а когда есть тò, есть и это, но не будь котораго либо изъ нихъ,—не будетъ ни того, ни другаго ².

Сокр. Мл. Это, конечно, правильно; но что же потомъ? E.

Ин. Явно, что мы раздѣлимъ искусство измѣренія, согласно

¹ См. Sophist. p. 235 A sqq.

² Смыслъ этихъ словъ слѣдующій: Кромѣ того, для объясненія настоящаго предмета, весьма много способствуетъ убѣжденіе, что всѣ искусства, по своей природѣ, могутъ быть сравниваемы между собою какъ нѣчто, одно другаго большее, или одно другаго меньшее, а могутъ также поставляемы быть въ сравненіе и съ самой природой мѣры, или съ мѣрою абсолютною. Если же такъ, то уже легко судить, слишкомъ ли длинно было прежде разсужденіе элейца. Вѣдь если оно развивалось съ намѣреніемъ достигнуть предположенной цѣли, то зачѣмъ предполагать въ немъ плодовитость излишнюю? И такъ, здѣсь, полагаетъ элеець, тѣснѣйшимъ образомъ соединяется то и другое: если есть искусства, то есть мѣсто и двоякому способу судить о великости и малости ихъ; и наоборотъ, если есть двоякій способъ судить о великости и малости искусствъ, то, конечно, существуютъ и искусства.

сказанному, на двѣ части: къ одной его части отнесемъ всё искусства, измѣряющія числа, долготы, высоты, широты, плотности—тѣмъ, что противно имъ; а къ другой—всѣ, занятыя отношеніемъ къ мѣрѣ, приличію, благовременности, долгу и ко всему, что составляетъ средину между крайностями.

Сокр. Мл. Ты указалъ на два дѣйствительно великіе отдѣла, которые притомъ много отличаются одинъ отъ другаго.

285. *Ин.* То самое, что многіе люди высокоумные, Сократъ, иногда повторяютъ точно какое замысловатое выраженіе,—будто, то есть, искусство мѣрительное входитъ всюду,—сказано теперь, выходитъ, и нами; ибо въ области искусствъ все какимъ нибудь образомъ подчинено измѣренію. Но они, по непривычкѣ распознавать виды посредствомъ дѣленія, приводятъ эти столь различныя вещи къ тожеству, почитая подобными, и погрѣшаютъ обратно тому, разлагая не по частямъ другія, (которыя тождественны)¹. Между тѣмъ
- В. надлежало бы, когда во многихъ вещахъ замѣчена уже общность, не отступать, пока не узнаешь въ ней всякихъ различій, сколько бы ни находилось ихъ въ видахъ, и потомъ опять, когда во множествѣ вещей увидишь много-различныя несходства, не считать себя неспособнымъ и не оставлять дѣла со стыдомъ, пока всего сроднаго не заключишь въ одномъ подобіи и не соединишь сущностію какого нибудь рода. Но довольно будетъ сказаннаго какъ
- С. объ этомъ, такъ и о недостаточествующемъ и излишнемъ; условимся только, что относительно ихъ оказалось

¹ Что единственно вѣрное истолкованіе этихъ словъ то, какое мы дали имъ, ясно доказывается дальнѣйшимъ выраженіемъ: *θεόν, ὅταν μὲν τῆν τῶν πολλῶν κοινότητα* х. т. λ. (надлежало бы, когда во многихъ вещахъ замѣчена общность), гдѣ описывается метода дѣленія аналитическая и синтетическая; потому что *ἡ τῶν πολλῶν κοινότητα* есть тотъ образъ общности, по которому формы и части содержатся между собою какъ подчиненныя одному и тому же роду. А гдѣ замѣчается это, тамъ, по мнѣнію элейца, не прежде надобно оставлять трудъ изысканія ихъ, пока не будутъ усмотрѣны всѣ различія, то есть формы и части.

два рода искусства мѣрительнаго, и постараемся запомнить, что это за роды.

Сокр. Мл. Будемъ помнить.

Ин. Послѣ этого возьмемся за другое разсужденіе о томъ же самомъ предметѣ, который разсматриваемъ, и вообще о веденіи подобныхъ изслѣдованій.

Сокр. Мл. За какое?

Ин. Пусть бы кто спросилъ насъ на счетъ собесѣдованія тѣхъ, которые учатся грамотѣ: что мы скажемъ, когда одному изъ нихъ предложенъ вопросъ о числѣ буквъ въ извѣстномъ имени? имѣется ли тогда особенно въ виду сдѣлать его грамотнѣе относительно этого одного вопроса, или относительно всякаго другаго?

Сокр. Мл. Явно, что относительно всякаго.

Ин. Что же теперъ? настоящій нашъ вопросъ о политикѣ для того ли предлагается, чтобы мы сдѣлались діалектичнѣе больше въ этомъ отношеніи, или во всякомъ?

Сокр. Мл. И это явно, что во всякомъ.

Ин. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, никто, въ комъ есть сколько нибудь ума, не захотѣлъ бы получить понятіе, напри- мѣръ, о ткацкомъ искусствѣ для этого самаго понятія. Но вотъ что, думаю, не извѣстно очень многимъ: для вещей **Е.** удобопознаваемыхъ существуютъ нѣкоторыя чувственные подобія, которыя не трудно найти, когда кто человѣку, требующему отчета относительно чего нибудь, хочетъ дать его легко, безъ хлопотъ и разсужденій. Величайшимъ же и досточтимѣйшимъ предметамъ нѣтъ ни одного соотвѣтственнаго образа, который бы способенъ былъ живо выразить **286.** ихъ, и по указаніи на который, желающій удовлетворить душѣ вопрошателя примѣнительно къ какому нибудь чувству, удовлетворилъ бы ей вполнѣ. Поэтому надо упражненіемъ достигать возможности въ каждомъ дать и принять отчетъ (силою разсужденія); потому что предметы безтѣлесныя,—самые прекрасныя и величайшія,—ясно указываются однимъ разсужденіемъ, и не чѣмъ другимъ, а о нихъ-то все теперъ

и говорится. Упражнение же, въ отношеніи всего, гораздо в. удобнѣе на меньшемъ, чѣмъ на большемъ.

Сокр. Мл. Прекрасно сказано.

Ин. Вспомнимъ же причину, по которой все это сказали мы о настоящемъ предметѣ.

Сокр. Мл. Какую причину?

Ин. Да особенно ту скуку, ради которой показалась намъ такъ тяжелою продолжительная рѣчь о ткацкомъ искусствѣ, о переворотѣ во вселенной, и въ Софистѣ—о сущности не существующаго. Понимаемъ, что тутъ мы были очень длинны, и во всемъ этомъ обвиняли самихъ себя, боясь, не с. наговорили ли ненужнаго, и притомъ такъ пространно. Посему, чтобы опять не испытать намъ чего подобнаго, представляй, что прежде было сказано ради всего этого.

Сокр. Мл. Такъ и будетъ; говори только, что слѣдуетъ.

Ин. Вотъ и говорю, что, помня теперь сказанное, я и ты должны, конечно, все, о чемъ говоримъ, каждый разъ порицать или хвалить за краткость и долготу, причемъ о продолжностяхъ судить не по взаимному ихъ отношенію, а по d. той части искусства ¹ мѣрительнаго, о которой надобно памятовать,—сказали мы тогда,—въ мѣрѣ приличнаго ².

Сокр. Мл. Правильно.

Ин. Впрочемъ, и не все по этому. Когда дѣло разсчитано на удовольствіе,—намъ нѣтъ нужды въ длиннотахъ, развѣ мимоходомъ. Когда же идетъ рѣчь о рѣшеніи предложенной задачи, вопросъ, какъ легче и скорѣе найти его, разсудокъ велитъ поставлять на второмъ, а не на первомъ планѣ. Напротивъ,

¹ Разумѣется та часть искусства измѣрять, которая, по прежнему выраженію влейца, относится къ τῆ τοῦ μετρίου γενέσει, прилагаемому къ обсужденію длинноты и короткости вещей.

² Сказанное философъ ограничиваетъ оговоркою: въ мѣрѣ приличнаго, πρὸς τὸ πρέπον. Вѣдь длинноты, когда мы говоримъ только для удовольствія, вовсе не нужны; но при серьезныхъ изслѣдованіяхъ не только не должно искать скорости или удобства, а слѣдуетъ предаваться широкой, ничѣмъ не стѣсненной діалектикѣ, чтобы предметъ могъ быть раскрытъ вполне.

гораздо больше и прежде всего надобно цѣнить самую методу, дающую возможность дѣлать предметъ на виды, и если разсужденіе, сколь бы продолжительно ни было оно, дѣлаетъ слушателя изобрѣтательнѣе,—нужно раскрывать его старательно, не досадуя на его продолжительность; то же опять и въ случаѣ его краткости. Кромѣ сего, и то еще: кто порицаетъ такія собесѣдованія за длинноту разсужденій и не одобряетъ околичностей, въ которыхъ они вращаются; тому не должно такъ скоро и легко позволять отдѣливаться однимъ только порицаніемъ, будто разсужденіе длинно, но надобно думать, что ему слѣдуетъ еще указать, какъ могло бы разсужденіе, если бы было короче, сдѣлать собесѣдниковъ діалектичнѣе и въ открытіи основаній вещи находчивѣе; о порицаніяхъ же и похвалахъ по отношенію къ чему нибудь иному не заботиться, даже подавать видъ, будто и не слышишь подобныхъ рѣчей. Но объ этомъ довольно, если и тебѣ такъ кажется. Обратимся опять къ политику-то, и примѣнимъ къ нему примѣръ уже объясненнаго выше ткацкаго искусства.

Сокр. Мл. Ты хорошо сказалъ; сдѣлаемъ, что говоришь.

Ин. Отъ многихъ-то пасущихъ также искусствъ, особенно же отъ всѣхъ занятій, касающихся стадъ, царь отдѣленъ; теперь остаются, говоримъ, тѣ искусства, которыя дѣйствуютъ и помогаютъ дѣйствовать въ самомъ городѣ, и которыя, прежде всего, надобно отдѣлать одни отъ другихъ.

Сокр. Мл. Правильно.

Ин. А знаешь ли, что трудно разсѣчь ихъ надвое?—И причина этого, если пойдемъ впередъ, будетъ, думаю, не столько меньше ясна.

Сокр. Мл. Стало быть, такъ и надобно дѣлать ¹.

Ин. Разнимемъ же ихъ почленно, будто жертву, если не можемъ раздѣлить надвое; потому что разсѣкать особенно нужно всегда на ближайшее число.

¹ Т. е., стало быть, и не надобно дѣлать надвое.

Сокр. Мл. Какъ же поступимъ теперь?

Ин. Какъ прежде. Сколько ни было искусствъ, доставлявшихъ орудія для искусства ткацкаго,—всѣ ихъ отнесли мы тогда къ причинамъ вспомогательнымъ.

Сокр. Мл. Да.

Ин. То же самое надобно намъ дѣлать и теперь,—теперь D. еще больше, чѣмъ тогда. Ибо малое ли, великое ли орудіе готовится какимъ нибудь искусствомъ,—всѣ эти искусства слѣдуетъ относить къ причинамъ вспомогательнымъ, такъ какъ безъ нихъ не было бы ни города, ни политики, хотя мы никакъ не припишемъ имъ созданіе искусства царскаго.

Сокр. Мл. Конечно, не припишемъ.

Ин. Впрочемъ, отдѣляя этотъ родъ отъ другихъ, мы беремъ за дѣло трудное. Вѣдь кто говоритъ, что нѣчто изъ существующаго есть (лишь) орудіе чего нибудь одного, тотъ E. говоритъ, кажется, что-то правдоподобное; однакожь этотъ родъ принадлежностей въ городѣ мы назовемъ инымъ.

Сокр. Мл. Какой?

Ин. Такъ какъ онъ не имѣетъ того свойства, поставляется же въ произведеніи не причиною его, какъ орудіе, а ради храненія того, что произведено.

Сокр. Мл. Какой же это?

Ин. Это—родъ многообразный, составленный изъ началъ сухаго и влажнаго, огнистаго и огню не причастнаго ¹, называемый у насъ однимъ именемъ сосуда,—родъ весьма 288. обширный, и къ искомому-то знанію нисколько, думаю, не подходящій.

¹ Это мѣсто въ подлинникѣ крайне искажено. Здѣсь необходимо различаются два вида вещей, сколько, по крайней мѣрѣ, видно это изъ дальнѣйшихъ словъ. Независимо же отъ этого, тутъ возможна только догадка. Намъ кажется, что въ этомъ текстѣ предполагаются два искусства, помогающія дѣлу политики, но не составляющія политики: одно производитъ разныя для мастерства орудія, а другое отдѣлываетъ всякаго рода сосуда и ружья. Догадка наша подтверждается на стр. 289 А—В.

Сокр. Мл. Какъ подходить!

Ин. Третій же, отличный отъ этихъ, родъ принадлежностей, наблюдаемый очень часто, находится и на сушѣ и на водѣ, и въ вѣчномъ движеніи и неподвиженъ, и дорогъ и малоцѣненъ; однакожъ у него—одно имя, потому что весь онъ—для нѣкотораго сидѣнія,—всегда служитъ сѣдалищемъ чему нибудь.

Сокр. Мл. Какимъ сѣдалищемъ?

Ин. Мы называемъ его вообще повозкою,—дѣломъ вовсе не политики, а гораздо скорѣе—искусства плотническаго, гончарнаго и кузнечнаго.

Сокр. Мл. Понимаю.

Ин. Что же четвертый? Надобно ли назвать его отличнымъ отъ тѣхъ, тогда какъ въ немъ содержится весьма многое изъ того, о чемъ сказано было прежде,—напримѣръ, всякое платье, многое изъ оружія, стѣны, всѣ земляные и каменные покровы, и тысячи другихъ вещей? Такъ какъ все это дѣлается для защиты, то вполне правильно было бы въ цѣломъ назвать такой родъ защитою, и гораздо скорѣе почитать ее, въ бѣльшей части, дѣломъ искусства домостроительнаго и ткацкаго, чѣмъ политическаго.

Сокр. Мл. Конечно.

Ин. А къ пятому роду не захотимъ ли мы отнести то, что относится къ украшенію и живописи и что, пользуясь живописью и музыкою, проявляется въ подражаніяхъ, направляемыхъ только къ нашему удовольствію и по справедливости выражаемыхъ однимъ именемъ?

Сокр. Мл. Какимъ?

Ин. Это имя,—вѣроятно, забава.

Сокр. Мл. Какъ же.

Ин. Такъ всѣмъ такимъ вещамъ будетъ приличествовать одно сказанное имя; потому что ни одна изъ нихъ не производится ради чего либо серьезнаго, но всѣ дѣлаются для шутки.

Сокр. Мл. И это почти понимаю.

Ин. А того, что всѣмъ этимъ искусствамъ доставляетъ матерію, изъ которой и въ которой они, сколько ихъ теперь ни пересчитано, вырабатываютъ свои произведенія,—того разнообразнаго вида, порожденнаго многими другими искусствами, не признаемъ ли мы шестымъ родомъ?

Сокр. Мл. О какомъ видѣ говоришь ты?

Ин. Разумѣю золото, серебро и все, чѣмъ занимается металлургія; также то, что рубка деревьевъ и всякое стриженіе доставляютъ мастерамъ плотника и корзинщика; да е. лѣе, искусства снимать кору съ растеній и кожи съ тѣлъ одушевленныхъ, и другія, сколько ни есть подобныхъ, приготавлиющія пробки, кору, ремни,—всѣ они доставляютъ возможность производить изъ родовъ несложныхъ виды сложные. Все это мы назовемъ однимъ именемъ первороднаго стяжанія человѣческаго, какъ нѣчто не сложное, и производимое отнюдь не царскимъ искусствомъ.

Сокр. Мл. Хорошо.

Ин. Приобрѣтеніе же пищи и все, что, примѣшиваясь къ 289. тѣлу, получаетъ нѣкоторую способность своими частями поддерживать части тѣла, надобно назвать родомъ седьмымъ, и соединять съ нимъ, взятымъ всецѣло, имя нашего питателя, если только не найдемъ, чтобы приложить къ нему, какогонибудь другаго, лучшаго имени. И подчиняя весь этотъ родъ земледѣлію, охотѣ, гимнастикѣ, медицинѣ и кухнѣ, мы будемъ правѣе, чѣмъ относя его къ политикѣ.

Сокр. Мл. Какъ не правѣе!

Ин. И такъ, почти все приобретаемое, кромѣ животныхъ в. домашнихъ, содержится, думаю, въ этихъ семи родахъ. Но смотри,—вѣдь всего справедливѣе было бы вотъ какое расположеніе ихъ: сперва видъ первородный, потомъ орудіе, сосудъ, повозка, защита, забава, пища. Мы оставляемъ иное, не важное, что могли бы, но забыли приурочить къ этимъ родамъ: напимѣръ, идею монеты, печатей и всякаго начертанія; потому что вещи эти сами въ себѣ не содержатъ особаго, соотвѣтственной величины рода, но позволяютъ при-

влечь себя, хотя и не безъ натяжки, одна къ украшенію, другая къ орудію. Что же касается до пріобрѣтенія домашнихъ животныхъ, то всё они, кромѣ рабовъ, объемяются, по видимому, искусствомъ стадопитанія, которое выдѣлили мы прежде. С.

Сокр. Мл. Конечно.

Ин. Тагъ теперь остается еще родъ рабовъ и всѣхъ слугъ, между которыми, догадываюсь, откроются и люди, оспаривающіе у царя самое плетенье, какъ тогда оспаривали его у ткачей мастера пряденія, чесанія и всего другаго, о чемъ мы говорили. Всѣ же другіе, названные вспомога-тельными причинами, вмѣстѣ съ упомянутыми теперь дѣлами ихъ, устранены и отдѣлены отъ царской и политической дѣятельности.

Сокр. Мл. Выходить, тагъ.

Ин. Давай же рассмотримъ остальныхъ, и, чтобы видѣть ихъ лучше, подойдемъ къ нимъ ближе.

Сокр. Мл. Да, надобно.

Ин. Самые великіе-то слуги, если смотрѣть отсюда, имѣютъ, какъ мы находимъ, занятія и свойства, противныя тѣмъ, какія за ними предполагались.

Сокр. Мл. Какіе слуги?

Ин. Купленные и пріобрѣтенные этимъ способомъ: ихъ мы безспорно можемъ назвать рабами, менѣ всего усвояю-щими себѣ царское искусство. Е.

Сокр. Мл. Какъ не менѣ!

Ин. Что же? Люди свободные, которые произвольно становятся въ рабочее сословіе, наряду съ только что упомянутыми, передавая другъ другу плоды земледѣлія и искусствъ и уравнивая ихъ, люди, то сидящіе на площадяхъ, то по морю и сушѣ переѣзжающіе изъ города въ городъ и обмѣнивающіе не только другія вещи, но и монету на монету,—тѣ люди, которыхъ мы называемъ мѣнялами, торговцами, владѣльцами судовъ, барышниками,—будутъ-ли отстаивать что нибудь для себя въ политическомъ искусствѣ? 290.

Сокр. Мл. Развѣ, можетъ быть, искусство торговли-то.

Ин. Однакожь мы найдемъ, что тѣ-то, которыхъ видимъ на жалованьи и которые совершенно готовы служить всѣмъ по найму, не будутъ присвоять себѣ царскаго искусства.

Сокр. Мл. Какъ присвоять!

Ин. А что сказать о служащихъ намъ всегда въ этомъ?

Сокр. Мл. Въ чемъ, и о комъ говоришь ты?

в. *Ин.* Объ услугахъ, которыми часто бываютъ заняты сословіе глашатаевъ ¹ и люди мудрые въ дѣлахъ письменныхъ, также о многихъ другихъ, которыя весьма способны выполнять для властей иные люди, — что скажемъ объ этихъ?

Сокр. Мл. Что они, какъ и ты сказалъ теперь, слуги, а не правители городовъ.

Ин. Однакожь, думаю, вѣдь я сказалъ не во снѣ, что такимъ какимъ-то путемъ выйдутъ на свѣтъ люди, особенно притязающіе на искусство политическое; хотя, конечно, с. весьма страннымъ можетъ показаться намѣреніе искать ихъ въ классѣ служебномъ.

Сокр. Мл. Совершенно такъ.

Ин. Но приступимъ еще ближе къ тѣмъ, которые пока не испытаны. И у людей, занимающихся провѣщаніемъ, есть часть какого-то знанія служебнаго: потому что они

¹ О сословіи глашатаевъ, τὸ κηρικὸν ἔθνος, и о подобныхъ этому дѣловыхъ людяхъ, принимавшихъ участіе въ управленіи республикою, Платонъ почти вездѣ говоритъ съ колкою ироніею (см. De Rep. I, p. 351 C; Gorg. p. 455 B). То же и у римлянъ—gravesonum natio. А у Цицерона (Pro Mur. 33)—tota natio candidatorum. In. Pis. 23: de officiosissima quidem natione candidatorum. Sext. 45: Nostra natio optimatium. Ὅσοι τὲ περὶ γράμματά σοφοί, т. е. γραμματεῖς и ὑπογραμματεῖς, которыхъ тонко осмѣиваетъ и Аристотель (Rann. v. 1095 sqq.), называя ихъ именемъ голодныхъ народныхъ обезьянъ, воровски схватывающихъ куски жертвъ съ общественныхъ алтарей, τῶν βωμολόχων δηροπλήτων. Изъ Бекковой Oeconom. Athen. (I, p. 198) и Шёманова сочин. De comitiis (p. 318 sqq.) узнаемъ, что въ Афинахъ находилось много подобныхъ людей, и всѣ они были подручниками правительства, а стоя вблизи правителей, часто считали и самихъ себя правителями. Такъ эти-то люди, исполненные тщеславія и гордости, ловко осмѣиваются здѣсь Платономъ; ибо, тогда какъ они объявляли притязаніе на честь политиковъ, всякій видѣлъ въ нихъ только слугъ, бывшихъ въ распоряженіи правителей.

признаются у людей истолкователями воли боговъ, некоторыхъ служатъ.

Сокр. Мл. Да.

Ин. Да и родъ жрецовъ опять, какъ обыкновенно говорятъ, умѣеть приносимые отъ насъ дары дѣлать, посредствомъ жертвъ, благоугодными богамъ, а у нихъ, посредствомъ молитвъ, испрашивать намъ стяжаніе благъ. Но то и другое, вѣроятно, есть часть искусства служебнаго.

Сокр. Мл. Очевидно.

Ин. Такъ вотъ мы, по видимому, напали уже на какую-то стезю, ведущую туда, куда идемъ; потому что санъ жрецовъ и провѣщателей, по великости своего служенія, исполненъ высокихъ о себѣ помысловъ и принимаетъ знаки благоговѣнія. Въ Египтѣ царь даже и не могъ царствовать ¹ **Е.** безъ сана жреческаго; если же и удалось бы кому изъ другаго сословія сперва силою взойти на престолъ,—все-таки ему потомъ необходимо было вступить въ это самое сословіе. Можно находить по многимъ мѣстамъ и у эллиновъ, что величайшія въ своемъ родѣ жертвоприношенія повелѣвается совершать высшимъ властямъ. То самое, о чемъ говорю, не меньше замѣтно и у васъ; ибо и здѣсь получившему жребій царя дается право завѣдывать важнѣйшими и особенно дорогими народу изъ древнихъ жертвоприношеній ².

¹ О египетскихъ постановленіяхъ въ этомъ отношеніи писано многими и во многихъ книгахъ. Но намъ довольно указать на полную самой разнообразной эрудиціи книгу Христіана Данила Бекка: *Anleitung zur genauern Kenntniss der allgemeinen Welt-und Völker-Geschichte, 1 Hälfte des 1-en Theiles, ed. 2, p. 731 sqq.*, гдѣ впрочемъ авторъ, не обращая вниманія на свидѣтельство Платона, безъ нужды предполагаетъ, что египетскіе цари принадлежали къ сословию военному. Между тѣмъ Схолиастъ къ этому мѣсту правильно говоритъ: *σημαίνου, ὅτι οἱ Αἰγυπτίων βασιλεῖς πάντες ἱερεῖς ἦσαν.* А что *ἱερατικῆς* надобно принимать въ смыслъ жречества,—ясно видно изъ слѣдующихъ далѣе мыслей.

² Всѣмъ извѣстно, что въ Афинахъ второй архонтъ носилъ имя царя. На немъ лежало разсматриваніе дѣлъ общественной религіи и касающихся ея случаевъ, чѣмъ прежде занимались сами цари (см. *Aristot. Polit. III, 14*). Оттого второму архонту и досталось это имя. Царь, или второй архонтъ, завѣдывалъ также народными праздниками, наприм., элевзинскими, ленеискими, факело-

Сокр. Мл. Да и очень.

291. *Ин.* Стало быть, этихъ-то избранныхъ по жребію царей и вмѣстѣ жрецовъ надобно разсмотрѣть намъ, равно какъ слугъ ихъ и нѣкоторую другую многочисленную толпу, которая сейчасъ только представилась глазамъ нашимъ, послѣ того какъ выдѣлили мы прежнихъ.

Сокр. Мл. О какой еще толпѣ говоришь ты?

Ин. Объ очень странной.

Сокр. Мл. А именно?

Ин. На первый взглядъ, она представляется родомъ какимъ-то всеобразнымъ: многіе изъ мужей походятъ на в. львовъ, кентавровъ и другихъ подобныхъ; весьма многіе— на сатировъ и на звѣрей слабыхъ, но лукавыхъ; но они быстро мѣняются между собою своимъ видомъ и силою. И теперь только, Сократъ, я, кажется, понялъ этихъ людей.

Сокр. Мл. Говори, говори; ты, кажется, видишь въ самомъ дѣлѣ что-то странное.

Ин. Да. Вѣдь странное-то всѣмъ представляется страннымъ отъ незнанія; я вотъ и самъ теперь почувствовалъ это: с. при первомъ взглядѣ на сонмъ, занимающійся дѣлами города, тотчасъ впалъ въ недоумѣніе.

Сокр. Мл. На какой сонмъ?

Ин. На величайшаго чародѣя изъ всѣхъ софистовъ, и чародѣя, въ своемъ искусствѣ чрезвычайно опытнаго. Какъ ни трудно отдѣлать его отъ дѣлъ существенно политическихъ и царскихъ, но, если хотимъ ясно видѣть искомое, отдѣлать надобно.

Сокр. Мл. Этого-то терпѣть, конечно, нельзя.

Ин. Да, то же и по моему мнѣнію. Скажи же мнѣ вотъ что.

состязательными (см. Pollux, VIII, 90). Но Шёманъ (Antiquitt. Graec. p. 260) говоритъ, что попеченіе о нѣкоторыхъ священныхъ дѣлахъ лежало на первыхъ трехъ архонтахъ.

Сокр. Мл. Что такое?

Ин. Одно изъ политическихъ правленій не есть ли у насъ D. монархія?

Сокр. Мл. Да.

Ин. А послѣ монархіи можно назвать, думаю, владычество немногихъ.

Сокр. Мл. Какъ же.

Ин. Третій же видъ правленія не есть ли власть въ рукахъ множества, носящая имя димократіи?

Сокр. Мл. Конечно.

Ин. А эти три правленія не становятся ли какимъ нибудь образомъ пятью, когда два изъ нихъ принимаютъ иныя названія?

Сокр. Мл. Какія названія?

Ин. Въ виду того, что въ правленіяхъ имѣють теперь мѣсто насиліе и свободное произволеніе, бѣдность и богатство, законъ и беззаконіе, каждое изъ двухъ правленій хотя и называютъ монархіею, но такъ какъ монархія представляетъ два вида, то подраздѣляютъ ее и означаютъ двумя именами: тиранніею и царствованіемъ.

Сокр. Мл. Какъ же.

Ин. А всякій разъ, когда городъ управляется немногими, это называютъ аристократіею и олигархіею.

Сокр. Мл. Конечно.

Ин. Но имени димократіи, —насильственно ли, или согласно съ свободнымъ произволеніемъ управляетъ толпа людьми достаточными, строго ли при этомъ соблюдаетъ она законы, 292. или нѣтъ, —вовсе никто не имѣетъ обычая измѣнять.

Сокр. Мл. Правда.

Ин. Что же? положимъ ли, что которое нибудь изъ этихъ правленій опредѣляется правильно, если ставится подъ такія ограниченія, —если, на примѣръ, ограничивается однимъ, немногими, или многими, богатствомъ или бѣдностію, насиліемъ или свободнымъ произволеніемъ, тѣмъ, что составилось на основаніи хартій или независимо отъ законовъ?

Сокр. Мл. Да чему же бы и мѣшать?

В. *Ин.* Смотри-ка яснѣе, обращая вниманіе вотъ на что.

Сокр. Мл. На что?

Ин. Относительно того, что сказано прежде, будемъ ли мы устойчивы, или станемъ разногласить?

Сокр. Мл. На что ты указываешь?

Ин. Царская власть, сказали мы, думаю, есть нѣкоторое знаніе.

Сокр. Мл. Да.

Ин. И не одно изъ знаній вообще, но мы выдѣлили изъ прочихъ только вѣдь нѣкоторое судительное и распорядительное.

Сокр. Мл. Да.

Ин. И изъ распорядительнаго одно отнесли къ бездуш-
С. нымъ вещамъ, а другое—къ животнымъ. И путемъ такогото дѣленія пришли мы наконецъ сюда, не забывая о знаніи; но въ чемъ оно состоитъ, того до сихъ поръ съ точностію опредѣлить не могли.

Сокр. Мл. Ты правильно говоришь.

Ин. Такъ не приходитъ ли намъ на мысль это,—что за ограниченіе въ этомъ случаѣ надобно принимать не немногихъ или многихъ, не свободу или несвободу, не бѣдность или богатство, а нѣкоторое знаніе, если только мы хотимъ слѣдовать прежнему?

Д. *Сокр. Мл.* Этого-то невозможно не принять.

Ин. Стало быть, намъ теперь необходимо разсмотрѣть это такъ: въ которомъ изъ упомянутыхъ правленій свойственно находится знаніе властвованія надъ людьми,—дѣла для достиженія едва ли не самаго труднаго и важнаго? Вѣдь надобно различить его, чтобы видно было, кого изъ людей отдѣлить отъ мудраго царя, ибо иные хотя и выдають себя за политиковъ и убѣждаютъ въ томъ многихъ, но сами вовсе не политики.

Сокр. Мл. Такъ надобно сдѣлать это, какъ предугадало намъ наше разсужденіе.

Ин. Кажется ли тебѣ, что это знаніе можетъ приобрѣсть Е. толпа-то городская?

Сокр. Мл. Какъ можно?

Ин. Но въ городѣ изъ тысячи душъ въ состояніи ли достаточно овладѣть имъ, по крайней мѣрѣ, сто, или хотя пятьдесятъ?

Сокр. Мл. Да такъ-то оно было бы самое легкое изъ всѣхъ искусствъ. Но мы знаемъ, что изъ тысячи человѣкъ не найдется противу прочихъ эллиновъ столько и игроковъ въ кости; не говоря уже о царяхъ. Человѣка съ царскимъ-то знаніемъ,—начальствуетъ онъ, или нѣтъ,—мы вѣдь тѣмъ не менѣе, по вышесказанному, должны называть 293. царственнымъ.

Ин. Ты кстати вспомнилъ.—Вслѣдствіе этого, правильнаго управленія,—если только бываетъ правильное,—надобно, я полагаю, искать у одного или двухъ,—во всякомъ случаѣ, у немногихъ.

Сокр. Мл. Какъ же.

Ин. И объ этихъ-то,—охотно ли, или невольно граждане управляются ими, на основаніи ли хартій правятъ они, или безъ хартій, богатство ли сопровождаетъ ихъ, или бѣдность,—объ этихъ надобно думать, какъ сейчасъ и согласились, что они управляютъ въ силу извѣстнаго искусства. Врачей установили же ¹ мы,—по нашему ли желанію, или противъ нашей воли пользуются они насъ, рѣжутъ ли, прижигаютъ, либо возбуждаютъ боль какимъ нибудь инымъ образомъ, по хартіямъ ли пользуются, или безъ хартій, наслаждаясь богатствомъ, или терпя бѣдность,—и мы тѣмъ

¹ Врачей постановили же мы, τοὺς ἰατροὺς δὲ οὐκ ἤκιστα νενομίχαμεν. Въ этомъ текстѣ филологи не знаютъ чѣмъ дѣлать съ частицею δὲ: она кажется имъ совершенно неумѣстною, и нѣкоторые изъ нихъ хотѣли бы вмѣсто нея читать γέ, которая однакожь безъ δὲ была бы здѣсь вовсе не кстати. Мы, напротивъ, полагаемъ, что, не изгоняя отсюда δὲ, надобно только присоединить къ нему γέ, и значеніе его будетъ ясно. Въ этомъ значеніи употребляется оно Plat. Phaedr. p. 230: Σὺ δὲ γε, ὦ θαυμάσιε, ἀποπλάττοός τις φαίνοι. Xenoph. Instit. Cyn. V, 116: Οἱ αὐτοὶ δὲ γε οὗτοι καὶ κλέπτειν ἐπιχειροῦσι.

не менѣе признаемъ же ихъ врачами, какъ скоро они, руководствуясь искусствомъ, очищаютъ или иначе ослабляютъ больныхъ, либо утучняютъ ихъ, — лишь бы, заботясь о пользѣ тѣлъ и дѣлая ихъ лучшими изъ худшихъ, всѣ такіе С. врачеватели спасали врачуемыхъ. Такъ, мнѣ кажется, а не иначе мы положимъ, что это единственно правильное опредѣленіе искусства врачебнаго и всякаго иного управленія.

Сокр. Мл. Безъ сомнѣнія.

Ин. Такъ и между правительствами, какъ видно, необходимо будетъ правильнымъ особенно то правительство, въ которомъ найдутся правители, по истинѣ, а не по видимому только знающіе; а тамъ — пусть они управляютъ по законамъ или безъ законовъ, по желанію гражданъ или противъ желанія, среди богатства или бѣдности, — для правильного D. опредѣленія, ни одного изъ этихъ обстоятельствъ брать въ расчетъ никакъ не слѣдуетъ.

Сокр. Мл. Хорошо.

Ин. Пусть они очищаютъ городъ къ лучшему чрезъ убіеніе или изгнаніе когонибудь, пусть уменьшаютъ въ немъ населеніе, выводя изъ него, будто пчелиный рой, колоніи, либо увеличиваютъ общество, вводя въ него откуданибудь другихъ жителей и дѣлая ихъ гражданами: лишь бы только, руководствуясь въ этомъ случаѣ знаніемъ и правдою, спасали его и, по возможности, дѣлали лучшимъ изъ худшаго. E. Тогда только, и по этимъ чертамъ, надобно намъ правительство признавать правильнымъ. Если же правильными называются и какіянибудь иныя, надо считать ихъ не подлинными и не дѣйствительными, а подражаніями перваго, и когда признаются они благозаконными, подражаніе бываетъ въ хорошемъ, а какъ скоро нѣтъ, — въ худомъ.

Сокр. Мл. О прочемъ, иностранецъ, говорилъ ты, кажется, дѣльно; а сказанное о томъ, что должно ¹ управлять даже безъ законовъ, слышать тяжело.

¹ Здѣсь можетъ затруднять читателя слово *δέν*, — должно управлять безъ законовъ, тогда какъ естественнѣе, по видимому, было бы сказать: можно или поз-

Ин. Ты немного предупредилъ меня этимъ вопросомъ, 294. Сократъ, потому что я самъ хотѣлъ-было спросить тебя, принимаешь ли ты все, или иное изъ сказаннаго не нравится тебѣ.—Но теперь уже явно, что намъ желательно рассмотреть, несколько правы лица, управляющія безъ законовъ.

Сокр. Мл. Какъ не явно!

Ин. Хотя нѣкоторымъ образомъ вѣрно, что законодательство есть дѣло искусства царскаго, но лучше всего, когда не законы имѣютъ силу ¹, а царственное лицо, мудро пользующееся властью. Знаешь ли, почему это?

Сокр. Мл. Почему же, говоришь?

Ин. Потому что никогда законъ не можетъ съ точностію **В.** и вполне обнять превосходнѣйшее и справедливѣйшее, чтобы предписывать всѣмъ наилучшее. Вѣдь несходства между людьми и дѣлами, и то, что ничто человѣческое ни на минуту, просто сказать, не остается въ покоѣ ни въ чемъ,—не позволяютъ никакому искусству проявиться въ формѣ простой для всѣхъ людей и на всѣ времена. Вѣроят-но, согласимся въ этомъ?

Сокр. Мл. Какъ же.

Ин. А законъ-то, видимъ, стремится почти къ тому самому, чего требуетъ какой нибудь упрямый и необразованный человѣкъ, не позволяющій никому ни дѣлать что либо **С.** вопреки его приказанію, ни спрашивать, хотя бы даже

воителью. Поэтому и Асту, вмѣсто δειν, хотѣлось читать εἰσὶναι. Хотя это чтеніе и въ самомъ дѣлѣ представляется правдоподобнымъ, однако удовлетвориться имъ нельзя; потому что мудрый царь, по положенію иностранца, иногда дѣйствительно долженъ управлять безъ законовъ. Когда, наприм., чувствуется недостатокъ въ хорошихъ законахъ, ему больше ничего не остается, какъ слѣдовать собственнымъ своимъ соображеніямъ и, не обращая вниманія на недостаточныя отечественныя постановленія, самому думать о способахъ привести государство въ состояніе благоустроенное.

¹ Это, какъ извѣстно, есть положеніе пивагорейское (Valcken. ad Herodot. III, 38). Съ этимъ согласно и то, что говорится De legg. IX, p. 875 С, гдѣ признается дѣломъ неблагоприличнымъ, унизительнымъ мужа мудраго и по истинѣ божественнаго подчинять законамъ человѣческимъ.

представилось кому, сравнительно съ его приказаніемъ, что нибудь лучшее.

Сокр. Мл. Правда: законъ съ каждымъ изъ насъ поступаетъ точно такъ, какъ ты сейчасъ говорилъ.

Ин. Стало быть, тому, что всегда бываетъ простымъ, невозможно ли благоденствовать при томъ, что никогда не просто?

Сокр. Мл. Должно быть.

Ин. Такъ для чего же необходимо законодательствовать, D. если законъ не вполнѣ правиленъ? Надо искать причину этого.

Сокр. Мл. Какъ же.

Ин. Не въ обычаѣ ли и у васъ, какъ въ другихъ городахъ, такія упражненія, въ которыхъ многіе люди, для состязанія, подвизаются либо на бѣгахъ, либо въ чемъ другомъ?

Сокр. Мл. Да и очень многія.

Ин. Давай же припомнимъ опять предписанія, которыя даютъ учащіе этому искусству, въ силу подобной власти.

Сокр. Мл. Что же?

E. *Ин.* Они считаютъ невозможнымъ, предписывая подходящее каждому тѣлу, входить въ подробности примѣнительно ко всякому лицу, но думаютъ, что предписанія полезныхъ средствъ для тѣла надобно дѣлать въ болѣе общей формѣ, распространяя ихъ на многихъ лицъ и многіе случаи.

Сокр. Мл. Хорошо.

Ин. Потому-то, назначая теперь многимъ вмѣстѣ равные подвиги, они частію возбуждаютъ ихъ къ бѣжанію, къ борьбѣ, ко всѣмъ тѣлеснымъ трудамъ, частію же сдерживаютъ ихъ усилія, въ одно и то же время.

Сокр. Мл. Такъ.

Ин. Подобно этому, надобно думать, и законодатель, желая распорядиться стадами на началахъ справедливости и взаимныхъ ихъ отношеній, не въ состояніи бываетъ правилами для многихъ предписать точно подходящее каждому порознь.

Сокр. Мл. По всей вѣроятности.

Ин. Но дасть законъ многимъ-таки, думаю, и на многое, придавъ ему такимъ образомъ, по отношенію къ каждому, болѣе, широкой объемъ,—все равно, изложитъ ли его письменно или сообщить законность неписьменнымъ отечественнымъ обычаямъ.

Сокр. Мл. Правильно.

Ин. Конечно, правильно. Кто, въ самомъ дѣлѣ, могъ бы когда нибудь, Сократъ, постоянно, всю жизнь, сидя под- В. лѣ известнаго человѣка, предписывать ему до точности подходящее? А если бы, изъ числа людей, получившихъ истинно царское знаніе, иной и способенъ былъ къ этому,—едва ли бы, думаю, захотѣлъ связать самого себя, излагая письменно эти такъ называемые законы.

Сокр. Мл. Изъ того, что сейчасъ говорено, иностранецъ,— слѣдуетъ.

Ин. А еще больше—изъ того, любезнѣйшій, что будемъ говорить.

Сокр. Мл. Изъ чего же именно?

Ин. Вотъ изъ чего. Скажемъ ли мы самимъ-то себѣ, что врачъ, или какой гимнастикъ, намѣреваясь уѣхать и С. оставаться вдали отъ своихъ пользуемыхъ долгое, по его предположенію, время, изъ опасенія, что занимающіеся гимнастикой или больные не будутъ помнить его предписаній, захочетъ написать имъ памятную записку? или какъ?

Сокр. Мл. Такъ.

Ин. Что же? если бы, сверхъ чаянія, проѣздивъ онъ меньше времени и возвратился,—ужели не осмѣлился бы предложить иное, вопреки той запискѣ, когда уже для больныхъ наступили другія, лучшія обстоятельства, вслѣдствіе ли перемѣны вѣтра, или другихъ неожиданныхъ перемѣнъ воздуш- D. ныхъ, случившихся какъ-то противъ обыкновеннаго? Ужели твердо стоялъ бы онъ въ той мысли, что ни самому узаконившему не должно выступать изъ прежде узаконеннаго, ни больному—осмѣливаться дѣлать иное, вопреки тому, что написано, какъ будто бы написанное было цѣлительно и здо-

рово, а отличное отъ того пораждало болѣзнь и было противно искусству? Или, когда бы все такое случилось въ злани-то и истинномъ искусствѣ, взятomъ вообще,—подобныя законо-
Е. положенія непременно возбудили бы громкій смѣхъ?

Сокр. Мл. Безъ сомнѣнiя.

Ин. Поэтому, пусть бы тотъ, кто писалъ о правомъ и не правомъ, о прекрасномъ и постыдномъ, о добромъ и зломъ, или неписьменно давалъ законы стадамъ человѣческимъ, какія пасутся въ городахъ по законамъ писавшихъ,—пусть бы этотъ писатель искусный, или другой подобный ему, вер-
296. нулся къ намъ:—можно ли ему было бы предписывать иное, вопреки тому? Или и это запрещенiе, по истинѣ, показалось бы не менѣе смѣшнымъ, чѣмъ то?

Сокр. Мл. Какъ же.

Ин. На этотъ случай знаешь ли поговорку, повторяемую народомъ?

Сокр. Мл. Теперь-то не представляю.

Ин. А между тѣмъ ее стѣдуетъ привести. Говорять, что кому извѣстны законы, сравнительно съ прежними лучшiе, тотъ долженъ дать ихъ своему городу, убѣдивши каждаго,—не иначе.

Сокр. Мл. Такъ что же? развѣ не правильно?

В. *Ин.* Можетъ быть. Но кто, не убѣждая, насильно навязываетъ лучшее,—отвѣчай, какое имя этому насилiю? Впрочемъ, нѣтъ еще; сначала на счетъ прежняго.

Сокр. Мл. О чемъ ты говоришь?

Ин. Когда кто, не убѣдивъ врачуемаго, однако строго держась искусства, принудилъ бы ребенка, какогонибудь мужчину, или и женщину, дѣлать лучшее, вопреки написанному,—какое будетъ имя этому насилiю? Не скорѣе ли—всякое, чѣмъ такъ называемая погрѣшность противъ искусства, соединенная съ вредомъ? И насилуемый въ этомъ отношенiи не правильно ли скажетъ скорѣе все, чѣмъ то, будто чрезъ насилiе врачей потерпѣлъ онъ нѣчто вредное и противное искусству?

Сокр. Мл. Ты говоришь весьма справедливо.

Ин. А что называется у насъ погрѣшностью противъ искусства политическаго? не постыдное ли, злое и несправедливое?

Сокр. Мл. Да, безъ сомнѣнія.

Ин. Такъ насилуемые дѣлать не то, что написано и усвоено отечествомъ, а другое, что справедливѣе, лучше и прекраснѣе прежняго, пусть бы стали порицать опять подобное насиліе: вѣдь порицаніе ихъ, чтобы не быть ему д. крайне смѣшнымъ, должно каждый разъ скорѣе выражать все, чѣмъ то, будто насилуемые отъ насилующихъ потерпѣли постыдное, несправедливое и злое.

Сокр. Мл. Ты говоришь весьма справедливо.

Ин. Но вынужденное насиліемъ не будетъ ли, пожалуй, справедливо, если насилующій богатъ, и несправедливо, когда онъ бѣденъ? Или такъ, что если кто, убѣдивши или не Е. убѣдивши, въ богатствѣ или бѣдности, по хартіямъ или противъ хартій, но дѣлаетъ полезное,—эта-то польза и должна тутъ служить самымъ вѣрнымъ мѣриломъ правильнаго распоряженія городомъ, по которому мужъ доблестный и мудрый будетъ устраивать дѣла подвластныхъ? Какъ кормчій бережетъ своихъ сопутниковъ, постоянно соблю- 297. дая пользу корабля и матросовъ, и не излагая письменно законовъ, но поставляя законъ въ искусствѣ: такъ, не этимъ ли самымъ способомъ, и люди, сильные въ сказанномъ родѣ управленія, дѣлаютъ государство правильнымъ, поставляя силу искусства выше законовъ? И во всѣхъ дѣлахъ мудрыхъ правителей нѣтъ погрѣшности, пока они соблюдаютъ одно великое правило: всегда разумно и искусно удѣлять гражд. в. данамъ города самое справедливое,—пока они сохраняютъ умѣнье поддерживать ихъ и изъ худшихъ, по возможности, сдѣлать лучшими.

Сокр. Мл. Противъ того-то, что теперь говорено, сказать ничего нельзя.

Ин. Да нельзя противорѣчить и этому.

Сокр. Мл. Что хочешь сказать?

Ин. То, что никогда не возможно толпѣ какихъ бы то ни было лицъ получить такое знаніе и разумно распоряжаться городомъ: этого правленія, единственно правильнаго, можно искать между немногими, въ маломъ, въ одномъ; а прочія правленія, какъ недавно сказано, надобно почитать подражаніями, изъ которыхъ одни подражаютъ тому истинному для цѣли прекрасной, а другія—для цѣли постыдной.

Сокр. Мл. Что ты это сказалъ? вѣдь я не совсѣмъ понялъ твою мысль о подражаніяхъ.

Ин. А между тѣмъ не худо было бы, если бы кто, тронувъ этотъ вопросъ, тутъ его и оставилъ, и своимъ изслѣдованіемъ не обнаруживалъ случающейся нынѣ въ отношеніи къ нему погрѣшности.

Сокр. Мл. Какой погрѣшности?

Ин. Что-то подобное все же мы должны изслѣдовать, и не очень привычное намъ и не легкое для усмотрѣнія. Впрочемъ, постараемся схватить это. Ну-ка,—знаешь ли ты, что, какъ скоро у насъ правильно одно это правленіе, о которомъ мы говорили, прочія должны сохраняться, только пользуясь его постановленіями и дѣлая то, что нами теперь одобрено, хотя это и не самое справедливое?

Сокр. Мл. Что такое?

Ин. То, чтобы никто не смѣлъ ничего дѣлать противъ принятыхъ въ городѣ законовъ; а кто осмѣлился бы, пусть подвергается смерти и всѣмъ крайнимъ взысканіямъ. И это весьма правильно и прекрасно, какъ второе, когда кто устранилъ бы первое ¹, о которомъ сейчасъ говорили. Но

¹ Кто измѣнилъ бы и отвергъ то первое, о чемъ мы сейчасъ говорили,—кто, то есть, отвергъ бы то совершенное управленіе, лежащее на одномъ совершенномъ мудрецѣ,—тотъ поставилъ бы себя въ необходимость подчиниться власти законовъ, признаваемыхъ священными и ненарушимыми. Такимъ образомъ философъ сколько авторитета приписываетъ совершенному царю и политику въ наилучшемъ государствѣ, столько же въ другомъ усвоитъ законамъ, такъ какъ они заступаютъ

опредѣлимъ, какимъ образомъ произошло то, что мы назвали вторымъ. Слѣдуетъ ли?

Сокр. Мл. Конечно.

Ин. Возвратимся опять къ образамъ, которымъ всегда необходимо уподоблять царственныхъ правителей.

Сокр. Мл. Къ какимъ образамъ?

Ин. Къ отважному кормчему и къ врачу, «стоющему больше многихъ другихъ ¹». Будемъ присматриваться къ нимъ, представляя въ нихъ самихъ нѣкоторую форму искомаго.

Сокр. Мл. Какую форму?

Ин. Ту, которую относительно ихъ имѣли бы въ мысли ²⁹⁸. всё мы, представляя, что терпимъ отъ нихъ ужасныя вещи. Въдъ тотъ и другой, кого изъ насъ захотятъ спасти, равномерно спасаютъ, а кому захотятъ нанести вредъ, наносятъ, —рѣжутъ насъ, жгутъ и предписываютъ дѣлать на нихъ издержки, какъ бы въ видѣ дани, изъ которой на больнаго употребляютъ или мало, или ничего, прочимъ же пользуются сами со своими слугами, —даже, наконецъ, принявъ въ награду деньги или отъ родственниковъ, или отъ какихъ враговъ больнаго, убиваютъ его. Кормчіе же ² совершаютъ тысячи другихъ подобныхъ вещей: по какой нибудь козни, во время отвала, оставляютъ людей беззащитными на берегу; въ случаѣ несчастія на морѣ, бросаютъ ихъ въ воду, и причиняютъ плователямъ множество другаго зла. Размысливши объ этомъ, пусть бы мы постановили такое рѣшеніе: С. не дозволять больше ни тому ни другому искусству управлять самодержавно ни рабами, ни свободными, но соединиться въ собраніе самимъ, либо всему народу, либо однимъ богатымъ; и пусть дозволено будетъ какъ людямъ не свѣдущимъ, такъ и мастерамъ другихъ дѣлъ подавать

мѣсто ума и правительственной мудрости (см. Legg. II, p. 690 C; IV, p. 713 E; XII, p. 957 C. De Rep. X, p. 607 A).

¹ Пиад. IX, 514.

² Съ этимъ мѣстомъ, для объясненія, можно сравнить прекрасное мѣсто того же содержанія De Rep. VI, p. 488 B sqq. Есть подобныя мысли и у Цицерона (De Rep. I, 34).

мнѣнія о плаваніи и болѣзняхъ, какъ надобно намъ пользоваться лекарствами и врачебными пособіями для больныхъ, D. также самими судами и орудіями употребленія судовъ, что дѣлать въ случаѣ опасностей для плаванія со стороны вѣтровъ и моря и при встрѣчѣ съ морскими разбойниками, или когда надобно военнымъ кораблямъ вступить въ морское сраженіе съ другими такими же. И что въ этомъ отношеніи покажется народу,—будетъ ли то по совѣту врачей и кормчихъ, или людей не знающихъ дѣла,—все то занесемъ на трехугольныя таблицы ¹ и столбцы, а иное освя- E. тимъ какъ неписанный отечественный обычай, и пусть уже послѣ того всегда такъ плаваютъ, и всегда такимъ образомъ ухаживаютъ за больными.

Сокр. Мл. Ты наговорилъ очень странныхъ вещей.

Ин. Пусть исправно каждый годъ избираются въ собраніи правители—либо изъ богатыхъ, либо изъ всего народа, смотря по тому, на кого падеть жребій. И поставленные правители будутъ пользоваться властью, управляя, по буквѣ закона, рулями кораблей и врачуя больныхъ.

Сокр. Мл. Это еще нелѣпѣе.

Ин. Разсмотри и слѣдующее за этимъ. Когда такъ-то каждому изъ правителей минетъ годъ, нужно будетъ, что-

¹ Занесемъ на треугольныя таблицы, γράφαντας ἐν κύρβεισι τισὶ καὶ στηλαῖς. Schol. Κύρβεις· τρίγωνοι πίνακες, ἐν οἷς οἱ περὶ τῶν ἱερῶν νόμοι ἐγγεγραμμένοι ἦσαν καὶ πολιτικοί. Ἄξονες δὲ τετράγωνοι, ἐν οἷς οἱ περὶ τῶν ἰδιωτικῶν. Τινὲς δὲ διαφορά ταῦτα φασίν. То же самое говорить Свида, подъ сл. Κύρβεις. Timaeus (Gloss p. 169): Κύρβεις· στηλῆ τρίγωνος παρασειδής, νόμους ἔχουσα περὶ θεῶν. (Снек. Ammon. in v. Ἄξονες.) Нарпросгагiоn между прочимъ пишетъ такъ: Ἀριστοτέλης δ' ἐν τῇ Ἀθηναίων πολιτεία φησιν· ἀναγράφοντας δὲ τοὺς νόμους εἰς τοὺς κύρβεις ἔειπεν ἐν τῇ στοᾷ τῇ βασιλείᾳ (Lexic. Segner. p. 204, 274. Schol. Apoll. Rhod. IV, 280). И такъ, κύρβεις у афинянъ были деревянныя, пирамидальныя, трехугольныя таблицы, повергывавшіяся около своей оси; на нехъ, по обычаю глубокой древности, писалось и читалось то, что было публично установлено касательно религіозныхъ обрядовъ (см. Plutarch. Vit. Solon. С. 25; Неуне, ad Apollodor., p. 1058). Впрочемъ во времена позднѣйшія это слово принимаемо было, кажется, въ болѣе обширномъ смыслѣ; такъ что въ эти трехугольники вносились памятные записки разнаго содержанія, какъ справедливо замѣчаетъ Hemsterhusius, ad Polluc. VIII, 28; Tim. Sophistae Lexicon p. 25; Euseb. Vit. Constant. I, 1.

бы на судейскую трибуну взошли мужи, избранные по жребію или изъ богатыхъ, или изъ всего народа, и, призвавъ 299. къ себѣ тѣхъ правителей, потребовали отъ нихъ отчета; причемъ желающій можетъ обвинять кого нибудь изъ нихъ, что въ теченіе года онъ правилъ кораблями не по писаннымъ законамъ и не по древнимъ обычаямъ предковъ. То же самое и касательно лицъ, которыя пользовали больныхъ. И кто изъ нихъ будетъ осужденъ, относительно тѣхъ опредѣлять, что должны они потерпѣть, или какой внести штрафъ.

Сокр. Мл. Но вѣдь кто добровольно принимаетъ управленіе подъ такими условіями, тотъ, что ни пришлось бы ему потерпѣть или внести, будетъ наказанъ весьма справ. в. ведливо.

Ин. Да еще понадобится установить законъ на счетъ всего такого: кто, изучая искусство кормчаго и корабельщика, либо медицину и вѣрные способы врачеванія въ случаѣ вѣтровъ, жара и холода, объявилъ бы себя противникомъ писанныхъ правилъ и сталъ бы въ этомъ отношеніи умничать, того на первый разъ называть не врачомъ или кормчимъ, но верхоглядомъ, болтуномъ и софистомъ; а затѣмъ на него, какъ на человѣка, который развращаетъ другихъ—младшихъ, располагая ихъ не по законамъ заниматься искусствомъ кормчаго и врача, а управлять кораблями и с. больными самостоятельно, желающій, если имѣетъ право, можетъ сдѣлать доносъ, позвать его къ суду; и если бы оказалось, что онъ убѣждаетъ или юношей, или стариковъ поступать вопреки законамъ и писаннымъ правиламъ, то подвергнуть его крайнему наказанію. Вѣдь ничто не должно быть мудрѣе законовъ; да и никому нельзя не знать какъ врачебнаго дѣла и того, что относится къ здоровью, такъ и искусства, свойственнаго кормчему или корабельщику, потому что писанные законы и принятые въ отечествѣ обы- Д. чай можетъ изучать всякій желающій. Если бы теперь то самое, что мы говоримъ, случилось и съ этими знаніями, Со-

кратъ, и съ искусствомъ военачальническимъ, и со всякимъ охотничьимъ, и съ живописнымъ, и со всѣми родами искусства подражательнаго, и съ искусствомъ домостроительнымъ, и со счетнымъ, и съ земледѣльческимъ, и со всякимъ садовничьимъ; если бы, такимъ же образомъ, мы видѣли, что по писаннымъ правиламъ ведется и кормленіе лошадей, и Е. пасеніе всякихъ вообще стадъ, и дѣло провѣщателей, и всякій видъ искусства служебнаго, и игра въ кости, и вся ариметика,—какъ простая, такъ и прилагаемая къ поверхностямъ, къ измѣренію глубины, къ твердымъ тѣламъ,—если бы все это дѣлалось по писаннымъ правиламъ, а не по искусству, что вышло бы отсюда?

Сокр. Мл. Явно, что всѣ искусства у насъ совершенно погибли бы и, такъ какъ этотъ законъ противится изслѣдованію, никогда снова не возстали бы; поэтому жизнь, трудная и теперь ¹, въ то время стала бы вовсе невыносимою.

Ин. А что скажешь объ этомъ? Если бы мы рѣшили, что все упомянутое должно совершаться по предписаніямъ, и надъ этими предписаніями поставили человѣка, избраннаго нами или назначеннаго по жребію, а этотъ, нисколько не заботясь о предписаніяхъ, либо изъ корысти, либо по какому нибудь личному благорасположенію, рѣшился бы, противу писанныхъ правилъ, дѣлать другое, ничего въ этомъ не смысла; то не произойдетъ ли отсюда зло, еще большее прежняго?

Сокр. Мл. Весьма справедливо.

В. *Ин.* Вѣдь я думаю, что, когда постановлены законы на основаніи долговременнаго опыта, и когда какіе нибудь совѣтники касательно ихъ всякій разъ искренно подавали свое мнѣніе и убѣждали народъ принять ихъ,—осмѣливающійся дѣйствовать противъ этихъ законовъ, чрезъ свою дѣятель-

¹ Эта жизнь, трудная и теперь,—когда народъ совершенно овладѣлъ умомъ, связалъ свободное мышленіе, подавилъ своими безотчетными мнѣніями всякое развитіе мысли. Такъ отзывается Платонъ о той военной димократіи, которая въ настоящее время многимъ горячимъ, но мало мыслящимъ головамъ представляется чуть не идеальной.

ность увеличивая преступленіе преступленіемъ, извратилъ бы всю практику еще больше, чѣмъ тѣ писанныя правила.

Сокр. Мл. Какъ не извратить!

Ин. Такъ поэтому для людей, постановляющихъ какіе нибудь законы и писанныя правила, должно быть вторымъ дѣломъ ¹—никакъ и никогда не позволять дѣлать что бы то ни было противное имъ ни одному лицу, ни цѣлому с. народу.

Сокр. Мл. Правильно.

Ин. Эти правила не суть ли подражанія истинѣ вещей, начертанныя, по мѣрѣ силъ, людьми знающими?

Сокр. Мл. Какъ не подражанія.

Ин. А мы, если помнимъ, сказали, что знающій-то, истинный тотъ политикъ, будетъ совершать многое по искусству, не стѣсняясь въ своихъ дѣйствіяхъ предписаніями, когда лучшимъ представится ему иное, противное тому, что онъ написалъ и приказалъ кому нибудь от- Д. отсутствующему.

Сокр. Мл. Да, сказали.

Ин. Поэтому одинъ какой бы то ни было человекъ, или любое общество, которымъ даны извѣстные законы, рѣшившись, вопреки имъ, дѣлать что либо иное, лучшее, не такъ же ли, по мѣрѣ своихъ силъ, поступятъ, какъ тотъ истинный политикъ?

Сокр. Мл. Конечно, такъ же.

Ин. И если дѣлающіе это будутъ невѣжды, то, рѣшившись подражать истинному, они станутъ подражать вовсе худо; напротивъ, когда искусники,—это будетъ уже не под- Е. ражаніе, а самая истина.

Сокр. Мл. Непремѣнно.

Ин. Однакожь прежде-то мы согласились, что никакое множество не въ состояніи овладѣть никакимъ искусствомъ.

¹ Вторымъ дѣломъ, или вторымъ приемомъ, *δεύτερον πλόν*,—выраженіе провербальное, о которомъ см. наши примѣч. къ Федону (р. 99 В) и Филебу (р. 19 С; 59 С).

Сокр. Мл. Конечно, согласились.

Ин. Стало быть, если есть какое нибудь искусство царское, то ни множество богатыхъ, ни весь народъ не могли бы усвоить себѣ знаніе политическое.

Сокр. Мл. Какъ усвоить!

Ин. Значить, такія-то, какъ видно, государства, если хотятъ по возможности хорошо подражать тому истин-
301. ному правленію одного, руководствующагося искусствомъ, правителя, никогда не должны, какъ скоро постановлены у нихъ законы, поступать вопреки писаннымъ правиламъ и отечественнымъ обычаямъ.

Сокр. Мл. Ты прекрасно сказалъ.

Ин. Такъ вотъ, когда подражаютъ ему богатые, такое государство мы называемъ аристократическимъ, а когда они же не уважаютъ законовъ,—олигархическимъ.

Сокр. Мл. Должно быть.

Ин. Напротивъ, когда кто, слѣдуя закону и подражая знатоку, управляетъ одинъ, мы называемъ его царемъ, В. и не различаемъ именами монарха съ знаніемъ и монарха съ мнѣніемъ, основаннымъ на законахъ.

Сокр. Мл. Должно быть.

Ин. Такъ что, если кто управляетъ одинъ, будучи самъ истиннымъ знатокомъ, ему имя-то непременно будетъ дано то же—царь, и никакое другое; причемъ пять именъ, которыми означаются теперь государства, сливаются въ одно ¹.

Сокр. Мл. Походитъ.

Ин. Но что, когда кто, управляя одинъ, поступаетъ и не по законамъ, и не по обычаямъ, а присвоить себѣ, подобно С. знатоку, право дѣлать что сочтеть нужнымъ наилучшее, про-

¹ Философъ хочетъ выразить ту мысль, что въ управленіи одного истинно мудраго царя сливаются всѣ формы правленія,—сосредоточиваются и проявляются въ его распоряженіяхъ. Не переставая ни на минуту быть монархомъ, оный, гдѣ нужно, становится и демократомъ, и аристократомъ, и т. д.

тиву написанныхъ правилъ, приче́мъ только ка́кая нибу́дь страсть или заблужде́нiе будутъ управлять его подража́нiемъ? Всякаго такого не слѣдуетъ ли тогда назвать тиранномъ?

Сокр. Мл. Почему не назвать!

Ин. Та́къ-то у насъ явились, говоримъ, и тираннъ, и царь, и олигархiя, и аристократiя, и димократiя; потому что лю́дямъ не нравится имѣть одного того монарха: они не вѣрятъ, чтобы нашелся когда нибу́дь челове́къ, достой- ный такой власти, чтобы онъ хотѣлъ и могъ, управляя добродѣтельно и съ знанiемъ, вѣрно удѣлять всѣмъ справедливое и святое, а напротивъ, бояться, что онъ всякому изъ насъ, кому захочетъ, будетъ причинять вредъ, наносить смерть, дѣлать зло. А если бы дѣйствительно-то представился такой, о какомъ мы говоримъ,—это была бы, по истинѣ, единственно правильная форма правленiя, подъ которою всѣ любили бы жить и жили бы счастливо.

Сокр. Мл. Какъ же иначе!

Ин. А та́къ какъ теперь-то, говоримъ, не родится въ городахъ такого царя, какой раждается въ пчелиныхъ ульяхъ,— чтобы одинъ онъ тотчасъ отличался отъ всѣхъ и душой и тѣломъ: то вотъ и надобно, какъ видно, сходиться да писать законы, придерживаясь слѣдовъ самаго истиннаго правленiя.

Сокр. Мл. Должно быть.

Ин. Та́къ будемъ ли мы удивляться, Сократъ, что подъ такими формами правленiя много случается и много будетъ случаться золь, когда таково у нихъ основанiе,—когда дѣла совершаются по писаннымъ законамъ и обычаямъ, безъ знанiя? Обратный образъ правленiя, всѣмъ располагающей произвольно, очевидно, погубилъ бы все, такимъ образомъ совершаемое. Не болѣе ли нужно удивляться тому, какое городъ крѣпкое существо по природѣ? Вѣдь нынѣшнiе-то города терпятъ такое зло въ теченiе нескончаемаго времени, —однакожь нѣкоторые изъ нихъ тверды и не разрушаются. Но много, конечно, и такихъ, которые, подобно кораблямъ, 302.

погрузившимся въ волны, либо погибають, либо погибли, либо еще погибнуть отъ неспособности своихъ кормчихъ и корабельщиковъ, такъ какъ эти люди, въ дѣлахъ величайшихъ будучи величайшими невѣждами и ничего не смысля въ управленіи государствомъ, думаютъ однакожь, что это знаніе, между всѣми другими, они усвоили себѣ особенно ясно и всесторонне.

Сокр. Мл. Весьма справедливо.

Ин. Которая же изъ этихъ неправильныхъ формъ правленія менѣе трудна для жизни,—хотя всѣ онѣ трудны,—и которая самая тяжелая? Не должны ли мы сколько нибудь войти въ этотъ предметъ,—хотя по отношенію къ настоящей-то нашей задачѣ это вопросъ и побочный? Но вѣдь въ цѣломъ-то мы все и дѣлаемъ, можетъ быть, ради этого.

Сокр. Мл. Должны; какъ не должны!

С. *Ин.* Такъ замѣть, что изъ трехъ формъ правленія одна и та же бываетъ особенно трудна и вмѣстѣ очень легка.

Сокр. Мл. Какъ ты говоришь?

Ин. Не иначе, какъ такъ, что монархія, говорю, власть немногихъ и власть многихъ,—вотъ тѣ три формы правленія, которыя мы положили съ самаго начала нашего, теперь расплывшагося, разсужденія.

Сокр. Мл. Да, было такъ.

Ин. Такъ если разсѣчемъ каждую порознь надвое, мы сдѣлаемъ шесть,—отдѣливъ отъ нихъ еще правильную—седьмую.

Сокр. Мл. Какъ?

Д. *Ин.* Къ монархіи принадлежатъ, сказали мы, власть царская и тиранническая, къ правленію немногихъ—носящая доброе имя аристократія и олигархія; правленіе многихъ, наконецъ, положили мы тогда просто подъ именемъ демократіи, но теперь надобно намъ признать и ее двоякою.

Сокр. Мл. Какъ же? и какимъ образомъ раздѣлить ее?

Ин. Точно такъ же, какъ и другія,—хотя она и не полужила еще двухъ наименованій; но управленіе по законамъ и противозаконное бываетъ и въ ней, какъ въ прочихъ.

Сокр. Мл. Конечно, бываетъ.

Ин. Тогда-то, когда мы искали формы правильной, это дѣленіе было бесполезно, чтò и было у насъ показано; но теперь, какъ скоро мы выдѣлили ее, а прочія признали необходимыми, каждая изъ нихъ должна уже дѣлиться надвое, по признаку законности и беззаконности.

Сокр. Мл. Выходить, если ужъ высказано это положеніе.

Ин. И такъ, монархія, скрѣпленная добрыми писанными правилами, которыя мы означаемъ именемъ законовъ, есть изъ всѣхъ шести формъ наилучшая; а когда нѣтъ въ ней закона, она тяжела и жить подъ нею всего труднѣе.

Сокр. Мл. Должно быть.

303.

Ин. Потомъ, правленіе-то немногихъ, такъ какъ немногое есть середина между однимъ и многимъ, мы почитали среднимъ между обоими; правленіе же многихъ, опять, по всему слабымъ и, сравнительно съ прочими, неспособнымъ дѣлать ни большаго добра, ни большаго зла: потому что власти въ немъ въ малой мѣрѣ раздѣлены между многими. Поэтому изъ всѣхъ этихъ формъ правленія, когда онѣ слѣдуютъ закону, оно будетъ самое худое; а если всѣ тѣ беззаконны,— оно окажется наилучшимъ. И когда во всѣхъ господствуетъ необузданность, подъ формою демократическою В. жизнь имѣетъ преимущества; а какъ скоро тѣ благоустроены, подъ этою жить стòитъ всего менѣе, но гораздо лучше, передъ всѣми, жить подъ первую, не говоря о седьмой; ибо эту-то нужно отличать отъ всѣхъ формъ правленія, какъ мы отличаемъ Бога отъ человѣка.

Сокр. Мл. Явно, что такъ бываетъ и случается, и надобно поступать какъ ты говоришь.

Ин. Надобно также отличать и партизановъ всѣхъ этихъ формъ правленія, кромѣ знатока; потому что они собственно не политики, а мятежники, представители величайшихъ призраковъ, да и сами изъ того же рода, и, какъ величайшіе подражатели и шарлатаны, оказываются величайшими софистами изъ софистовъ.

Сокр. Мл. Кажется, это опредѣленіе пущено ¹ въ такъ называемыхъ политиковъ очень мѣтко.

Ин. Пускай. Это у насъ—точно будто драма: мы видимъ на сценѣ, какъ было теперь сказано, какой-то хоро- D. воль кентавровъ и сатировъ, который надлежитъ устранить отъ искусства политическаго; и вотъ наконецъ онъ кое-какъ устраненъ.

Сокр. Мл. Очевидно.

Ин. Но остается еще другой, досадительнѣе этого, потому что онъ болѣе родственъ царскому роду и труднѣе различается. По видимому, мы походимъ, въ этомъ положеніи, на людей, очищающихъ золото.

Сокр. Мл. Какъ?

Ин. Вѣдь и эти мастера сперва отдѣляютъ, вѣроятно, землю, E. камни и многое другое; затѣмъ остаются примѣси, средняя съ золотомъ, цѣнные и выдѣляемые только огнемъ, каковы мѣдь и серебро, а иногда и адамантъ ²: эти вещества едва выдѣляются чрезъ плавленіе, по указанію пробнаго камня; и это только позволяетъ намъ увидѣть золото такъ называемое чистое, само въ себѣ.

Сокр. Мл. Да, говорятъ, что это такъ бываетъ.

Ин. Вотъ такимъ же, кажется, образомъ приходилось теперь и намъ отдѣлять отъ политическаго знанія все то, что было при немъ посторонняго, чуждаго и ему не дружественнаго; но затѣмъ остается еще цѣнное и сродное.

¹ Метафора, выражаемая глаголомъ *περιεστράφαι τὸ ῥήμα*, взята отъ пускаемыхъ стрѣлъ. Случай употребленія его въ этомъ смыслѣ собраны Штальбомомъ (*Ad Protag.* p. 342 D; *Sympos.* p. 219 B).

² Древніе представляли металлы въ смѣшеніи и зависимости, соответственно ихъ цѣнности и значенію у людей. Адамантъ (родъ желѣза) метафорически назывался *ὄζος χρυσοῦ*,—побѣгомъ золота (см. *Tim.* p. 59 B). *Plin. Hist. Nat.* XXXVII, 4: *Unus adamas modo in metallis repertus perquam raro comes auri nec nisi in auro nasci videbatur.* Вообще, чѣмъ цѣннѣе металлъ, тѣмъ глубже соединяется онъ, думали, съ природою золота; такъ что самыя близкія и самыя родственныя ему примѣси могутъ быть отдѣляемы отъ него не иначе, какъ огнемъ и плавленіемъ, и тогда только получается золото чистое, само въ себѣ.

Сюда относятся какъ будто искусства: военачальническое, 304. судебное и, насколько оно входитъ въ общеніе съ царскимъ, ораторство¹; такъ какъ, склоняя къ справедливому, оно тоже руководитъ дѣлами города. Кто это все какимъ нибудь образомъ удобнѣе отдѣлить, тотъ обнаружить искомага нами царя въ его чистомъ видѣ, одного, самого по себѣ.

Сокр. Мл. Явно, что надобно попытаться сдѣлать это какъ нибудь.

Ин. Но если все дѣло за попыткой, онъ обнаружится. Возьмемся же открыть его посредствомъ музыки. Скажи мнѣ.

Сокр. Мл. Что такое?

В.

Ин. Есть у насъ нѣкоторая наука музыки, и вообще изученіе знаній, основанныхъ на ловкости рукъ?

Сокр. Мл. Есть.

Ин. Что же? Должны ли мы которое нибудь изъ нихъ изучать, или нѣтъ,—знать объ этомъ самомъ, скажемъ ли, есть опять нѣкоторая относительно ихъ наука,—или какъ?

Сокр. Мл. Такъ; скажемъ, наука.

Ин. Стало быть, согласимся, что она отлична отъ тѣхъ?

Сокр. Мл. Да.

Ин. А таковы ли онѣ, что нѣкоторая не должна управлять одна другою, или тѣ должны управлять этою, или эта, какъ правительница, обязана наблюдать за всѣми тѣми?

С.

Сокр. Мл. Эта за тѣми.

Ин. Ты, стало быть, полагаешь, что начальствовать у насъ должна та наука, которая показываетъ, надобно ли учиться, или нѣтъ,—надъ тою наукою, которая наставляетъ и учитъ?

Сокр. Мл. И очень.

¹ Ораторство, ῥητορεία, по видимому, есть терминъ, нарочно выдуманный Платономъ, для означенія имъ балагурства тогдашнихъ ораторовъ—софистовъ. Въ значеніи ораторскаго искусства, оно у Платона обыкновенно называется ῥητορική.

Ин. И наука о томъ, слѣдуетъ убѣждать, или нѣтъ, — надъ наукою, убѣждать могущею?

Сокр. Мл. Какъ не должна!

Ин. Пускай. Которой же наукѣ припишемъ мы способность D. ность убѣждать толпу и народъ простою рѣчью, а не ученіемъ ¹?

Сокр. Мл. Явно, думаю, что это надобно приписать риторикѣ.

Ин. А то, убѣжденіемъ, или какимъ насиліемъ надобно выполнять чтонибудь въ отношеніи къ кому либо, или вовсе удерживаться отъ дѣла, — это опять къ которой отнесемъ наукѣ?

Сокр. Мл. Къ той, которая управляетъ искусствомъ убѣждать и говорить.

Ин. А это, думаю, не иная какая, какъ сама политика.

E. *Сокр. Мл.* Ты прекрасно сказалъ.

Ин. И такъ, выходитъ, риторика скоро отдѣлилась отъ искусства политическаго, какъ особый, служащій ему видъ.

Сокр. Мл. Да.

Ин. А что надобно думать о такой способности?

Сокр. Мл. О какой?

Ин. Какъ надобно вести войну со всѣми, съ кѣмъ предполагаемъ воевать? — безъискусственною ли назовемъ ее, или искусственною?

Сокр. Мл. Да какъ представлять ее безъискусственною, когда ее создаетъ военачальническое и все воинское искусство?

Ин. А науку, могущую и умѣющую посовѣтовать, вое-

¹ Платонъ устанавливаетъ здѣсь различіе между искусствомъ разсказывать, *μυθολογεῖν*, и искусствомъ учить, *διδάσκειν*. Еще въ Горгіасѣ замѣчено (р. 454 E), что *ῥητορικὴ παιδεία δημιουργός ἐστι πειστικῆς, ἀλλ' οὐ διδασκαλικῆς, περὶ τὸ δίκαιόν τε καὶ ἀδίκον*. Изъ этого и подобныхъ мѣстъ видно, какимъ образомъ философъ различаетъ здѣсь *τὴν μυθολογίαν* отъ *τῆς διδασχῆς*. *Διδασχῆ* стремится доказать истину, а *μυθολογία* приводитъ, въ результатъ, только къ вѣроятному. Первая въ душѣ человѣка оставляетъ твердое знаніе; а послѣдняя услаждаетъ только слухъ изяществомъ разсказа, и можетъ въ одномъ и томъ же переубѣждать каждый день.

вать ли съ кѣмъ, или кончить дружбою,—отличною ли отъ этой признаемъ мы, или примемъ съ нею за одну и ту же?

Сокр. Мл. Слѣдуя прежнему, необходимо признать отличною.

Ин. Стало быть, эту не объявимъ ли правительницею той, 305. если подобнымъ образомъ будемъ слѣдовать прежнему-то?

Сокр. Мл. Полагаю.

Ин. Какую же науку и рѣшились бы мы объявить господствующею надъ столь сильнымъ и великимъ искусствомъ всего воинскаго дѣла, какъ не науку истинно царскую?

Сокр. Мл. Никакой другой.

Ин. И слѣдовательно, политическаго-то искусства мы не признаемъ, въ качествѣ служебнаго, наукою военачальниковъ.

Сокр. Мл. Не слѣдуетъ.

Ин. А ну-ка, посмотримъ и на способность правильно судящихъ судей.

Сокр. Мл. Конечно.

Ин. Больше ли что можетъ она дѣлать, какъ разбирать взаимныя обязательства, и, принявъ всѣ постановленныя законодателемъ-царемъ правила, на ихъ основаніи, судить, что справедливо опредѣлено, что несправедливо; собственную же свою добродѣтель выражаетъ тѣмъ, что ни дарами, С. ни страхомъ, ни жалостію, никакими враждебными или дружественными побужденіями не преклоняется къ тому, чтобы разбирать взаимныя обвиненія сторонъ спорящихъ вопреки постановленію законодателя?

Сокр. Мл. Нѣтъ, дѣло этой способности—почти только то, что ты сказалъ.

Ин. Стало быть, мы находимъ, что и власть судей не есть власть царская; это—только стражъ законовъ и слуга царскаго искусства.

Сокр. Мл. Конечно.

Ин. Такъ приходится, въ виду всѣхъ сказанныхъ знаій, замѣтить, что политическимъ-то не оказалось ни одно изъ нихъ. Вѣдь искусство истинно царское должно не само производить, D.

а управлять тѣми, которыя могутъ производить: такъ какъ оно знаетъ, когда благовременно и неблаговременно начинать и двигать важнѣйшія дѣла въ городахъ; а прочія искусства обязаны только исполнять предписанія.

Сокр. Мл. Правильно.

Ин. Поэтому, разсмотрѣнные нами доселѣ искусства, не начальствуя ни надъ собою, ни одно надъ другимъ, но каждое занимаясь собственнымъ своимъ дѣломъ, по особености своихъ дѣлъ, справедливо получили и особыя имена.

Е. *Сокр. Мл.* Вѣроятно, такъ.

Ин. А то искусство, которое управляетъ всѣми этими, которое заботится о законахъ и о всемъ въ городѣ и все связываетъ вѣрнѣйшимъ образомъ, если дѣйствія его означимъ общимъ именемъ, мы по всей справедливости назовемъ, какъ видно, политическимъ.

Сокр. Мл. Конечно.

Ин. И такъ, теперь, когда всѣ роды этого искусства въ городѣ стали для насъ явны, не разсмотрѣтъ ли намъ его по образцу искусства ткацкаго?

Сокр. Мл. Очень хорошо.

306. *Ин.* Мы должны, какъ видно, сказать именно о царственномъ плетеніи: что такое оно, какимъ образомъ плететь и какую даетъ намъ ткань.

Сокр. Мл. Явно.

Ин. Но мы поставлены въ необходимость объяснить дѣло, кажется, очень трудное.

Сокр. Мл. Однакожъ надо-таки объяснить непременно.

Ин. Что часть добродѣтели нѣкоторымъ образомъ отлична отъ вида ¹ добродѣтели,—эту мысль охотники до споровъ признають очень шаткою, въ сравненіи съ мнѣніемъ толпы.

¹ Философъ намѣревается доказать, что долгъ искусства политическаго состоитъ особенно въ благоразумномъ соединеніи различныхъ естественныхъ расположений, изъ которыхъ одни приближаются къ мужеству, другія къ разсудительности

Сокр. Мл. Не понимаю.

Ин. Но если выражусь такъ: мужество, думаю, ты считаешь у насъ частію добродѣтели? В.

Сокр. Мл. Конечно.

Ин. Однакожь разсудительность-то отлична отъ мужества, хотя тоже есть часть ея, наравнѣ съ той.

Сокр. Мл. Да.

Ин. Такъ вотъ на ихъ счетъ мы осмѣлимся выставить нѣкоторое удивительное положеніе.

Сокр. Мл. Какое?

Ин. Что во многихъ случаяхъ онѣ становятся какимъ-то образомъ рѣшительно враждебны и противны одна другой.

Сокр. Мл. Какъ ты говоришь?

Ин. Мнѣніе далеко не обычное. Вѣдь говорятъ скорѣе, что всѣ части-то добродѣтели дружны одна съ другою. С.

Сокр. Мл. Да.

Ин. Разсмотримъ же, приложивъ побольше вниманія, такъ ли это безусловно, или между ними скорѣе есть нѣчто, что со сроднымъ ему враждуетъ.

Сокр. Мл. Да; говори же, какъ надобно разсматривать.

Ин. Во всѣхъ вещахъ должно изслѣдовать то, что называемъ мы хорошимъ, хотя дѣлимъ на два взаимно противныхъ вида.

Сокр. Мл. Говори еще яснѣе.

Ин. Живости и быстроты, въ тѣлахъ ли то, или въ душахъ, D.

и кротости. Благоразумное соединеніе ихъ совершается чрезъ обоюдное умѣреніе тѣхъ и другихъ, подобно тому, какъ въ искусствѣ ткацкомъ нити грубыя умѣряются мягкими. Діалектики и эретики найдутъ здѣсь много пищи для споровъ, видя, что мужество мы противопоставляемъ разсудительности, тогда какъ, по общенародному мнѣнію, всѣ добродѣтели дружественны между собою. Общенародное мнѣніе смотритъ на весь рядъ добродѣтелей въ цѣломъ,—слѣдовательно, видитъ въ нихъ только части цѣлага. Напротивъ, діалектика, замѣчая между ними противорѣчіе, разсматриваетъ ихъ подъ разными видами. Кто соединитъ естественно содружественныя части во взаимно противорѣчивыхъ видахъ?—Одинъ истинный политикъ.

или въ движеніи голоса, въ самихъ ли этихъ предметахъ, или въ образахъ, которые создаютъ, подражая имъ, музыка и живопись,—какого нибудь изъ этихъ качествъ бывалъ ли ты когда хвалителемъ, либо самъ, либо слушая, какъ въ твоёмъ присутствіи хвалили ихъ другіе?

Сокр. Мл. Почему же нѣтъ.

Ин. А помнишь ли, какимъ образомъ дѣлаютъ это въ отношеніи къ каждому изъ тѣхъ качествъ?

Сокр. Мл. Нѣтъ.

Ин. Такъ буду ли я въ состояніи объяснить тебѣ на словахъ, какъ я думаю объ этомъ?

Е. *Сокр. Мл.* Почему не быть?

Ин. Ты полагаешь, видно, что оно такъ легко. Будемъ же разсматривать это въ противоположныхъ родахъ. Вѣдь при многихъ дѣйствіяхъ, и очень часто, когда мы восхищаемся скоростью, силою и живостью въ движеніяхъ мысли и тѣла, равно какъ и голоса, мы каждый разъ выражаемъ тому свою похвалу употребленіемъ одного названія—«мужество».

Сокр. Мл. Какъ?

Ин. Мы говоримъ же: живо и мужественно, скоро и мужественно; такимъ же образомъ и сильно. И прилагая то общее имя, о которомъ говорю, ко всѣмъ этимъ качествамъ, мы прямо хвалимъ ихъ.

Сокр. Мл. Да.

Ин. Что же? и видъ бытія спокойнаго не часто ли опять хвалили мы во многихъ дѣйствіяхъ?

Сокр. Мл. И очень.

Ин. А не противное ли говоримъ, когда произносимъ о нихъ такое мнѣніе?

Сокр. Мл. Какъ?

Ин. Вѣдь мы, любуясь чѣмъ либо, называемъ всегда тихимъ и разсудительнымъ то, что совершается въ душѣ, медленнымъ и нѣжнымъ—то, что въ дѣйствіяхъ, затѣмъ мягкимъ и глубокимъ, что обнаруживается въ голосѣ, и о всякомъ ритмическомъ движеніи, о всякомъ пѣніи, говоримъ, что

оно удачно въ своей умѣренности. Всему этому мы при- В. даемъ имя не мужества, а сдержанности.

Сокр. Мл. Весьма справедливо.

Ин. И когда опять оба эти качества представляются намъ не ко времени, мы, напротивъ, порицаемъ то и другое, отмѣчая ихъ вновь противными именами.

Сокр. Мл. Какъ?

Ин. То, что происходитъ живѣе, скорѣе и жостче, чѣмъ требуютъ обстоятельства, мы называемъ оскорбительнымъ и С. неистовымъ, а что медленнѣе и нѣжнѣе,—слабымъ и вялымъ; и большею частію эти свойства,—разсудительность и мужество,—точно двѣ противоположности, удѣлъ которыхъ—выражать борьбу враждебныхъ идей,—мы находимъ несмѣшанными въ соотвѣтствующихъ имъ дѣйствіяхъ, а между тѣми, которые носятъ ихъ въ душахъ, если будемъ изучать ихъ, увидимъ разладъ.

Сокр. Мл. Въ чемъ, говоришь, разладъ?

Ин. Да во всемъ томъ, о чемъ теперъ говорили, и, пожалуй, во многомъ другомъ. Вѣдь, по взаимному сродству одно хвала, какъ свое собственное, а другое порицаю, какъ D. противорѣчающее чужое, они, думаю, касательно многихъ вещей становятся во враждебное между собою отношеніе.

Сокр. Мл. Должно быть.

Ин. Такъ само-то по себѣ разногласіе этихъ видовъ есть нѣкоторое ребячество; но въ дѣлахъ наиболѣе важныхъ оно становится бѣдствіемъ самымъ гибельнымъ для городовъ.

Сокр. Мл. О какихъ дѣлахъ говоришь ты?

Ин. О цѣлой, конечно, обстановкѣ жизни. Люди, отличающіеся особенно сдержанностію, всегда готовы жить тихо, E. одни, сами по себѣ, занимаясь своимъ дѣломъ. И дома такъ обращаются они со всѣми, и въ такія же отношенія поставляютъ себя къ городамъ внѣшнимъ, располагаясь какъ бы то ни было къ миру. Въ силу этого-то предрасположенія, далеко не оправдываемаго обстоятельствами,—поступая такъ, какъ имъ хочется,—они незамѣтно теряютъ воинственный

духъ, да къ тому же располагають и своихъ юношей; оттого эти люди всегда находятся подъ вліяніемъ стороны нападающей, такъ что въ немногіе годы и они, и дѣти ихъ, и весь городъ изъ свободныхъ, сами того не замѣчая, часто
308. дѣлаются рабами.

Сокр. Мл. Ты сказалъ о тяжкомъ и страшномъ состояніи.

Ин. Чтò же тѣ, которые больше склонны къ мужеству? Не къ войнѣ ли какой нибудь всегда возбуждаютъ они свои города и, увлекаясь болѣе сильною, чѣмъ нужно, страстью къ такой жизни, не ставятъ ли ихъ во враждебное отношеніе ко многимъ другимъ могущественнымъ обществамъ, и чрезъ то либо вовсе губятъ, либо повергаютъ въ рабство и подданство врагамъ отечественную свою землю?

В. *Сокр. Мл.* И это бываетъ.

Ин. Какъ же тутъ не сказать, что оба названные рода всегда питають одинъ къ другому чувства сильнѣйшей ненависти и вражды?

Сокр. Мл. Никакъ нельзя не сказать.

Ин. Такъ не нашли ли мы теперь, чего искали вначалѣ, — что двѣ не малыя части добродѣтели взаимно враждебны по природѣ, и къ тому же склоняють тѣхъ, въ комъ онѣ имѣются?

Сокр. Мл. Должно быть.

Ин. Примемъ опять и это.

Сокр. Мл. Что?

С. *Ин.* Развѣ какое нибудь изъ составительныхъ знаній, производя то или другое, даже самое маловажное, изъ своихъ дѣлъ, составляетъ его намѣренно изъ худыхъ и хорошихъ частей? Или, напротивъ, всякое знаніе, чтò худо, тò, по возможности, откидываетъ, а годное и хорошее беретъ, и изъ этихъ частей, подобны онѣ или не подобны, приводитъ всё ихъ въ одно, созидаетъ одну какъ бы силу и идею.

Сокр. Мл. Какъ же.

Ин. Стало быть, и истинная по природѣ политика нико-

гда не будетъ у насъ добровольно составлять какой нибудь D. городъ изъ добрыхъ и злыхъ людей, но, явно, сначала станетъ испытывать ихъ на пустомъ, а послѣ испытанія передастъ тѣмъ, которые могутъ воспитывать ихъ и готовить для этой цѣли,—причемъ будетъ наставлять и руководить сама, какъ послѣдовательно руководить чесальщиками и приготовителями другихъ работъ, нужныхъ для тканья, искусство ткацкое, повелѣвая каждому изъ нихъ совершать E. такія дѣла, какія для своей ткани почитаетъ пригодными.

Сокр. Мл. Конечно.

Ин. Такъ вотъ то же самое, представляется мнѣ, и искусство царское: сохраняя право надзора, оно не позволяетъ всѣмъ, назначеннымъ по закону, образователямъ и воспитателямъ вести дѣло такъ, чтобы кто нибудь своею работою не успѣлъ развить характеръ, соотвѣтствующій той смѣси, но предписываетъ воспитывать именно только такіе. А кто не можетъ раздѣлять съ другими нрава мужественнаго, разсудительнаго и всего, что относится къ добродѣтели, но силою дурной природы вовлекается въ нечестіе, въ пороки зор. и неправды, того оно извергаетъ, обрекая смерти, изгнанію и величайшему безчестію.

Сокр. Мл. Говорятъ именно такъ.

Ин. Тѣхъ же опять, которые погрязаютъ въ невѣжествѣ и крайнемъ униженіи, оно присоединяетъ къ роду рабскому.

Сокр. Мл. Весьма правильно.

Ин. Но прочихъ, которыхъ природы, подъ вліяніемъ воспитанія, способны къ дѣйствіямъ благороднымъ и къ взаимному сближенію, какое требуется по искусству,—т. е.: и людей, настроенныхъ особенно къ мужеству, которыхъ, въ виду твердаго ихъ характера, оно почитаетъ основовидными, и тѣхъ, что склонны къ умѣренности и представляютъ, по этому сравненію, мягкую и нѣжную пряжу утока,—тѣхъ и другихъ, при противоположныхъ ихъ стремленіяхъ, но старается связать и сплестъ такимъ образомъ.

Сокр. Мл. Какимъ же?

С. *Ин.* Во первыхъ, вѣчно пребывающую часть ихъ, ихъ души, соединяетъ, по сродству, связью божественною, а послѣ той божественной, и животную соединяетъ опять узамн чловѣческими.

Сокр. Мл. Какъ это сказалъ ты еще?

Ин. Я утверждаю, что прочно утвердившееся истинное мнѣніе о прекрасномъ, справедливомъ, добромъ и о противномъ этому, когда является въ душахъ, становится въ демонической природѣ божественнымъ.

Сокр. Мл. Да такъ это и должно быть.

Д. *Ин.* А развѣ мы не знаемъ, что политику и доброму законодателю только одному открыта возможность, при помощи музы царскаго искусства, внушать это самое людямъ, получающимъ правильное воспитаніе, о которыхъ мы теперь говорили?

Сокр. Мл. И очень естественно.

Ин. А кто безсиленъ дѣлать это, Сократъ, того мы никогда не назовемъ искомыми теперь именами.

Сокр. Мл. Весьма правильно.

Ин. Что же? Душа мужественная, принявъ въ себя такую истину, не смягчится ли, и не захочетъ ли скорѣе всего Е. приобщиться тому, что справедливо;—а не принявъ ея, не склоняется ли больше къ природѣ животной?

Сокр. Мл. Какъ не склоняется!

Ин. Что же? природа сдержанная, принявъ эти мнѣнія, не становится ли истинно разсудительною и разумною, по крайней мѣрѣ въ гражданскихъ отношеніяхъ, а не вошедши въ общеніе съ тѣмъ, о чемъ говоримъ, не несетъ ли, по всей справедливости, унижительнаго упрека въ ограниченности?

Сокр. Мл. Конечно.

Ин. Но не скажемъ ли, что это сплетеніе или соединеніе никогда не будетъ прочнымъ ни у злыхъ съ злыми, ни у добрыхъ съ злыми, и что никакое знаніе серьезно и съ пользою не приложимо къ такимъ людямъ?

Сокр. Мл. Какъ же.

Ин. Твердый же союзъ прираждается посредствомъ законъ только нравамъ, благороднымъ съ самаго начала и воспитаннымъ согласно своей природѣ: для нихъ-то предназначается это врачевство искусства и та, какъ мы сказали, божественная связь, которою соединяются части добродѣтели, по природѣ не подобныя и стремящіяся къ противоположнымъ крайностямъ.

Сокр. Мл. Совершенная правда.

Ин. Что же касается прочихъ, собственно человѣческихъ связей, то ихъ, когда уже есть эта божественная, понять вовсе не трудно, а понявши, и осуществить.

Сокр. Мл. Какъ же, — и какія это связи?

В.

Ин. Союзы брачныя и черезъ общеніе дѣтей, также союзы, вытекающіе изъ частныхъ замужствъ и браковъ; ибо многіе входятъ въ подобные союзы неправильно, по отношенію къ рожденію дѣтей ¹.

Сокр. Мл. Почему же?

Ин. Стремленіе достигнуть этимъ путемъ богатства и силы стѣдить ли даже того, чтобы серьезно порицать его?

Сокр. Мл. Нѣтъ.

Ин. Ужъ справедливѣе — говорить о тѣхъ, что хлопочуть с. на счетъ характера, — если они поступаютъ не такъ, какъ слѣдуетъ.

Сокр. Мл. Вѣроятно.

Ин. А они поступаютъ безъ всякаго здраваго основанія, когда преслѣдуютъ одни удобства настоящей минуты и, любя поэтому себѣ подобныхъ, а не подобныхъ отвергая, такъ много даютъ воли чувству нерасположенія.

¹ Изложенныя здѣсь правила касательно браковъ — тѣ же самыя, какія читаемъ въ книгахъ De legg. VI, p. 773 A sqq. Выраженіе *καὶδὼν κοινωσύνας* означаетъ не общность дѣтей, а скорѣе взаимныя между дѣтьми браки. Общихъ женъ и дѣтей Платонъ не допускаетъ ни въ одномъ своемъ діалогѣ. — Брачныя союзы, по Платону, должны быть заключаемы не ради приращенія имущества или достиженія чести, даже не изъ естественнаго влеченія къ родственнымъ натурамъ, или желанія устроить жизнь спокойнѣе, — а для благоденствія общества, чтобы чрезъ бракъ природы горячія и тихія уравнивались между собою и приходили въ слѣдующихъ поколѣніяхъ къ гармоніи.

Сокр. Мл. Какъ такъ?

Ин. Люди сдержанные, вѣроятно, ищутъ своего же нрава и какъ сами берутъ женъ, по возможности, въ такихъ до-
1) махъ, такъ и своихъ невѣсть выдаютъ замужъ опять въ такіе же. То же дѣлаетъ и родъ людей мужественныхъ,—гонится за собственной природой. Между тѣмъ оба рода должны бы дѣлать совершенно противное этому.

Сокр. Мл. Какъ и почему?

Ин. Потому что, если мужество, во многихъ сряду поколѣніяхъ, не смѣшивается съ природою разсудительною, оно сначала обыкновенно крѣпнеть силою, но наконецъ перераждается въ совершенное бѣшенство.

Сокр. Мл. Естественно.

Ин. А душа, слишкомъ полная стыда-то и лишенная мужественной отваги, перешедши такую чрезъ многія поколѣнія, становится непомерно вялою и наконецъ совершенно извращается.

Сокр. Мл. И это естественно должно случиться.

Ин. Связать эти узы, какъ я говорилъ, нѣтъ ничего труднаго,—при томъ условіи, если оба рода имѣютъ одно мнѣніе о прекрасномъ и добромъ. Вѣдь въ этомъ-то одномъ и состоитъ вся задача царственнаго ткачества,—не допускать никакъ, чтобы характеръ разсудительный отдалялся отъ мужественныхъ,—но, сплетая ихъ вмѣстѣ одинаковыми мнѣніями, и почестями, и безчестіемъ, и славою, и взаимною выдачею ручательствъ, и выводя изъ нихъ такимъ
311. образомъ мягкую и такъ называемую плотную ткань, ввѣрять въ городѣ правительственныя мѣста всегда имъ сообща.

Сокр. Мл. Какъ?

Ин. Если гдѣ случится надобность въ одномъ правителѣ,—избирать такого начальника, который имѣлъ бы оба тѣ качества; а гдѣ во многихъ,—смѣшивать частями тѣхъ и другихъ. Вѣдь нраву правителей разсудительныхъ, очень осторожному, правосудному и бережливому, недостаетъ рѣзкости, нѣкотораго рода отваги, быстрой и готовой на дѣло.

Сокр. Мл. И это, кажется, такъ.

Ин. А мужественные-то опять уступаютъ тѣмъ въ справ- ведливости и предусмотрительности; за то отличаются преимущественно въ дѣйстви. И не можетъ въ частной и общественной жизни городовъ все идти хорошо, если не будетъ этихъ родовъ—обоихъ.

Ин. Какъ же иначе.

Ин. Такъ вотъ что называемъ мы завершеиіемъ ткани, въ дѣлѣ политики: правильнымъ сплетеніемъ соединить нравы людей мужественныхъ и разсудительныхъ, причемъ цар- ское искусство, связывая ихъ жизнь единомыслиемъ и дружбою въ нѣчто общее, производитъ великолѣпнѣйшую и превосходнѣйшую изъ всѣхъ тканей,—ткань, которою обвиваетъ по городамъ, содержитъ въ связи и всѣхъ другихъ, рабовъ и свободныхъ, и, не упуская изъ виду ничего, что дѣлаетъ городъ, насколько это возможно, счастливымъ, править въ немъ и распоряжается.

Сокр. Мл. Прекрасно, иностранецъ, изобразилъ ты намъ царственнаго мужа и политика ¹.

¹ Эти заключительныя слова приписываются Сократу Младшему, но едва ли справедливо. Онъ въ діалогѣ представляется настолько скромнымъ, что нигдѣ не обнаруживаетъ собственнаго сужденія, а все только подтверждаетъ или отрицаетъ. Поэтому выраженное здѣсь, въ заключеніе, одобреніе лучше приписать Сократу философу: онъ же, какъ видимъ изъ приступа въ Софистъ, и предрасположилъ элейца къ этому разсужденію; такъ что ему неловко было бы, по окончаніи діалоговъ о софистѣ и политикѣ, происходившихъ, какъ мы знаемъ, въ одинъ и тотъ же день, не сказать ни слова и удалиться молча. Впрочемъ и самый діалогъ законченъ какъ-то круто,—пріемъ, который встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ другихъ разговорахъ. Но если приведенное заключеніе припишемъ Сократу философу, то эта заключительная его похвала будетъ гармонировать очень съ тѣмъ, что сказано въ началѣ Политика,—гдѣ Сократъ, выслушавъ разсужденіе о софистѣ, называетъ себя счастливымъ, что познакомился съ элейскимъ гостемъ.

